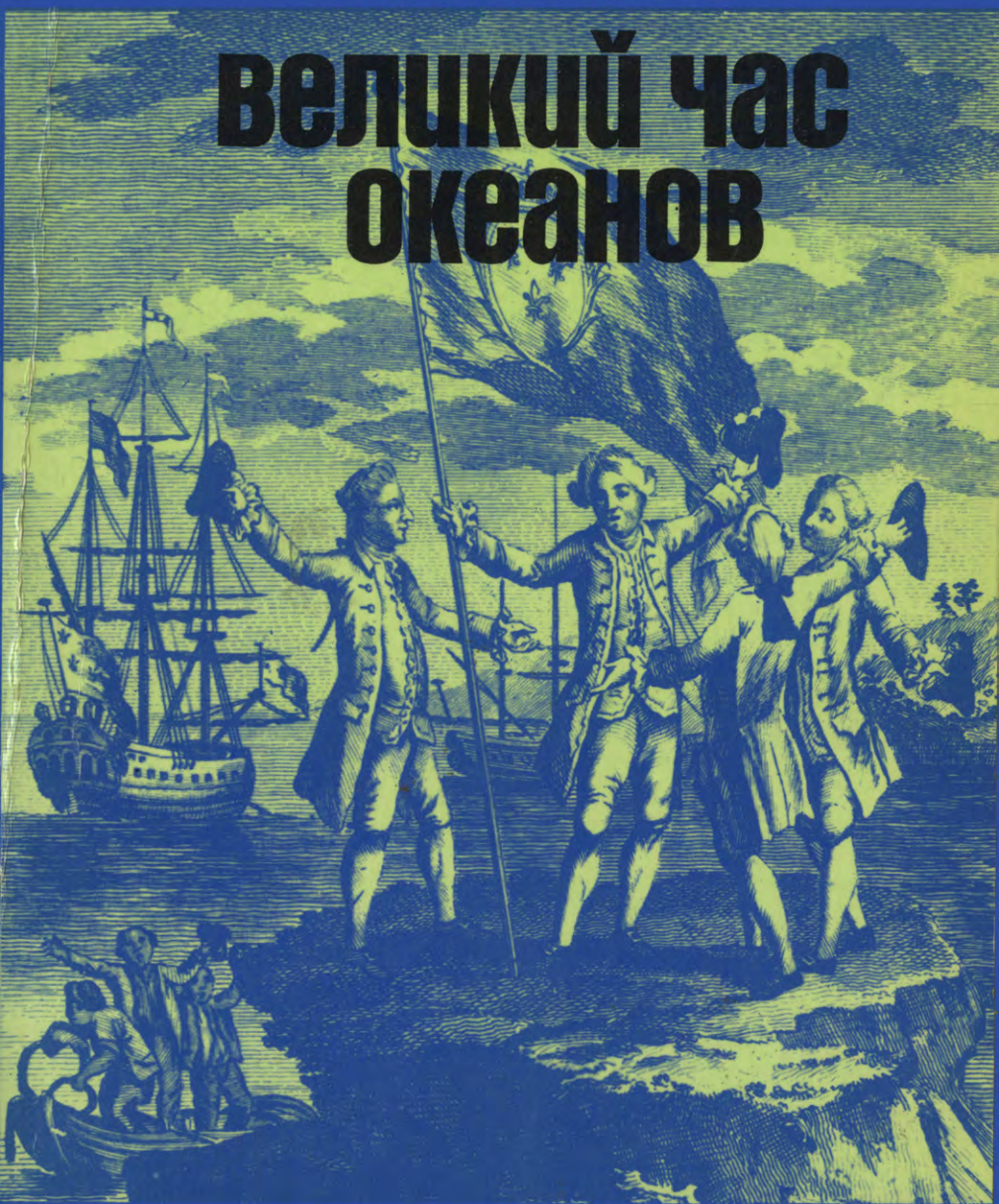

ЖОРЖ БЛОН

ВЕЛИКИЙ ЧАС ОКЕАНОВ

● ● **ТИХИЙ**

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПОИСК

Москва
«Мысль»
1979

Georges Blond

LA GRANDE
AVENTURE
DES OCÉANS

Paris, 1973

•• LE PACIFIQUE

Жорж Блон

ВЕЛИКИЙ
ЧАС
ОКЕАНОВ

•• ТИХИЙ

Редакции
географической
литературы

Перевод с французского
Л. А. Дервянкиной

Печатается с некоторыми
сокращениями

Ответственный редактор
и автор послесловия и комментариев
доктор географических наук
Л. Г. Никифоров

Иллюстрации из оригинала

Художник А. А. Кузнецов

*На первой
стронке обложки:*

Луи-Антуан Бугенвиль водружает французский флаг на одном из островков в Магеллановом проливе

*На четвертой
стронке обложки:*

Остров Пасхи, расположенный в 3000 километрах от Американского материка, усеян гигантскими статуями. Некоторые из них более 10 метров высотой и весят 20 тонн (верхний рисунок)

Рыболовство кормит миллионы жителей островов Тихого океана. И хотя на многих рыбацких пирогах теперь установлен мотор, на них до сих пор сохраняется и балансир древних времен

© Перевод на русский язык.
Издательство «Мысль». 1979

I

Волна с востока, волна с запада

Что бы вы ни собирались говорить о Тихом океане, вам прежде всего нужно сказать о его величине. Взгляните на глобус: Тихий океан занимает на нем почти треть поверхности. На долю этого океана приходится половина всей водной массы, существующей на Земле¹.

Очень внушительное впечатление производят фотоснимки, сделанные ракетами по пути к Луне. Сам Великий океан, а не его условное изображение открывается нашему взору, с пеленой облаков над ним, с грозowymi бурями. На огромном пространстве Тихого океана могла бы разместиться вся суша Земли, материки и острова и еще оставалось бы свободное место. Когда летишь на реактивном самолете с острова Таити в Лос-Анджелес, через двадцать минут после вылета внизу появляются острова Туамоту, а потом за весь восьмичасовой путь до самой посадки вы уже не увидите под собой ничего, ни единого клочка земли. А вот и еще более длинный перелет: Новая Зеландия — Сан-Франциско, 10 800 километров, свыше четверти земной окружности, но на протяжении половины этого пути вы не заметите внизу ничего — ничего, кроме водной пустыни. Недаром же это необъятное пространство стало местом посадки возвращавшихся на Землю космонавтов.

Если пройти по берегу от Сан-Франциско или от Лос-Анджелеса, вы ясно увидите, что Тихий океан не такой, как все. И дело тут вовсе не в том, что в голове у вас цифры и сравнения, означающие его размеры. Разумеется, вам хорошо известно, что эти огромные набегающие на берег волны зарождаются где-то за девять тысяч километров отсюда, но дикость океана вы ощущаете тут просто непосредственно. Везде на побережье раскинулись бассейны для плавания, потому что большинство людей, в страхе перед акулами и огромными волнами, не рискует купаться прямо в море. Корявые, низкорослые кусты тамариска искривлены ветрами, и серый песок пляжей вечно усыпан

их оборванной листвою. Если сюда для рекламных съемок присылают кинооператоров или фотографов, все они в конце концов идут на хитрость и снимают внутреннюю часть залива Сан-Франциско.

Тихий океан знал на своем веку великое множество захватывающих приключений. С самого начала, с тех самых пор, когда перестали кипеть эти воды, тут разыгрывались тысячи, миллионы всевозможных историй. Само собой разумеется, что из всех известных теперь событий мы смогли выбрать для этой книги лишь самые волнующие, самые драматические, более всего обращенные к нам своей человечностью. Вначале хотелось бы сказать несколько слов о самом главном и, быть может, самом непостижимом: о заселении тихоокеанских земель.

На необъятном пространстве Тихого океана рассеяны скопления небольших островков. Тысячи километров отделяют один архипелаг от другого и от материков Азии и Америки. Как показало изучение насекомых и улиток на островах, эти затерянные среди открытых океанских просторов земли были разобщены всегда. Поколение за поколением люди живут на них и умирают. Но всегда ли они там были? Нет, нигде в Океании не обнаружено следов палеолитического человека. Население туда пришло из *других мест*. Откуда же? Когда? Каким образом?

На протяжении долгих тысячелетий, неизмеримо более долгих, чем все наше историческое время, люди держались вдали от моря, страшась его, словно дикого зверя. Нельзя, конечно, узнать, когда они преодолели свой страх, но, начиная с того момента, можно строить десятки гипотез о первых шагах мореплавания. Что касается Азии, то древность китайского мореходного искусства (форма и оснастка джонок, компас, знания в области математики и астрономии) позволяет думать, что первые моряки этого континента вышли в море через устья китайских рек.

В начале нашей эры флотилии джонок совершали плавания к Малайскому архипелагу. Но еще гораздо раньше с Малайского архипелага на лодках, о которых мы ничего не знаем, другие мореходы уплывали далеко на восток. Как показывают недавние археологические раскопки, Марианский архипелаг (1500 километров от Филиппин и 2500 километров от Китая) был заселен примерно 4000 лет назад.

Прежде всего историей заселения Океании заинтересовались лингвисты.

— Когда разглядываешь на карте россыпь островов, густую на западе и редющую к востоку, невольно возникает мысль, что выходцы из Азии, продвигаясь на восток, заселяли на протяжении жизни нескольких поколений один архипелаг за другим. Это подтверждает и языковой анализ: даже если жители разных архипелагов из-за расхождения наречий уже не понимают друг друга, тем не менее все языки Океании принадлежат к одной и той же группе малайских языков².

Такой взгляд разделяло и разделяет по сей день большинство этнографов. Первые «колонисты», устремившиеся в Тихий океан, были, по их мнению, «негритосы», вынужденные покинуть южные районы Азии во время последнего ледникового периода. Эти негроидные племена гораздо больше напоминали диких горных папуасов Новой Гвинеи, чем нынешних любителей игры на укулеле. Следующую волну переселенцев составляли айноиды, люди белой расы, названные так за их сходство с айнами, коренными жителями острова Хоккайдо. От смешанных браков и образовались те различные группы островитян, которые населяют теперь Океанию. Не все этнографы сходятся в деталях процесса их формирования, но в основном теория заселения тихоокеанских островов выходцами из Азии давно получила почти всеобщее признание³.

После второй мировой войны норвежец Тур Хейердал выдвинул совсем иную гипотезу.

— Когда я был на одном маленьком островке Маркизского архипелага, старики туземцы рассказали мне древнюю легенду о Тики, боге и вожде, который привел их предков на Маркизские острова. «До той поры,— говорили они,— наш народ жил за морями, в большой стране на востоке». А несколько позднее я обнаружил, что Кон-Тики — самое древнее имя бога Солнца у инков. На Маркизах я встретил также огромные статуи богов, очень сходные с гигантскими монолитами, следы исчезнувших цивилизаций Южной Америки. И вот в конце концов я пришел к выводу, что по крайней мере часть архипелагов Тихого океана была заселена пришельцами из Перу.

Такова в общих чертах суть теории Тура Хейердала, которую он долго вынашивал и которая стала так дорога его сердцу. В 1945 году Хейердал представил на рассмотрение одному американскому ученому, имени которого он не называет, рукопись, озаглавленную «Доисторические связи между Полинезией и Америкой».

— Я не согласен с вами,— ответил этот человек, возвращая ему прочитанную рукопись.— В прошлом Южная Америка действительно была очагом самых удивительных цивилизаций, но мы не знаем ни того, что они собой представляли, ни времени их исчезновения после того, как власть там захватили инки. Но кое-что мы все-таки можем утверждать с уверенностью, а именно, что ни один из народов Южной Америки не совершал плаваний к островам Тихого океана. И знаете, почему? По очень простой причине: у них не было лодок.

— У них были плоты из бальсового дерева.

— Вот и попробуйте доплыть на таком плоту из Южной Америки в Океанию!

Именно это Тур Хейердал и сделал. Дальше мы увидим, как он на своем плоту, названном в честь бога инков «Кон-Тики», отправится из перуанского порта Кальяо к острову Ангатав в архипелаге Туамоту.

— Плавание на «Кон-Тики» ничего не доказывает. Цивилизация

Полинезии не имеет никакого отношения к индейцам Южной Америки, не они принесли туда свои ремесленные навыки, свои астрономические знания, своих богов и каменные изваяния. Полинезийская цивилизация совершенно самобытна. Еще задолго до того, как коренные жители Южной Америки отважились совершать дальние плавания на запад, обитатели Океании отправляли экспедиции на восток и высаживались на американском побережье. Можно с таким же успехом приплыть на плоту из Полинезии в Перу, как из Перу в Полинезию. И я собираюсь это доказать.

Человек, отстаивавший такую точку зрения, был французский мореплаватель Эрик Бишоп, личность весьма примечательная, и мы снова встретимся с ним в другой главе и увидим, как он на своем плоту, отправившись с острова Таити (8 ноября 1956 года), устремится на восток, а потом (26 мая 1957 года) в 900 милях от Чили потерпит крушение, будет взят на буксир, но не откажется от своей мысли, что в давние времена через Тихий океан совершались плавания как в одном, так и в другом направлении. И нам все-таки придется согласиться с ним, что филологи не знают языка более богатого морскими терминами, чем полинезийский. В нем не упущено ничего, что имело бы отношение к навигации, метеорологии, космографии и океанографии. «Настоящий язык путешественников, мореходов». Да и могло ли быть иначе у народа, рассеянного на таком огромном морском пространстве?

Еще в древние времена само положение жителей Океании вынудило их *сделаться* отличными мореходами. Их познания в астрономии, унаследованные ими от китайцев или инков, намного превосходили познания западных мореплавателей той поры. Они знали, что Земля круглая, и у них были слова для обозначения таких отвлеченных понятий, как экватор, тропики Рака и Козерога. Они дали названия двум сотням неподвижных звезд и шести планетам, которые назывались у них странствующими звездами. Их опытные штурманы знали, в какой части неба находится определенная звезда в данное время года и в данный час ночи, короче говоря, небо было для них часами, календарем и компасом.

Эта великолепная цивилизация зародилась, как утверждает Эрик Бишоп, в самом Тихом океане (скажем, что она обрела там свои особенные черты) и за несколько веков до нашей эры стала распространяться *на запад*, достигнув Молуккских островов, Явы, Индии, Персидского залива и даже Мадагаскара, а также на восток — в направлении Перу. Утверждение это спорное, к тому же оно не решает проблемы первоначального заселения.

— Был ли Тихий океан заселен с востока или с запада, узнать невозможно, но, как бы то ни было, заселили его случайно. Все жители Океании — это в прошлом жертвы кораблекрушений. На острова их забросили ураганы или ошибки в навигационных расчетах.

Имя автора книги, где излагается эта гипотеза («Древние путешественники Тихого океана», 1957), — Эндрю Шарп. На некоторое время он сумел привлечь к себе внимание, так как мысль, что все обязано случаю, всегда находит многочисленных сторонников. Однако книга Шарпа не объясняет, почему в те времена, когда женщины так редко принимали участие в плавании, они неизменно оказывались при кораблекрушениях, — ведь для заселения новых земель без них не обойдешься! — и уж совсем мало внимания уделяется в книге очень древнему мореходному искусству полинезийцев. Кто станет сомневаться, что на протяжении веков многие из них терпели кораблекрушения? Но мы охотнее думаем, что на поиски новых земель они отправлялись по доброй воле и мало-помалу открыли свою островную империю, а вовсе не были потомками людей, потерпевших кораблекрушение. Гипотеза Эндрю Шарпа оказалась в конечном итоге неубедительной.

И наконец, за попытку восстановить историю заселения Океании взялись археологи. Лет пятнадцать вели они систематические раскопки в этом обширном островном мире. Опубликованные до сего времени результаты их работ подтверждают отчасти выводы лингвистов. На протяжении жизни нескольких поколений древние мореплаватели, выходя из Азии, добрались до Филиппин, Марианских островов, островов Фиджи, Товарищества, Маркизских, Гавайских, Новой Зеландии и, наконец, острова Пасхи.

Однако в отношении острова Пасхи согласия у исследователей нет. Когда речь заходит об этой загадочной земле, ни у кого ни в чем нет согласия. Все знают о его удивительных статуях. Одни из них уже были установлены на определенном месте, обращенные лицом к берегу или внутрь острова, другие остались лежать в карьерах вулканического камня, где их высекали неизвестные скульпторы. Фигуры эти так велики (самые крупные из них достигают 22 метров и весят до 20 тонн), что до сих пор не прекращаются споры о том, каким же образом могли перемещать их и устанавливать.

— Когда-то остров был намного плодороднее и зеленее, жителей на нем было больше, чем теперь. Нетрудно себе представить, как тысячи людей орудуют катками, веревками, наклонными плоскостями.

— Остров представляет собой вершину древнего вулкана, а поэтому нет никаких оснований думать, что прежде он был таким, как вы говорите. Только гиганты или люди, располагавшие сверхъестественными возможностями, могли передвинуть и установить эти монолиты. Туземцы говорят о магической силе, называя ее Мана. Будем считать, что тайна остается нераскрытой⁴.

Прибывшая на остров в 1961 году американско-норвежская экспедиция тоже ничего не решила и не прояснила. В ее отчетах содержалось лишь единственное положительное утверждение: «Внешний вид статуй доказывает, что остров был заселен со стороны Перу».

В 1963 году Франсис Мазьер, один из немногих исследователей,

знающих язык паскуанцев, очень тщательно записал одно предание, повествующее о прибытии на остров *полинезийского* короля Хоту Матуа, вынужденного покинуть родные края из-за стихийного бедствия. Кроме того, Мазьер обнаружил на острове черепа брахицефалов и черепа долхоцефалов⁵: две различные расы. Как считает Эмери, профессор Гавайского университета, до острова Пасхи докатились когда-то две волны переселенцев, одна с Маркизских островов, другая из Перу. Так кто же первым прибыл на остров Пасхи, на Маркизы, на другие острова? Ответ на этот вопрос, без сомнения, не может быть одинаков для всех архипелагов.

Этнографы и археологи продолжают свои исследования. Хотелось бы думать, что со временем они придут к определенному согласию, и тогда мы сможем с некоторой достоверностью представить себе первое приключение людей в Тихом океане, эту сказочную встречу бальсовых плотов и прибывших с запада пирог, снабженных уже, быть может, своими необыкновенными балансирами. А пока первое крупное событие, известное в истории Тихого океана: встреча жителей Океании с людьми из Европы, прибывшими к ним самым длинным путем.

Гуам, самый южный из Марианских островов. Длина около 60 километров, ширина — 12. Постоянно растущее население превышает 60 000 человек⁶, не считая туристов, которых бывает там от 80 000 до 100 000 в год. Гористый, вулканического происхождения остров, окруженный кольцом коралловых рифов, местами покрыт великолепным лесом и окаймлен песчаными пляжами. Владение Соединенных Штатов, он был 1 ноября 1941 года, через три дня после Перл-Харбора, захвачен японцами и отвоеван обратно американскими военно-морскими силами в августе 1944 года. Отделение японских солдат, отказавшихся сдаться, а потом отказавшихся поверить в капитуляцию своей страны, долгое время укрывалось в лесах, и последние из них сдались только в феврале 1972 года.

На Гуаме нет больше следов войны. Местные жители возделывают свои плантации кокосовой пальмы, служат в гостинице, на аэродроме или на атомной электростанции.

Обратимся теперь к временам отдаленным и заглянем на остров в начале 1521 года. Синие волны тихоокеанских тропиков, так же как и в наши дни, окаймляют пенным кружевом серые песчаные пляжи. Вытащенные на песок, на берегу стоят несколько лодок с балансирами, почти ничем не отличающиеся от тех, на каких в наше время туристы совершают свои классические морские прогулки. Но настоящих построек в 1521 году на острове не было, лишь кое-где в глубине пляжей, по краю леса, мы заметим несколько хижин, сплетенных из листьев и веток. Живет на острове не более двух-трех тысяч человек. Дети бегают нагишом. Женщины, несколько крупнова-

того телосложения, но красивые, с распущенными волосами, носят нечто вроде мини-юбки из волокон растений. Мужчины атлетического сложения, с длинными, закрученными на макушке в узел волосами ходят в набдеренной повязке.

Утром того дня, о котором пойдет речь, из хижины вышли несколько мужчин и углубились в лес на крутом откосе. Они взяли с собой железные топоры и большую примитивную пилу, и только самый старший из них нес в руках одну лишь плетеную сумку. Он шагал впереди всех и внимательно смотрел то в одну, то в другую сторону. Искал, очевидно, подходящее дерево. Вот он заметил как раз то, что им было нужно,— тиковое дерево хорошей толщины с гладким зеленовато-бурым стволом, остановился перед ним, а все остальные обступили его полукругом.

Люди не схватились сразу за топоры, они даже бросили их себе под ноги, а один из них протянул вожаку простой железный нож, который казался очень маленьким и даже смешным для рубки дерева такой высоты. Старший мужчина сделал на стволе надрез на высоте своей груди и слегка приподнял кору. Затем он вынул из сумки небольшую, все еще трепыхавшуюся рыбку и, что-то напевая, стал запихивать ее в надрез. Он добавил туда еще несколько кусочков кокосового ореха, щепотку муки и рубленых листьев, не прерывая своего протяжного пения, которое в это время подхватили и все остальные, слегка раскачиваясь на месте в такт мелодии. Не трудно догадаться, что это был обряд заклинания и что человек, сделавший на стволе надрез, был своего рода жрецом или колдуном.

Дерево предназначалось для пироги, и, если его срубить без магического заклинания, пирога будет скверно плавать или даже утонет, как только ее спустят на воду. Узнать об этих верованиях и обрядах нам удалось потому, что на многих тихоокеанских островах они существуют еще и до сих пор, нисколько не изменившись за все прошедшие века.

Совершив магический обряд, лесорубы приступили к работе. До появления механической пилы способ рубки дерева был повсюду примерно один и тот же: ствол надрубали у основания, с той стороны, куда должно упасть дерево, а потом начинали пилить с другой стороны. Но об этих микронезийских лесорубах шестнадцатого века нельзя было сказать, что они работали, как каторжные. Все без умолку говорили, иногда пели, временами совсем прерывали работу, садясь где-нибудь поодаль, потом снова принимались за дело, а незадолго до полудня, когда начиналась жара, попросту уходили в деревню. Это было время купания в море, отдыха, сиесты. Возвращались ли они в лес до вечера, чтобы дорубить дерево, или отложат работу на завтра, это уж как придется. Рубка дерева для пироги— дело священное, так что эти люди не будут спешить и в дальнейшем, когда, повалив ствол, начнут предварительно его обрабатывать, прежде чем перетащить в деревню все с теми же магическими

заклинаниями. В точности так поступали всегда, из поколения в поколение, их отцы и деды. Ничто не менялось на Гуаме, и волны Тихого океана все так же обрамляли белой пеной его пляжи.

Но перемены все-таки были. Если их далекие предки валили и обрабатывали стволы деревьев с помощью огня и камня, то у этих людей появились орудия из железа, предметы для них очень редкие и ценные. Теперь мы знаем, что эти орудия были завезены когда-то арабскими купцами на Филиппины и оттуда начали проникать дальше на восток, от острова к острову, где прошли через множество рук. Но в 1521 году туземцы Гуама не знали, откуда у них появились железные орудия, да это их и мало трогало. Они редко задавали себе вопросы.

Ствол дерева, слегка обтесанный в форме пироги, на катках доставлялся в деревню. Перевозка занимала несколько дней — и путь был неровный, и колдун нередко останавливал работу для своих магических действий, да и работавшие не торопились. Постройка пироги была делом не утилитарным, а ритуальным. Ведь для того, кто станет ее владельцем, она будет, словно мать родная, основой жизни, источником существования.

Медлительность при сооружении судна объясняется вовсе не ленью туземцев. С определенного момента, когда ствол дерева уже выдолблен, обтесан, снабжен мачтой и поплавком (работа эта продолжается три месяца, тогда как европейским судостроителям для этого нужно несколько дней), все начинает идти с исключительной быстротой. Парус, например, изготавливают за один день, от восхода солнца до заката, как того требует ритуал, хотя дело это очень кропотливое.

Готовое судно получало название и на несколько дней становилось центром внимания всей деревни. Хозяин, его родственники и близкие друзья говорили только о новой пироге, расхваливая ее на все лады. В назначенный для спуска на воду день прибывали вожди из соседних селений, чтобы принять участие в регате. По существующему обычаю, гонки должен был выиграть вождь той деревни, где спускалась на воду новая пирога, и полагалось также, чтобы именно она заняла одно из первых мест.

Пирога, построенная зимой 1521 года жителями одной из деревень Гуама, была отправлена затем в плавание вокруг острова, для того чтобы показать ее в других деревнях с соблюдением всех торжественных ритуалов.

В 1972 году Ален Кола выиграл трансатлантические гонки одиночек на тримаране «Пенвик IV», который до этого принадлежал Эрику Табарли (он совершил на нем кругосветное плавание) и представлял собой просто пирогу с двойным балансиrom. Профессиональные моряки западных стран приняли эту победу с недовольной grimасой, считая, что тримаран — это морской снаряд, а не настоящее судно.

На протяжении веков пироги туземцев Тихого океана меняли свой вид, но принцип балансира, этого гениального изобретения, сохранялся неизменно

Зависть сквозит в их сдержанности. Пирога с балансиrom и в самом деле необычайный снаряд, гениальный челнок.

Все видели ее на фотоснимках или в кино. За исключением нескольких деталей, современные лодки похожи на самые древние, какие только были известны людям. На разных архипелагах Тихого океана они несколько отличаются друг от друга.

В Микронезии, Меланезии и Полинезии пироги строят с одним балансиrom, то есть боковым поплавком, вынесенным за борт на параллельных стержнях. На Филиппинах пироги имеют двойной балансир, который действует следующим образом: поплавок с противоположной от ветра стороны (подветренной) стремится уйти под воду и благодаря своей плавучести не дает судну перевернуться. Поплавок с наветренной стороны приподнят и не касается воды, он способствует сохранению равновесия своей тяжестью. В Микронезии и Меланезии одиночный балансир всегда находится с наветренной стороны и действует только своим весом, умеряя напор ветра на парус. Нос и корма у этих пирог совершенно одинаковы, так что при перемене ветра плыть можно и в ту и в другую сторону. Пироги Полинезии тоже имеют одиночный балансир, но корма и нос у них разные, и плыть на них можно только в одну сторону. Балансир оказывает воздействие то своим весом, то плавучестью в зависимости от того, находится ли он с подветренной или с наветренной стороны.

Воды Тихого океана бороздят пироги самой разной величины: маленькие и очень легкие, для плавания в лагунах атоллов или близ берега, они обычно без паруса, с одним гребком; пироги чуть побольше, для морского лова рыбы; и наконец, пироги дальнего плавания, для связи между островами архипелага или разными архипелагами. Все они выдалбливаются из цельного дерева, так что и самые большие пироги, на которых люди отваживаются уходить в грозные просторы океана, редко превышают десять или двенадцать метров в длину.

Вот на таких пирогах и отплыли в конце зимы 1521 года жители Гуама к другим островам архипелага, чтобы обменять там свои товары. Эти торговые поездки начались ранее десятого века и продолжались до конца девятнадцатого.

По традиции к моменту отплытия на берегу собирались женщины, чтобы попрощаться и поплакать. Табу строго-настрого запрещало им лить слезы в то время, когда суда будут в открытом море. И пока экспедиция не вернется, им полагалось соблюдать и другие табу: не гулять в одиночку за пределами деревни, не принимать у себя мужчин и т. д.—все это обязывало их хранить верность. Те, кто нарушал табу, знали, что весть об этом непременно дойдет до мужа: в ту минуту лодка его необъяснимым образом вдруг замедлит свой ход. Вел флотилию «мудрец», на самом же деле — просто опытный штурман, а мы уже знаем, какими искусными моряками были эти люди. Вдобавок они прибегали к магическим заклинаниям, когда хотели усилить или ослабить ветер, изменить его направление. Шли пироги

не сомкнутым строем, а на определенном расстоянии друг от друга, в пределах видимости, так что вся флотилия занимала довольно большое пространство в океане.

Между островами некоторых архипелагов море имеет иногда незначительную глубину и сплошь усеяно рифами и подводными скалами, подступающими почти к самой поверхности, или прорезано сильными течениями. Однако опытность и острое зрение туземцев позволяют им обнаруживать эти опасные места.

В тот год, вернувшись из плавания, аргонавты Гуама после всех празднеств и увеселений, которыми отмечалось каждое их возвращение, несколько дней приводили в порядок пироги. Они еще не закончили своего дела, когда к острову на всех парусах примчались два туземца, ловившие рыбу довольно далеко от берега, и наперебой стали рассказывать, что на горизонте, с восточной стороны, появилось три огромных корабля очень странной, невиданной формы.

Ни один из обитателей острова ни разу в жизни не видел, чтобы прямо из открытого моря приплывали большие корабли. Никто из них вообще никогда не видел большого корабля. А у этих судов, о которых рассказывали теперь вернувшиеся впопыхах рыбаки, было по несколько прямых высоких мачт и большие паруса.

Это были парусники Магеллана, переплывшие Атлантику и Тихий океан.

Европейцы открыли Тихий океан сухопутным путем. В 1512 году, примерно в середине сентября, Васко Нуньес де Бальбоа, губернатор испанской колонии Барьен, отправился от атлантического побережья и пересек узкий перешеек, соединяющий два американских континента. С ним было 192 человека в шлемах, кирасах, с копьями и алебардами, в окружении своры огромных собак. В конце этого трудного перехода от всей экспедиции в живых осталось только 28 человек. Выйдя к берегу неизвестного моря, Бальбоа шагнул прямо в воду и, когда вода дошла ему до груди, громким голосом произнес по-испански фразу, означавшую, что от имени испанского короля он вступает во владение новым морем. Эти беспредельные воды получили тогда название Южного моря, так как простирались к югу от перешейка, протянувшегося с востока на запад. Название это сохранилось надолго. Флибустьеры Вест-Индии называли Тихий океан Южным морем еще в конце XVIII века.

В 1516 году португальский дворянин Магеллан⁷ предстал перед королем Мануэлем I и предложил достичь богатых пряностями Молуккских островов с запада. До той поры португальцы плавали в Ост-Индию длинным путем вокруг мыса Доброй Надежды, открытого Васко да Гамой. Магеллан решил, что, если отыскать проход через новый материк, до Молуккских островов можно добраться с запада. Отвергнутый Мануэлем I, он уехал в Испанию и добился приема у Дон-Карлоса, будущего Карла V. Испанский король дает Магеллану свое согласие.

20 сентября 1519 года из порта Сан-Лукар-де-Баррамеда на реке Гвадалквивир отходит флотилия из пяти кораблей⁸. Плавание через Атлантику оказалось необычайно долгим, так как корабли попали в полосу полного безветрия. Затем в поисках прохода им пришлось плыть вдоль американского побережья навстречу ледяным зимним бурям южного полушария. Магеллан раскрывает заговор, устроенный тремя капитанами его флотилии. Один из кораблей, «Сантьяго», идет ко дну, другой, «Сан-Антонио», возвращается в Испанию, остальные три проникают в длинный скалистый проход, который носит теперь название Магелланова пролива, и наконец выходят к открытому морскому простору.

Если проследить по карте путь Магеллана через Тихий океан — на север, на северо-запад, еще немного к северу, затем прямо на запад, — создается впечатление, что путь этот проложен мореплавателем, стремившимся обойти все острова, разбросанные в океане. Случайность, но не та, которая приходит на выручку.

Первое плавание Колумба через Атлантический океан длилось тридцать три дня. Запасы продовольствия на его кораблях были рассчитаны на год. Когда Магеллан вышел в воды Тихого океана, со времени его отплытия из Испании минул целый год, паруса и снасти на кораблях поистрепались, и, несмотря на то что во время зимовки все было строго ограничено, от взятых с собой продуктов уже почти ничего не оставалось. Солили рыбу, выловленную у американского побережья Атлантики, мясо пингвинов.

Ровный ветер подгонял каравеллы, плившие через неизвестный океан. В распоряжении Магеллана были те же самые навигационные приборы, что и у Колумба, то есть астролябия, компас, лаг, песочные часы и часы, приобретенные у часового мастера в Кадисе. Из-за неточности этих инструментов определение долготы было для него таким же ненадежным делом, как и для Колумба.

В первые дни плавания через Тихий океан дул хороший попутный ветер. Ночью «Концепсьон» и «Виктория» ориентировались на огни, зажигаемые на корме «Тринидада», корабля Магеллана. Севернее тридцать четвертой параллели ветер немного ослабел. Ночи стояли великолепные. Вот тогда Магеллан и выбрал для Южного моря название, которое за ним и останется в дальнейшем: *El Mare Pacífico*, Тихое море.

Дальше к северу ветер все слабел, зной усиливался. Корабли еле двигались по ослепительно сверкавшей поверхности моря под раскаленными от зноя небесами. Прошло уже больше месяца с тех пор, как скрылась из виду южная оконечность Америки.

Съедены последние остатки соленой рыбы и пингвиньего мяса, приходится довольствоваться одними сухарями. «Это уже не хлебные сухари, — писал Пигафетта, летописец экспедиции, — а смесь пыли и мышиной мочи. Вода протухла, пить ее почти невозможно». К сухарям стали примешивать древесные опилки, порцию воды умень-

шили до стакана в день на человека. Над морем, спасаясь от акул, то и дело мелькали стайки летучих рыб. Порой они шлепались на палубу, и тогда люди хватали их и ели прямо сырыми. Некоторые матросы затевали удивительную охоту, которая долгое время была в ходу на старых парусниках: с куском заплесневелого сухаря в зубах

Первые европейцы, проникшие в Тихий океан, шли туда одним путем — через длинный лабиринт Магелланова пролива. Здесь изображен один из пунктов пролива с выразительным названием Порт-Фамин (Голодная Гавань)

человек ложился в затемненном месте и, когда к нему подбегала крыса, хватал ее прямо руками. Крысу можно было продать за полдуката золотом.

В самом начале пути Магеллан объявил, что, как бы ни обернулось дело, экспедиция не повернет с полдороги обратно. «Если потребуются, будем есть кожу на реях». И вот Пигафетта записал в своем дневнике: «Чтобы не умереть с голоду, мы стали есть под конец куски кожи, которой был обтянут рей на грот-мачте. Пробыв больше года под дождями и ветрами, кожа стала такой жесткой, что нам пришлось опускать ее на веревке в море и вымачивать в течение четырех или

пяти дней, чтобы она размякла, потом держали ее над огнем и ели». Погода все дни стояла прекрасная, но на борту корабля уже появился невидимый враг, который истреблял в те времена множество людей в море: цинга.

Совершенно лишенные свежей пищи, то есть необходимого минимума витаминов, двенадцать моряков из экспедиции Магеллана были обречены на смерть, у них выпали зубы, гноились десны, распухло небо и отекали ноги. Болезнь подобралась и к самому Магеллану, но он все же сумел выстоять.

Вот на пути им встретилось несколько скалистых, совершенно голых островков. Магеллан назвал их «Несчастливыми островами». Наконец, 14 января 1520 года они увидели еще один остров, на этот раз покрытый зеленью, но из-за сплошного кольца рифов к нему невозможно было подойти. 25 января появился новый остров, новая надежда. Но увы, море вокруг него кишело акулами. Моряки только и смогли, что дать ему название *Tiburones*, как именуются по-испански эти хищницы⁹.

Утром 6 марта, через сто десять дней после Огненной Земли, на горизонте показалось еще три острова, покрытых растительностью. На одном из них они разглядели золотистый пляж. Почти все историки морских открытий сходятся на том, что это был остров Гуам, самый южный из Маркизских островов.

Корабли еще были на довольно большом расстоянии от него, когда море вдруг покрылось множеством пирог с балансирами. Сидевшие в них туземцы со светло-коричневой кожей необычайно виртуозно орудовали одним гребком. Это были прекрасно сложенные обнаженные люди с длинными волосами, собранными на макушке в узел. Через минуту они уже карабкались на суда со смехом, с оживленной болтовней и сразу начинали хватать все, что попадалось им под руку. Изнуренные матросы не оказывали никакого противодействия. Туземцы схватили даже пушку и переволокли ее на берег.

Магеллан вывел корабли в открытое море и всю ночь курсировал неподалеку от острова. Он был явно в нерешительности, так как дал себе слово никогда не обижать туземцев. Однако моряки старались убедить его, что дело идет теперь о жизни и смерти и что им необходимо любой ценой раздобыть продовольствие. На берег был высажен отряд с наказом отобрать у туземцев унесенные с кораблей вещи и привезти рыбы, свинины, кокосовых орехов, бананов. За все это время было убито семь островитян. Когда корабли тронулись в путь, их тучей окружили лодки, откуда сыпался град камней. Магеллан назвал этот остров Воровским¹⁰.

Такова была первая стычка между людьми, приплывшими из Европы, и туземцами Океании. Но обобщений делать не следует. В отличие от некоторых других островитян жители Гуама были и в самом деле «добрые дикари», миролюбивые, не желавшие никому причинять зла. Им просто было неведомо понятие собственности, какое существует

на Западе: любой предмет, не защищенный табу, принадлежит тем, кто сможет его взять.

Через несколько дней люди, страдавшие от цинги, начали возвращаться к жизни. Чтобы дать себе небольшую передышку, они пристали к зеленому безлюдному острову. И сейчас же там появилась пирога с туземцами. Магеллан велел команде укрыться под деревьями, а сам в сопровождении своего раба Энрике и летописца Пигафетты вышел на песчаный берег. Энрике был малаец с Суматры и попал в Европу на португальском корабле, следовавшем привычной для португальцев дорогой пряностей: Индия, мыс Доброй Надежды, африканское побережье. Магеллан относился к Энрике с большой добротой, он даже написал в своем завещании, что после его, Магеллана, смерти Энрике отпускается на волю, и назначал ему пенсию.

Туземцы тоже вышли на берег. Обе стороны обменялись приветствиями. Эти люди как будто не были похожи на «воров» Гуама. В обмен на гребенки и бубенчики они предлагали полные корзины рыбы.

28 марта флотилия подошла к третьему острову. Появилась пирога, в ней сидело восемь человек.

— Спроси у них, как называется остров,— обратился Магеллан к своему верному Энрике.

И тот заговорил с приехавшими по-малайски, на их родном языке. Люди сперва онемели от изумления, потом стали отвечать наперебой, объясняя, что им все понятно. Первый человек, совершивший кругосветное плавание, был не европеец, а малаец, раб, который отправился с острова Суматры, миновал Индию, мыс Доброй Надежды, Лиссабон, пересек Атлантический океан, миновал Патагонию и переплыл Тихий океан во всю его ширь.

Остров назывался Массау¹¹, правил им царек по имени Каламбу.

Ни малаец Энрике, ни Магеллан, ни его моряки не придавали, кажется, особого значения своему необыкновенному подвигу. Воодушевляла их лишь одна мысль: уже недалеко Молуккские острова, где можно добыть сколько угодно пряностей.

Туземцы приняли предложенные им подарки и уплыли. Спустя несколько часов появились две большие лодки. В одной из них под балдахином из плетеного тростника восседал вождь. На борт адмирального корабля поднялась лишь небольшая делегация.

На другой день Энрике сошел на берег, принял подарки и уговорил вождя встретиться с Магелланом. И вот в следующий свой приезд Каламбу, в вышитом саронге, с длинными, распущенными по плечам волосами, поднялся в сопровождении шести знатных особ на борт «Тринидада».

— Вам необходимо,— сказал он Магеллану,— нанести визит главному правителю всех наших островов, радже Хумабону. Он живет в Себу.

Себу—портовый город на острове того же названия в Филиппинском архипелаге. 4 апреля флотилия, возглавляемая королем Каламбу, покинула Массау и 7 апреля подошла к Себу.

С первого же взгляда Магеллан понял, что это крупный порт. На рейде теснились джонки, прибывшие из других стран. Чтобы сделать свой приезд более торжественным, корабли дали салют из пушек, отчего все туземцы бросились в разные стороны. Но Магеллан тут же отправил на берег Энрике уведомить короля, что у них нет никаких враждебных намерений. Малаец объяснил Хумабону, что Магеллан, его хозяин, состоит на службе у самого великого правителя на земле. Это по его приказанию переплыл он океан, стремясь достичь островов пряностей, и теперь по пути заехал выразить свое почтение королю Себу. Ни на что, кроме деловых отношений, он не претендует.

Хумабон отнюдь не был наивным дикарем. У себя на островах он взимал со всех кораблей плату за вход в гавань и теперь холодно объявил Энрике, что его хозяину прежде всего следует подчиниться общим правилам.

— Но такой могущественный адмирал, как мой хозяин, не может платить никаких пошлин.

— Все их платят.

И в качестве свидетеля король велел позвать мавританского купца, который только что прибыл на джонке из Сиамы и беспрекословно заплатил пошлину.

Взглянув на корабли Магеллана, этот мавр сразу понял: христиане прибыли сюда для того, чтобы проникнуть на единственные неизвестные им до сих пор острова пряностей. Что же делать? «Не будем торопить событий,—подумал он,—а там посмотрим». И вот какой совет дал наедине Хумабону: не вступать ни в какие конфликты с иностранцами. Хумабон внял совету и, отменив пошлину, пригласил посланцев Магеллана на пиршество. Кушанья подавались на фарфоровой посуде, привезенной прямо из Китая. Значит, Китай где-то совсем близко. Мечту Христофора Колумба, стремившегося достичь Индии западным путем, осуществил теперь Магеллан.

Начался обмен товарами. Больше всего туземцев привлекало железо, твердый металл, который в их глазах был намного полезнее золота. За четырнадцать фунтов железа они отдавали пятнадцать фунтов золота, и Магеллан всеми силами старался помешать матросам обменивать на золото все, что у них было.

— Если туземцы поймут, как драгоценно золото, они сразу же повысят на него цену.

Отношения становились все дружественнее, и под конец король Себу и его свита выказали даже желание принять христианство. Вот запись в дневнике Пигафетты, относящаяся к этому якобы стихийному обращению: «Магеллан объявил, что они не должны принимать христианство из страха или из желания сделать нам приятное. Если они действительно хотят стать христианами, нужно, чтобы это происходило по их собственной воле и из любви к богу. Если же они этого не желают, никто не причинит им зла, но тех, кто станет христианами,

будут больше любить и лучше к ним относиться. Тогда все они в один голос воскликнули, что хотят стать христианами не из страха и не из желания сделать Магеллану приятное, а по собственной воле. Они целиком на него полагаются, он может считать их своими подданными. После этих слов Магеллан обнял их со слезами на глазах, стиснул руки принца и руки короля Массауа и объявил обоим вождям, что он с такой же искренностью, как верит в бога и как предан своему повелителю, обещает им, что отныне они будут жить в вечном мире с Испанией. И они тоже дали ему такое же обещание».

Репортаж Пигафетты, изобилующий точными и правдоподобными деталями, производит нередко впечатление истинности. Но историограф, несомненно, писал по заведенной схеме. Эпизоды стихийного обращения «дикарей» в христианство встречаются во множестве записей той поры. На самом же деле принимать христианство туземцев принуждали, когда по-доброму, а когда и нет. Путешественникам полагалось по возвращении давать отчет о количестве обращенных душ. Молчаливый сговор позволял прикрывать алчность распространением слова божьего. Но обращения не всегда добивались страхом. Очень часто туземцы соглашались принять христианство, усматривая в том явную для себя выгоду или же из хитрости, из любопытства, в надежде, что новый бог сделает их такими же сильными, как люди, о нем говорящие. Ясно, что Магеллан не мог действовать угрозой на короля и придворную знать Себу. А хитрая лиса Хумабон старался, конечно, извлечь из ситуации, созданной прибытием европейцев, побольше для себя выгоды.

Себу, 14 апреля 1521 года. Магеллан пока еще не покидал своего корабля, все переговоры он неизменно ведет через посредство Энрике и Пигафетты. И теперь он хочет придать своему первому выходу на берег побольше торжественности.

Впереди Магеллана выступают сорок вооруженных солдат, за ним следуют офицеры и знаменосец. В тот самый момент, когда его нога касается земли, гремит артиллерийский залп. Напуганные зрители бросаются врассыпную, но, заметив, что король спокойно остается на своем месте (его обо всем предупредили заранее), они быстро возвращаются, чтобы присутствовать при возведении на берегу большого креста, перед которым их властелин, его сыновья и многие знатные люди будут принимать крещение. Вместо языческого имени Хумабон король получает имя Карлос, королеву нарекают Жанной, а двух принцесс — Екатериной и Изабеллой. Высшая знать острова и соседних островов тоже не хочет от них отставать, и вот до самой поздней ночи священник флагманского корабля крестит теснящихся вокруг него людей. Прослышав об удивительных церемониях заморского чародея, на следующий день к нему стали стекаться жители других поселений. Через несколько дней почти все вожди ближних

мест получили крещение и присоединились (каким образом, не сказано) к договору о союзе и дружбе, подписанному Магелланом и королем Себу. Договор давал испанцам исключительное право на торговлю с островом Себу и соседними островами. Взамен Магеллан предоставлял всем принявшим новую веру покровительство и защиту испанской державы.

Не прошло и недели, как адмирал получил от своего «протезе» Хумабона такую весть:

— Силапулапу поднял восстание. Он не выполняет моих приказов и даже хочет запретить всем вождям островов поставлять мне товары, предназначенные для испанцев.

Силапулапу — царек небольшого острова, название которого вскоре получит печальную известность: Мактан.

21 апреля 1521 года. Отряд из шестидесяти человек под предводительством самого Магеллана отправился в баркасах через пролив, отделявший Себу от Мактана. На угрозу адмирала применить силу Силапулапу ответил, что «у его людей тоже есть копья». Хумабон предложил Магеллану взять под свое командование тысячу его воинов. Адмирал отказался. Он хотел, чтобы демонстрация мощи была проведена только его войсками. Силы Силапулапу исчислялись в тысячу человек, но против испанских бомбард и мушкетов у них были лишь луки и стрелы. Когда лодки испанцев приблизились к Мактану, было совсем светло. Туземное войско стояло на берегу. Вдруг одна из лодок наскочила на мель, а за нею и все остальные. Испанцы были пока на расстоянии, вдвое превышавшем полет стрелы. Препятствием для лодок оказалось кольцо коралловых рифов вокруг острова. Глубины там не превышали метра.

— Сорок человек следуют за мной, — приказал Магеллан. — Мушкеты и бомбарды остаются в лодках, они будут прикрывать наше продвижение.

Испанцы были уверены, что при первом же выстреле дикари бросятся врассыпную. Они вышли из лодок и пробирались по воде, доходившей им до пояса. Все были в кирасах, с пиками, шпагами и алебардами. Туземцы отошли к краю пляжа и выпустили несколько стрел. Когда отряд достиг берега, с лодок открыли огонь из бомбард и мушкетов. Но тут испанцы заметили, что снаряды не долетают до берега, а мушкетные пули теряют на таком расстоянии силу и не могут пробить туземных щитов.

— Прекратить огонь! — крикнул Магеллан людям в лодках.

Но его не услышали. В течение получаса бомбарды и мушкеты вели бесплодный огонь под крики и смех туземцев. Вот как описывает дальнейшие события Пигафетта:

«Когда туземцы поняли, что наши пули им вреда не причиняют, они перестали отступать и кричали все громче и громче, прыгая из стороны в сторону, чтобы уклониться от наших снарядов. Потом под прикрытием щитов они стали понемногу продвигаться вперед и

обрушили на нас целый град стрел, так что мы едва могли защищаться».

Чтобы отвлечь их внимание, Магеллан посылает несколько человек поджечь ближайшие хижины. В это время туземцы сделали бросок вперед, выпуская потоки стрел.

Гравюра XVI века: трагический конец Магеллана, убитого туземцами острова Махтан

«Когда они заметили, что грудь у нас защищена, а ноги — нет, они стали целиться ниже. Одна отравленная стрела попала в ногу капитана, тогда он дал приказ осторожно отступать».

Все испанцы, за исключением семи-восьми человек, стали поспешно и беспорядочно отходить. Туземцы преследовали их на мелководье. По одежде они узнали вождя белых и подступили к нему вплотную. Магеллан всадил алебарду в грудь туземца, но не смог её выдернуть. В это время в правый локоть ему попал камень из пращи. Стоявший рядом с ним Пигафетта был ранен. Тщетно пытался Магеллан достать свою шпагу. Пораженный в левую ногу, он упал вперед. Десяток стрел пронзили его тело.

«Вот таким образом,— заключает Пигафетта,— был убит наш светоч, наша отрада, наше утешение, наш истинный вождь»¹².

После смерти своего командира испанцы повели себя недостойно. Вместо того, чтобы идти в контратаку и отбить по крайней мере тело Магеллана и тем самым вернуть, может быть, свой престиж, они предложили правителю острова Мактан обменять труп прославленного капитана на стеклянные бусы.

— Труп нашего врага не продается!— воскликнул Силапулапу.

Он считал его своим трофеем. И люди на всем архипелаге уже знали, что Силапулапу убил повелителя грома и молнии с такой же легкостью, как птицу.

Что стало с телом Магеллана, для нас навсегда останется тайной.

Отношение туземцев теперь резко изменилось, и не только потому, что испанцы потерпели поражение, а торговля шла совсем вяло. Пока был жив Магеллан, даже он, несмотря на все свои старания, не мог помешать матросам, столько месяцев пробывшим в море, бешено набрасываться на всех туземных женщин. Теперь же, после его смерти, для них уже не было никакого сдерживающего начала.

Чтобы заменить Магеллана, офицеры выбрали ему двух преемников. Один из них был его шурин Дуарти Барбоза, разжалованный несколько дней назад за безобразную оргию (теперь он был объявлен негодяем), другой — Карвальо¹³, капитан «Консепсьона», назначенный помощником. С первых же шагов своего командования Барбоза совершит глупый и позорный поступок, который повлечет за собой катастрофу.

Энрике, до последней минуты сражавшийся рядом со своим хозяином, лежал теперь раненый на своей койке на борту «Тринидада». С грубой руганью Барбоза набросился на него и заставил подняться.

— Ты теперь мой раб и должен работать! Вставай, если не хочешь испробовать плетки!

При неловком молчании присутствующих малаец с трудом поднялся и, ни слова не говоря, отправился в кубрик.

Через несколько дней, перед самым отплытием, Барбоза решил произвести еще кое-какой обмен товарами с правителем Себу. А кого же можно было послать к нему в качестве переводчика, если не Энрике? Малаец сошел на берег и вернулся с устным посланием. Король приглашал нового адмирала и всех офицеров, каких он пожелает с собой привести, на большой пир.

— Это может оказаться ловушкой,— заявил Карвальо.

Барбоза пожал плечами. На берег вышли почти все офицеры флота и направились к пиршественным столам. Среди оставшихся на кораблях был раненый Пигафетта.

Под вечер он увидел, что от берега на веслах идет лодка, а в ней альгвасил Эспиноса и Карвальо.

— Видимо, готовится предательство. Быстрее людей и оружие!
Но с берега уже доносились крики: это началось избиение испанцев. Карвальо отдает приказ открыть огонь по городу. От первых пушечных ядер загорелось несколько построек. Одному офицеру удалось ускользнуть от побоища, он добежал уже до берега, но туземцы догнали его и связали. Видно было, что они с ним о чем-то спорят. Переводчиком был оказавшийся поблизости Энрике. Один из кораблей подошел к берегу на расстояние слышимости. Карвальо велел прекратить огонь. Окруженный туземцами офицер (его звали Серрано)¹⁴ крикнул, что его согласны отпустить за выкуп.

— Они требуют две бомбарды и два медных мушкета.

— Пусть сначала отпустят вас!

— Они не согласны. Сначала надо послать лодку с выкупом.

Серрано выкрикивал все это отрывистыми фразами, в то время как туземцы размахивали вокруг него копьями. Карвальо раздумывал. Послать лодку? А что если туземцы оставят у себя и лодку, и выкуп, и пленника?

Прошла нескончаемая минута, и Карвальо отвернулся от берега.

— Поднять грот!

«Тринидад», «Концепсьон» и «Виктория» повернули свои форштевни к открытому морю. А там, на берегу, в тело Серрано вонзились копья. И в то же самое время был повален большой крест, который туземцы возвели во славу бога белых людей.

Итак, помимо Магеллана испанцы потеряли двух капитанов, хорошо знавших берега Ост-Индии: Барбозу и Серрано. Переводчик Энрике остался в Себу. Из 265 человек команды уцелело лишь 150, как раз столько, чтобы двум кораблям можно было выйти в море. Решили пожертвовать «Концепсьоном», который уже давно протекал.

Пять кораблей вышли из порта Севильи в экспедицию. Первой жертвой стал «Сантьяго», разбившийся у берегов Патагонии. Посланный на разведку в Магелланов пролив «Сан-Антонио» вернулся в Испанию. Теперь потерян «Концепсьон». Остаются «Тринидад», бывший флагман Магеллана, и самый маленький корабль экспедиции «Виктория».

В течение нескольких месяцев оставшиеся в живых участники экспедиции занимались морским разбоем среди островов Малайского архипелага. Они нападали на джонки, высаживались для грабежа на берег, стремясь захватить вождей, за которых требовали потом выкуп. К берегу они приставали и в погоне за женщинами. Сам Карвальо подавал пример: он держал у себя на корабле трех малаек. Даже его спутникам вдруг показалось, что это уж сверх всякой меры, и они сместили его. После новых выборов образовался триумвират: альгвасил Гомес де Эспиноса и два штурмана, Бонсеро и Элькано. Хуан Себастьян Элькано, баск по происхождению, принимал участие в

мятеже на Атлантическом побережье. Помилованный Магелланом, оставленный на своем посту, он научился молчать, но теперь Элькано сказал себе, что настал его час. Он решил идти к Молуккским островам, взять там хороший груз пряностей и возвратиться в Испанию.

По пути испанцам встретился большой барк, они разграбили его и оставили у себя одного пленника, туземца с острова Тернате.

— Ты хорошо знаешь эти места и, если тебе дорога жизнь, веди нас к Молуккским островам.

8 ноября 1521 года «Тринидад» и «Виктория» бросили якорь перед островом Тидоре. «Лоцман,— рассказывает Пигафетта,— объявил нам, что это один из Молуккских островов. Мы все благодарили бога и на радостях произвели несколько оружейных залпов».

Вид острова Тидоре был очарователен, жители его необычайно радушны. Туземный король принял испанцев по-братски и без дальних проволочек признал суверенитет испанского короля. Испанцы с избытком получили драгоценные пряности, съестные припасы и золотой песок.

— Остаться бы навсегда в этом раю,— вздыхали матросы.

Однако 18 декабря триумвират Эспиноса—Бонсеро—Элькано объявил приказ об отплытии. И почти сразу после этого «Тринидад» дает течь и садится на мель. Все поставлено под угрозу.

— Нет,— заявил триумвират, посоветовавшись.—Здесь останется альгвасил Гомес де Эспиноса с полсотней людей, чтобы снять с мели и починить «Тринидад», который вернется затем в Америку, но только через северную часть Тихого моря¹⁵. А «Виктория» пойдет в Испанию вокруг мыса Бурь.

Итак, «Виктория» одна покинула остров Тидоре. По пути капитан Элькано старался пополнить груз пряностей на других Молуккских островах. Плавание среди островов было долгим, так как Элькано хотелось купить все подешевле и, кроме того, давали себя знать пиратские повадки моряков. Наконец 13 февраля 1522 года «Виктория» совсем распрощалась с Тидоре¹⁶ и отплыла в Севилью. Расстояние—30 000 километров.

Морской путь из Ост-Индии в Испанию нельзя сравнить с теми пустынными просторами Тихого океана, какие одолел Магеллан. На всем протяжении этого пути встречались порты и плавало множество кораблей. Но только и корабли эти, и порты были португальские, иными словами, всякая стоянка исключалась. Кроме того, как узнал недавно Элькано, экспедицию Магеллана разыскивали португальские корабли, желая ее уничтожить, потому что испанцы осмелились плавать в португальских водах, и вдобавок уже распространился слух, что после смерти адмирала его моряки занялись морским разбоем.

При отплытии с острова Тидоре¹⁶ Элькано предупредил команду:

— Никаких стоянок. Главное, не попасть в руки португальцев.

Тогда он еще не знал, какая участь постигнет моряков «Тринидада»,

который покинет остров Тидоре в апреле 1522 года.

Корабль попал в бурю и вынужден был снова вернуться к Молуккским островам, где его задержала португальская эскадра. Судно вскоре затонуло, а его команда из сорока пяти человек целых пять лет томилась в тюрьме в ужасных условиях. Только четверо из этих людей снова увидели потом свою родину.

Стремясь обойти Африку как можно дальше от мыса Бурь (Доброй Надежды), Элькано взял курс на юго-запад. На корабле все шло своим чередом, матросы отлично выполняли команды, маневрируя парусами, порядок царил полный. Как и многие баски, Элькано был прирожденным мореходом.

Долгие недели, пока «Виктория» плыла через Индийский океан, люди видели перед собой лишь море да небо. И опять невидимый враг появился вдруг на корабле.

Запасы продовольствия были рассчитаны на пять месяцев. Особенно много взяли с собой мяса, но просолить его как следует не смогли, и вот теперь под жарким солнцем оно начало портиться. Пришлось выбросить его в море и довольствоваться лишь рисом. А если в течение многих недель есть один только рис — это значит авитаминоз, потом цинга. На борту «Виктории» цинга свирепствовала беспощадно, трупы выбрасывали в море, как прежде выбрасывали тухлое мясо.

Сдавшись наконец на уговоры, Элькано сделал небольшую стоянку к востоку от мыса, в устье Рио-дель-Инфанте. Место это, увы, оказалось бесплодным и пустынным. Тогда больные моряки стали умолять капитана повернуть к португальским портам Мозамбика.

— Корабль будет захвачен, но мы останемся живы.

— Ни за что!

И Элькано коснулся рукой эфеса своей шпаги. Прежний бунтовщик говорил и действовал в точности, как Магеллан.

Против мыса Доброй Надежды буря сорвала с «Виктории» фок-мачту и расколола грот-мачту. Изнуренные, едва стоявшие на ногах матросы кое-как исправили поломку. Дули сильные встречные ветры. Чтобы обогнуть страшный мыс, Элькано пришлось сделать двадцать попыток. Наконец ему это удалось, и он вышел в Атлантику. Цинга продолжала косить людей на корабле, почти каждый день в море опускали тела умерших. Всего погиб двадцать один человек. 9 июля на горизонте показались острова Зеленого Мыса. Съестных припасов оставалось только на два дня.

— На этот раз сделаем остановку, — сказал Элькано. — Только осторожно, острова португальские. «Виктория» станет на якорь вдали от берега. Люди, которые отправятся в лодках за провизией, не должны говорить, что мы из экспедиции Магеллана, пусть скажут, что нас занесло сюда бурей на обратном пути из Америки. Клянитесь не нарушать приказа, от этого будет зависеть жизнь всех нас.

Матросы поклялись, и лодка отправилась к берегу. Португальцы согласились продать им мяса, овощей, фруктов — сыграла свою роль

морская солидарность. Три раза совершала лодка рейсы без особых происшествий. Однако, вернувшись на корабль, матросы говорили с недоумением:

— Португальцы утверждают, что сегодня четверг.

— Четверг?—спросил Пигафетта.—Если я не ошибаюсь, сегодня среда.

Он заглянул в свой дневник, потом в судовой журнал.

— Правильно, сегодня только среда.

Эти люди, а вместе с ними и весь мир еще не знали истины, открытие которой вскоре взволнует ученых всех стран. Совершая путешествие вокруг земли, мы теряем или выигрываем один день в зависимости от того, в какую направимся сторону.

Выкладки астрономов по возвращении экспедиции разрешат эту загадку календаря. Земля не только имеет форму шара, но она к тому же и вращается вокруг своей оси, так что, если плыть все время на запад, мы, описав полную окружность Земли, выигрываем один видимый оборот Солнца.

Четвертый раз отошла лодка к островам Зеленого Мыса. И в это время Элькано заметил, что в порту началось какое-то движение. Большой баркас с вооруженными людьми отчалил от берега и направился к «Виктории». Уж не обронил ли какой-нибудь матрос неосторожное слово, пытаясь обменять пряности на спиртное? Все могло быть, но Элькано унаследовал от Магеллана способность принимать быстрые решения: живо топор, рубить якорный трос, поднять паруса! Весь день «Виктория», за которой гнались четыре португальских судна, шла на предельной скорости.

Скорость эта не была такой уж значительной. Потрепанная «Виктория» еле тащилась, все в ней скрипело и стонало. При отплытии с островов пряностей в экипаже насчитывалось шестьдесят человек, теперь же осталось лишь восемнадцать, и те были едва живы¹⁷. Трюм «Виктории» дал течь, приходилось непрерывно откачивать воду, в то время как четыре португальских парусника продолжали свое преследование.

— Капитан, выбросим груз за борт, это увеличит скорость!

Элькано приказал сбросить в море десять тонн корицы, и это было все. Он очень хотел вернуться в свою страну, но вернуться не как нищий. Его энергия действовала оживляюще на полумертвую команду. Наконец португальцы прекратили погоню. От островов Зеленого Мыса «Виктория» отошла 13 июля, и только 4 сентября на корабле прозвучал радостный крик: вдали показался мыс Сен-Винсент.

6 сентября 1522 года «Виктория» вошла в порт Сан-Лукар, откуда она отправлялась в свое плавание. По Гвадалквивиру ее вели на буксире. Матросы и жители побережья удивлялись, откуда мог появиться этот потрепанный корабль. Название «Виктория» ничего им не говорило. В Испании уже давно считали, что флотилия Магеллана погибла вся целиком. О ней даже стали забывать.

Из 265 человек обратно вернулось только восемнадцать¹⁸, уцелел лишь один корабль. Но экспедиция выполнила свое назначение и привезла пряности. За 1080 дней она прошла расстояние в 46 280 морских миль, то есть 85 700 километров. В своей каюте Элькано писал отчет королю: «Да будет Вашему величеству известно, что мы нашли камфору, корицу и жемчуг. Да соблаговолит Ваше величество оценить по достоинству тот факт, что мы объехали вокруг земли,— отплыв на запад, возвратились с востока».

Карл V, принявший у себя Элькано, пожаловал ему дворянство. Все оставшиеся в живых моряки получили разные награды. Как высоки в то время были цены на пряности, красноречиво свидетельствует одна наглядная деталь. Те, кто финансировал экспедицию Магеллана, уже давно считали свои деньги безвозвратно потерянными, и вот теперь груз одной лишь маленькой «Виктории» возместил им все сполна, и даже с выплатой четырех процентов.

Согласно договору с королем, наследникам Магеллана полагалось получить пятую часть всей прибыли экспедиции и управление вновь открытыми землями. Однако к тому времени уже не осталось никого, кто бы мог требовать наследства. Жена Магеллана умерла, так же как и их старший сын. Умер и второй сын, которого мореплаватель не знал: он родился уже после отплытия экспедиции. Потомство путешественника исчезло вместе с ним. Вот что писал Пигафетта в предисловии к своему репортажу:

«Надеюсь, что слава столь благородного капитана не угаснет в наше время. Среди многих добродетелей, его украшавших, одна была особенно замечательной: он всегда оставался самым стойким из всех даже при крайних трудностях. Голод он переносил терпеливее других. Не было на земле человека, который бы разбирался лучше, чем он, в картах и мореходстве. В моем рассказе заключена правда о его открытиях, о том, что до него никто не мог ни видеть, ни открыть».

Слава Магеллана намного пережила его время. Чтобы превзойти этот великий подвиг, людям пришлось бы покинуть нашу планету.

II

Пионеры и робинзоны

Бадахос — испанский город близ португальской границы, на широте Лиссабона. Бывшая столица маленького мусульманского королевства, он после Реконкисты становится важным стратегическим пунктом¹. В 1524 году в нем насчитывалось тысяч пятнадцать жителей (теперь 100 000) — для Испании той поры население значительное. Весь город насквозь пропах конским навозом, и в ту весну этот запах был особенно сильным из-за необычного скопления ослов, лошадей и мулов, которые передвигались по пыльным, грязным улицам или, привязанные за кольцо, теснились около неуютных постоянных дворов. В Бадахосе шло международное совещание. Это был первый результат успеха экспедиции Магеллана.

Вскоре после того как «Виктория» вернулась в Сан-Лукар, португальское правительство направило в Севилью ноту протеста: «Права наши в Тихом океане нарушены». У испанского правительства было иное мнение. На совещание в Бадахос съехались мореплаватели и космографы, которым предстояло решить, пересекала или нет экспедиция Магеллана, достигшая Молуккских островов, долготу, установленную при разделе мира в 1493 году папой Александром VI². Решить это было очень трудно даже добросовестным людям, потому что в те времена еще не было достаточно точных часов, позволявших верно определить долготу места. После продолжительных споров с бранью и стучанием кулаков по столу испанцы и португальцы разошлись, так ничего и не решив. Кажется, никто из присутствующих не понимал всей смехотворности этих переговоров в Бадахосе, где спорили о разделе водного пространства, занимающего треть нашей планеты.

Магеллан совершил бессмертный, неповторимый подвиг. Через два и три столетия после этого мир узнает имена Бугенвиля, Кука,

Лаперуза, Дюмон-Дюрвиля — знаменитых путешественников, исследовавших просторы Тихого океана и оставивших после себя записки, несравненные образцы литературы о путешествиях. А пока, между этими двумя эпопеями, Тихий океан и в восточном, и в западном направлении будут бороздить сотни парусников, маленьких, тесных, зловонных судов с командой отважных людей на борту, порою висельников, флибустьеров, торговцев, китобоев, охотников за тюленями и акулами. И не раз за это время Тихий океан пересекут мореплаватели, имена которых известны теперь лишь морским историкам да страстным любителям книг о путешествиях. Кто, кроме специалистов и таких вот читателей, знает имена моряков-монахов Лоайсы, Урданеты, португальского штурмана Кироса, экстравагантной «адмиральши» Изабеллы де Барreto? На борту их кораблей мы и поплаваем сейчас немного, вознося благодарность небу за то, что нам приходится делать это только на бумаге.

После совещания в Бадахосе испанское правительство, стремясь удержаться на богатых пряноостровах Молуккских островах, повелело снарядить экспедицию, которая должна была попасть на острова тем же путем, что и Магеллан: пересечь Атлантику, обогнуть с юга Американский континент, пересечь Тихий океан. Командование экспедицией, состоявшей из семи кораблей³ и 450 человек экипажа, принял монах Гарсия Хофре де Лоайса. Многие монахи в те времена отличались крайним невежеством, но были среди них и люди образованные, отлично знавшие математику и космографию, то есть люди, наиболее подходящие для дальних плаваний. По прибытии на Молуккские острова Лоайса назначался их губернатором. В плавании принимал участие Элькано, баск, завершивший экспедицию Магеллана. Он получил два звания: помощника капитана и старшего штурмана.

Начало было прескверным. В Атлантике пошла ко дну «Анунсиада». Захваченный бурей, повернул обратно и исчез «Сан-Габриель». В проливе Магеллана, плавание через который длилось три месяца, потерпел крушение корабль Элькано «Эспирито-Санто». Элькано не погиб во время катастрофы и сумел перебраться на судно командира экспедиции «Санта-Мария-де-ла-Виктория». В западной части пролива буря разметала остатки эскадры. У Лоайсы оставалось теперь только два корабля.

Поскольку на борту «Санта-Марии» не было такого репортера, как Пигафетта, историкам, чтобы воспроизвести подвиг Лоайсы, переплывшего вслед за Магелланом Тихий океан с востока на запад, пришлось довольствоваться лишь очень скудными сведениями из судового журнала.

Ни имена, ни даты, ни даже огромные расстояния ничего для нас не будут значить, если мы не попытаемся представить себе хотя бы приблизительно, как малы были в ту пору корабли дальнего плавания (длина 20—25 метров) и как много людей на них размещалось.

Эту тесноту, скученность, предельную неблагоустроенность нужно учитывать всегда. Люди месяцами спали, не раздеваясь, на палубе или в трюме, в зависимости от того, какая стояла погода. Отхожих мест не было, облегчались прямо за борт (если позволяло состояние моря), дезинфицирующие средства—один лишь уксус, съестные припасы уже после двух недель плавания становились затхлыми, пресная вода была только для питья и всегда выдавалась по норме. Если вы хотели умыться или постирать белье, что считалось высшей роскошью, надо было самому доставать воду за бортом, когда не слишком качало. Попробуйте-ка хоть раз выстирать белье морской водой! А это все длилось месяцами. Если же вы болели или получали ранение, лучшее, что можно было предпринять,—читать покаянные молитвы. Чем и занимался глава экспедиции Лоайса. Сделав, как и Магеллан, первую остановку на острове Гуам, он потерял затем вблизи Филиппин свой предпоследний корабль, а 30 июля 1528 года, прибыв на Молуккские острова, умер от истощения. Сменивший его Элькано был, наверное, не в лучшем состоянии: через три дня после того, как принял командование, он тоже скончался.

И тут минута молчания. В водах Молуккского моря вблизи острова Хальмахера⁴ стоит «Санта-Мария-де-ла-Виктория», второй в мире корабль, прибывший в эти края из Европы. Грязный и уже изрядно потрепанный, но с исправным такелажем, он положен теперь в дрейф по приказу нового штурмана августинского монаха Урданеты. Матросы несут к корме продолговатый сверток с привязанными к нему камнями и кладут на смазанную жиром доску. Прочитаны молитвы, монах-штурман в последний раз осеняет крестом воздух, и матросы приподнимают доску. Раздается всплеск. Так как корабль сохранял все время некоторый ход, он уже удаляется. С поднятыми парусами «Санта-Мария» снова идет избранным ею курсом. Первый капитан, совершивший кругосветное путешествие, встретил свою смерть в океане. И теперь лоно этого огромного океана приняло тело Элькано, дважды участвовавшего в его завоевании, сначала с Магелланом, потом с Лоайсой⁵.

Будет ли монах Урданета, который поведет сейчас «Санта-Марию» к острову Тернате, назначен губернатором Молуккских островов? Устав ордена ему этого не позволяет, к тому же вопроса этого и не существует: на Тернате уже обосновались португальцы, и они туда никого не пустят. Карл V, получив сведения о сложившейся обстановке (для этого потребовалось больше года), посылает своим морякам приказ: «Возвращайтесь обратно!» А находившимся уже там португальцам продает «колонии Молуккских островов» за 350 000 дукатов. Чтобы не ссориться с могущественным императором, португальцы выплачивают эту сумму. А что касается Карла V, золото привлекает его теперь куда сильнее, чем пряности, так как дела его международной политики с каждым днем требуют золота все больше и больше.

Все эти события, как и вся история географических открытий, показывают, что по крайней мере до XVIII века подлинная научная любознательность никогда не была движущей силой путешественников. Обогатиться, сколотить себе состояние — вот зачем пускались люди в странствия. Отправлялись в дальние края и с намерением нести туда веру Христову, хотя очень часто это служило лишь прикрытием алчности. Бывали, однако, случаи вполне чистосердечных намерений.

15 августа 1534 года в склепе не сохранившейся теперь часовенки на Монмартре, за пределами тогдашнего Парижа, собралось шесть человек, в возрасте примерно от двадцати пяти до тридцати лет. Не успели они туда войти, как появился еще один человек, постарше, некрасивый, хромой, тщедушный, в облачении священника. Препоклонив на минуту колена, он заговорил:

— Наше намерение распространять христианскую веру может осуществиться лишь в том случае, если мы получим поддержку высшего духовенства. А мы ее не получим, если не сумеем доказать, что будем служить только церкви.

Священник говорил по-французски с едва заметным акцентом. Это был испанский баск, сорока трех лет, по имени Игнатий Лойола. Младший ребенок в семье, где было тринадцать детей, он мог стать только священником. Паж при испанском дворе (хотя и духовного сана), безнадежно влюбленный в королеву, Лойола с избытком возмещал свое тщедушие безрассудной отвагой. Этот бретер и повеса убил на дуэли человека. Сломав во время осады Памплоны ногу, прикованный к постели, Лойола наконец находит время изучить как следует жизнь Христа — и обретает веру.

Охваченный внезапно таким религиозным пылом, что вызвал даже подозрение инквизиции, он написал книгу, которая станет одним из бестселлеров церковной литературы, — «Духовные упражнения». В 1534 году Лойола — магистр искусств в Парижском университете. Слушателями его в маленькой часовне среди полей Монмартра были молодые испанцы и португальцы, приехавшие в Париж учиться в университете и уже знакомые с «Духовными упражнениями». Одного из них, уроженца Памплоны, двадцати восьми лет, в то время преподавателя коллежа в Бовэ, звали Франсуа Ксавье. Это был великолепный атлет, пылкий и благородный.

Ничто не делалось слишком быстро церковью в те времена. Только в 1537 году Франсуа Ксавье, ставший священником, отправляется с Игнатием Лойолой и его учениками в Рим. И только в 1540 году папа Павел III (прекрасный портрет с бородой кисти Тициана), признав безусловную преданность этой прибывшей из Парижа маленькой группы, издает буллу, положившую основание ордену Иисуса⁶.

Как раз накануне посол Португалии в Риме говорил папе о том, что его государь, Жуан III, просит хорошо подготовленных миссионеров для отправки в Ост-Индию. Павел III обратился к Игнатию Лойоле,

а тот назвал Франсуа Ксавье и еще одного иезуита. Но в конце концов Франсуа Ксавье отплыл из Лиссабона один, на паруснике Ост-Индского флота.

Следует ли считать этого апостола Ост-Индии искателем приключений в Тихом океане? Путешественником — во всяком случае. И мало кто из путешественников столько же, как он, бороздил этот океан в районе между Зондским архипелагом, Японией, Молуккскими островами, Китаем. То, что Ксавье увидел по прибытии в Ост-Индию, где португальцы уже прочно обосновались во многих береговых колониях, потрясло его до такой степени, что он, не колеблясь, написал лично Жуану III: «Слишком часто христианская вера здесь служит лишь прикрытием для наживы. Настанет день, когда Вашему величеству придется давать отчет перед господом богом».

Восемнадцать месяцев провел Франсуа Ксавье на Молуккских островах, где читал проповеди и крестил островитян. Возвращаясь из Ост-Индии, он встретил на Малакке японского купца по имени Ягиро, и, когда тот рассказал ему о своей стране, миссионер подумал, что и там есть души, которые следует обратить ко Христу.

Через Малакку и Кантон Франсуа Ксавье попадает в Кагосиму на южной оконечности Кюсю, самого южного из крупных островов Японии.

В наши дни дым металлургических заводов и текстильных фабрик заволакивает небо Кагосимы с ее небоскребами. В 1545 году город был застроен маленькими домиками с крышей из черепицы или соломы. Окружали его тенистые долины и вулканические горы, покрытые сосновым лесом. Именно этот остров, как гласит японское предание, избрал Ниниги местом своего сошествия на землю. Религия японцев — синтоизм с примесью буддизма и конфуцианства⁷. «Синто» буквально означает «путь богов». Синтоизм не знает ни догматов, ни священного писания, ни формальных правил поведения. Это своего рода философия нравственности в широком понимании. В религиозных обрядах основную роль играет культ предков.

Японцы сразу понравились Франсуа Ксавье: «Насколько я могу судить, честностью и добродетелью они превосходят все другие народы, открытые на сей день. У них приятный характер, нет коварства, и превыше всего они ставят честь». Все, что писал этот миссионер о политическом и социальном устройстве Японии того времени, — централизованный государственный строй, единый язык, духовные школы, напоминавшие европейские университеты, очень малое число неграмотных — впоследствии целиком подтвердилось.

Теперь можно только удивляться тому, с каким интересом, а потом и рвением приняла Япония первое проповедование католицизма. На протяжении двадцати семи месяцев Франсуа Ксавье знал только лишь успех. 30 ноября 1551 года он покидает Японию, возложив заботы о дальнейшем внедрении христианства на двух иезуитов, которым помогают многие из новообращенных. На острове Кюсю христиан-

ство приняли десятки тысяч людей. За тридцать лет, прошедшие после отъезда Франсуа Ксавье, число новообращенных достигло ста пятидесяти тысяч.

Вероятно, это единственный случай такого успеха во всей истории христианства, и о нем вскоре почти забыли из-за начавшихся с 1616 года жестоких гонений на христиан. Рассказывать, как и почему это произошло, не входит в задачи данной книги, да и Франсуа Ксавье до конца своей жизни ничего этого не знал.

В 1552 году, через год после отъезда из Японии, мы видим его на борту португальского парусника «Санта-Крус», который бросил якорь около пустынного островка Сансян вблизи Кантона. Под покровом ночной темноты Франсуа Ксавье сошел на берег, словно герой детективного романа. Так оно почти и было.

Иезуит собирался проникнуть в Китай, чтобы вызволить португальцев, которые сидели в то время в кантонской тюрьме, вернее, постепенно там умирали. В тюрьму они попали из-за пиратской деятельности португальской эскадры, и Китай теперь был закрыт для иностранцев. Накануне Франсуа Ксавье договорился с одним контрабандистом, что тот за груз черного перца большой ценности поможет ему тайно пробраться в страну. «А там, в Китае, я с божьей помощью сумею убедить власти».

Однако миссионер поступил опрометчиво, отдав контрабандисту плату вперед. Теперь он ждал его на этом неприятном островке, но так и не дождался. Ждал несколько дней, и «его одолели лихорадки». Франсуа Ксавье был человеком могучего сложения, ему минуло только сорок шесть лет, но годы дальних странствий и всевозможных лишений, порою добровольных, сильно сказывались на здоровье в те суровые времена.

Вместе с миссионером на остров высадился его верный слуга китаец Антонио. Очень встревоженный состоянием своего хозяина, он заставил его вернуться на «Санта-Крус», который, к счастью, еще не ушел. Но в это время задул ветер и началось такое сильное волнение, что больному было невозможно оставаться на корабле. На следующий день шлюпка отвезла его на берег и по пути раз десять чуть не перевернулась. Измученный, промокший, Франсуа Ксавье потерял сознание на этом злосчастном острове, у него начался бред. «Он говорил на языке басков и читал псалмы,— рассказывал его слуга.— В полном спокойствии и с именем Иисуса на устах вручил он свою душу богу». Это произошло 3 декабря 1552 года в два часа утра. «Санта-Крус» отвез останки «святого Франсуа» в Гоа, где они покоятся и поныне.

Незадолго до своей смерти Магеллан назвал острова, куда входил остров Себу, архипелагом Святого Лазаря, так как здесь его умирающие моряки вновь возвратились к жизни. Позднее другие путеше-

ственники назвали архипелаг Филиппинами в честь принца Филиппа, наследника Карла V. Став королем, Филипп решил утвердиться на островах окончательно.

Монах Урданета, вернувшийся после экспедиции в монастырь, предавался в своей келье самобичеванию, когда настоятель монастыря велел передать ему, чтобы он, отложив все дела, собирался в Америку.

— Вы назначаетесь штурманом экспедиции, которую вице-король посылает из Мексики на Филиппины. С вами поедут еще четверо наших братьев.

Монахи-моряки всегда очень высоко котировались. В этой экспедиции принимали участие пять кораблей и четыреста человек экипажа, командиром был назначен Мигель Лопес де Легаспи. 3 февраля 1565 года Урданета благополучно привел флотилию на Филиппины. Через три месяца Легаспи приказывает ему возвратиться на одном из кораблей из Мексику с грузом пряностей.

Тихий океан предстояло переплыть с запада на восток. Этого еще никто не совершал.

— Сначала,— сказал Урданета,— возьмем курс на северо-восток, чтобы избежать встречных течений, а там будет видно.

У монаха были свои соображения. Искусно используя переменные ветры, он плыл вдоль берегов Японии, стараясь попасть в более высокие широты. Под 43° северной широты Урданета обнаружил преобладание попутных ветров, на что у него и была надежда, подсказанная его гениальной интуицией. Он взял курс на восток-юго-восток, доплыл до калифорнийского берега и, повернув к югу, 30 октября 1565 года бросил якорь в порту Акапулько. Умело используя попутные морские течения и ветры как в одном, так и в другом направлении на расстоянии десятка тысяч миль, Урданета наметил маршрут Мексика—Филиппины, который в скором времени станет обычным путем галионов. Создав этот шедевр мореходного искусства, он снова вернулся в свой монастырь⁸.

В XVI веке было распространено некое связанное с религией географическое представление: на нашей планете создатель точно уравновесил сушу и море. А так как в северном полушарии море занимает огромное пространство (подвиг Урданеты показал, что к северу от экватора Тихий океан совершенно пуст), значит, на юге должен существовать большой материк—обширная суша, окаймляющая этот океан. Поиски знаменитого Южного континента не прекратились даже после того, как голландцы Ван-Димен и Тасман исследовали берега Австралии (с 1616 по 1643 год). Но об Австралии мы подробно поговорим в книге «Великий час Индийского океана», поскольку она омывается этим океаном в большей мере, чем Тихим.

В 1567 году вице-король Перу Франсиско де Толедо устраивал у себя во дворце в Лиме пышные приемы. На одном из приемов математик и мореплаватель Гамбоа рассказал ему эпизод из истории инков.

— Вождь Тутат Ютанки, проплавав девять месяцев в Тихом океане, пристал к очень крупному матерiku в южной части океана и долгое время его исследовал. Это открытие подтверждает то, чему учит нас наша религия.

— Когда это произошло?

— В точности сказать нельзя, так как календарь инков отличался от нашего. Но в их летописи сказано, что из экспедиции Тутат Ютанки привез черных рабов, большое количество золота и серебра.

Летопись инков содержит много легенд, иногда ни на чем не основанных и лишь прославляющих того или иного правителя. Но жажда золота у испанцев в те времена была неутолимой. И вот 20 ноября 1567 года Франсиско де Толедо отправляет из Лимы два корабля с экипажем в сто пятьдесят человек, среди которых было четыре монаха. Одним кораблем командовал Гамбоа. Официально главой экспедиции считался Альваро Менданья де Нейра, молодой человек двадцати лет, ничего не смысливший в искусстве кораблевождения. Главное его достоинство заключалось в том, что он был племянник вице-короля.

15 января 1568 года экспедиция открыла островок, получивший название Хесу⁹. С кораблей видны были пальмы и пироги, но из-за сильного течения моряки не сумели пристать к берегу, а потом у гряды коралловых рифов чуть не сели на мель. 17 января подошли к высокому гористому острову и на этот раз смогли причалить к нему. Острову дали имя Святой Изабеллы¹⁰, объявив его владением испанского короля. Как вскоре выяснилось, среди туземцев, которым не было дела ни до каких владений и наций, процветал каннибализм. Испанцы продолжали исследовать этот район в надежде отыскать Южный материк, но встретили лишь несколько островов. Один из них назывался на туземном языке Гвадалканар. Это название после веков безвестности получить во время второй мировой войны страшную славу. В одной из островных групп были обнаружены кое-какие следы золота, поэтому Менданья окрестил их Соломоновыми островами¹¹. Так они называются и до сих пор. Сильно потрепанная на обратном пути бурями экспедиция прибыла 22 июня 1569 года в Акапулько, так и не обнаружив Южного континента.

— Я не сомневаюсь в его существовании,— не раз повторял Гамбоа Менданье. Оба они вернулись в Перу, и Менданья, стараясь добиться новой экспедиции, начал осаждать своего дядю.

— Время теперь тяжелое,— отвечал тот.— Английские корсары опустошают наши владения.

Он имел в виду Дрейка и Кавендиша, которые и в самом деле разбойничали в то время у берегов Чили, Перу, Мексики. А в 1583 году, после гибели «Непобедимой армады», положение стало еще тяжелее.

— Самое время раздобыть побольше золота,— настаивал Менданья.— Южный материк от него ломится.

Диалог продолжался еще много лет. Упрямец расписывал такие заманчивые картины, что Толедо наконец сдался. 16 июня 1595 года на четырех кораблях с экипажем в четыреста человек Менданья отплывает из перуанского порта Паита. Старшим штурманом у него был некто Кирос, португалец, более или менее отступившийся от своей страны. О нем желательно узнать побольше. Это был незаурядный человек, склонный и к мистике, и к активным действиям.

Если твердить себе одно и то же в течение двадцати пяти лет, вера в это становится крепкой как сталь. Менданья (ему было теперь сорок восемь лет) настолько верил в существование Южного континента, что взял на свои корабли пятьдесят семейных мужчин с женами и детьми. Сам он тоже увозил с собой молодую и красивую жену, Изабеллу де Баррето. Вообразив себя Христофором Колумбом южных вод Тихого океана, он хотел получить большие права и привилегии. — Я стану вице-королем всех открытых земель с правом чеканить свою монету.

Вице-король Перу соглашается на это, считая, что он ничем не рискует. В поисках Южного материка они, как и в первое плавание, открыли острова, которым Менданья дал название Маркизских в честь своего покровителя маркиза Мендосы. Мужское население острова то приносило им подарки, то выпускало отравленные стрелы. Матросам Менданьи очень пришлось по вкусу местные женщины.

— Для чего нам уходить отсюда? — спрашивали они.

— Чтобы открыть большой материк, где все будет еще прекраснее, — отвечал Менданья.

Флотилия взяла курс на запад-северо-запад и за три недели прошла значительное расстояние, хотя и потеряла при встрече с циклоном один корабль. Наконец они увидели остров, которому дали название Санта-Крус (впоследствии голландец Картерет назовет его островом Эгмонта). Остров показался им довольно обширным, так что Менданья за неимением Южного материка согласился, по крайней мере на время, основать на нем колонию.

Туземцы, встретившие их враждебно, переменили потом свое отношение. Менданья завел дружбу со старым вождем по имени Малоте, и благодаря его покровительству испанцы построили на острове поселок с колодцем, ратушей, церковью, где по воскресеньям служили мессы.

— Нам здесь очень нравится, — говорили отцы семейств и их жены.

Матросы и другие неженатые люди говорили то же самое, но они преследовали местных женщин, что привело к ссорам, потом к дракам и убийствам. Наконец холостяки подняли открытый бунт. Находясь на своем корабле, Менданья слишком мягко осуществлял командование, следуя указаниям Кироса и особенно Изабеллы, которую известие о бунте вывело из себя:

— Необходимы строгие меры.

Она сама вышла на берег с солдатами, и те схватили нескольких мятежников.

— Мне нужно три головы,— четко определила Изабелла.

Головы трех казенных, надетые на копья, были выставлены на всеобщее обозрение. Появились туземцы, посмотрели, подумали и решили поддержать бунтовщиков. Опять началось смятение, был убит старый Малоте, и в то же время среди испанцев вспыхнула эпидемия. Что это была за болезнь, мы не знаем, но одним из первых от нее умер Менданья. Это случилось 17 октября 1595 года. Командование экспедицией он успел официально передать своей восемнадцатилетней жене Изабелле. Если на основе дальнейших событий написать сценарий, ни один продюсер его не примет, хотя в нем нет ни капли выдумки. Изабелла созвала офицеров:

— Вот что я предлагаю. Заберем на суда женщин с детьми и всех, кто на нашей стороне. Доплывем до Манилы, получим подкрепление и вернемся сюда усмирять дикарей и бунтовщиков.

На острове осталось лишь пятнадцать взбунтовавшихся матросов. О их судьбе мы никогда не узнаем. 15 ноября, еще до отплытия (после смерти ее мужа не прошло и месяца), Изабелла обвенчалась с одним бездельником по имени Франсиско де Кастро, который отправился в экспедицию лишь в качестве возлюбленного этой смуглой красавицы. Поздравления, пиршество, и затем, 18 ноября 1595 года, флотилия покидает остров. Вести корабль было поручено Киросу.

Три небольших корабля, обычные для той эпохи, и около четырехсот человек на борту — нужно еще раз представить себе всю эту скученность, ужасающую тесноту. А пример Изабеллы, обвенчавшейся со своим возлюбленным и почти не скрывавшей восторга, действовал на всех слишком возбуждающе. Через несколько дней это уже были корабли безумцев, где распались любовные страсти, а между тем на каждом из них продолжала свирепствовать эпидемия, вспыхнувшая еще на Санта-Крус.

Трупы прямо без обряда выбрасывали за борт (сорок семь трупов в течение месяца), и тем временем все длилась эта невообразимая оргия людей, уже почти голодавших. Изабелла, околдованная своим Франсиско (венчание как будто удвоило ее пыл), была среди этого безумства одной из немногих верных жен, а так как ей хотелось, чтобы муж сохранял крепость и здоровье, она его подкармливала, оставляя у себя ключи от кладовой. Киросу всегда с трудом удавалось выпросить у нее продукты и воду для пассажиров и экипажа. То, что позволяла себе Изабелла (умывалась и стирала свое белье пресной водой!), было безумной роскошью, невероятной дерзостью. И, однако, ни малейшего возмущения, все было словно зачаровано этой красавицей адмиральшей.

В то время Гуам все еще назывался Воровским островом, как окрестил его семьдесят четыре года назад Магеллан, и железо было на нем по-прежнему металлом редким и дорогим. В обмен на предметы из

железа и смогли получить теперь воду, рыбу, фрукты и овощи добравшиеся до острова люди экспедиции Менданы.

— Вот как я вас хорошо вела!— воскликнула Изабелла.

Сам Кирос, старший штурман, поцеловал край ее одежды. До Манилы было уже недалеко. Корабли пришли туда 11 февраля 1596 года. Никто больше не говорил о возвращении на Санта-Крус. А вскоре Изабелла вместе со своим мужем и кротким Киросом уезжает из Манилы на одном из галионов, которые теперь совершают регулярные рейсы между Филиппинами и Акапулько. В Мексике Кирос заявил, что собирается сразу ехать в Испанию, чтобы обсудить там проект дальнейшего распространения христианской веры.

— Проекты могут и подождать,— сказала Изабелла.— Поезжайте лучше с нами в Перу.

Всегда удивительно покорный, Кирос согласился и на это плавание¹². Да и кто бы смел не подчиниться Изабелле? А дальше следы этой необыкновенной обольстительницы теряются.

В последней четверти XVII века английские и французские флибустьеры, действовавшие до той поры в Карибском море, перебравшись в Тихий океан (они все еще называют его Южным морем), кто посуху через Панамский перешеек, кто вокруг мыса Горн. Им не по нутру были ограничения, какие их правительства стремились наложить на деятельность флибустьеров после подписания с Испанией Нимгенского мира. «В Южном море нам никакой договор не будет страшен,— говорили авантюристы.— Там ни один корабль до нас не доберется». О разграблении ими испанских поселений на западном побережье Америки, вплоть до Калифорнии, рассказано в предшествующем томе*. Флибустьеры, среди которых встречались и очень образованные люди, внесли немалый вклад в развитие географических и гидрографических знаний того времени. Только благодаря Генри Моргану, Дрейку, Равено де Люссану, Дэмпиру были выверены и исправлены карты Тихого океана у западных берегов Америки. Испанцы умышленно искажали их, пытаясь сохранить свои сокровища. Преследуя испанские галионы от берегов Перу до Филиппин, Уильям Дэмпир пишет в то же время путевые заметки, составляет карты, собирает гербарий, делает зарисовки.

Правда, память, какую оставили по себе в тех краях флибустьеры-исследователи, отнюдь не облегчала задачу первой экспедиции, прибывшей туда с намерением вести честную торговлю.

Тот риск, какой еще и в наши дни принимают на себя некоторые коммерсанты и который оправдывается их прибылями, не может идти ни в какое сравнение с отвагой купцов прошлого времени, когда они рисковали не только капиталом, но и своей жизнью. На проезжих

* Жорж Блон. Великий час океанов. Атлантический. М.: Мысль, 1978.—Прим. перев.

дорогах их подстерегали бандиты, в океане — пираты и превратности мореходства.

В те времена в Париже была основана Компания Южного моря с основным капиталом в 800 000 ливров. В порту Ла-Рошель готовилось «грандиозное снаряжение». Семь судов, на которых должны были отправиться шестьсот семьдесят человек команды и значительные военные силы: шесть рот пехоты и одна — кадетов, в том числе сорок два офицера, и, кроме того, еще «довольно большое количество лиц, ремесленников и прочих». Им предстояло не только заниматься торговлей, но и основать колонию. Едва об этом разлетелась весть, как в Ла-Рошель хлынули толпы желающих отправиться в плавание, так что глава экспедиции Дежан мог выбирать людей по своему усмотрению. В кадетской роте помимо офицеров насчитывалось еще не менее шестидесяти человек дворян. Вся эта отборная молодежь в ожидании посадки гордо красовалась перед девушками Ла-Рошели своей красивой формой «голубого цвета, с узким золотым галуном всюду и белым плюмажем на шляпе».

Неизвестно, какому безумному бухгалтеру, какому разбойнику-кассиру пришла в голову мысль выплатить всем войсковым частям и всей команде жалованье за несколько месяцев вперед да еще объявить к тому же, что Компания Южного моря «отвечает за расходы в кабаках». Через несколько дней Ла-Рошель превратилась в содом, в настоящий Вавилон, так что обеспокоенные руководители послали туда из Парижа финансового инспектора! Получив через несколько дней его отчет, они схватились за голову: «Чтобы выйти теперь в плавание, понадобилась бы сумма, равная всему вложенному пайщиками капиталу, то есть 800 000 ливров».

Принятые вслед за этим меры казались разумными: сократить расходы, отправив в плавание только три корабля, уменьшить число моряков и число войск. Однако такое сокращение вызвало в городе бунт, и командир экспедиции ушел в отставку. Его помощник, Гуэн де Бошезн, хотел сделать то же самое, но Компания уговорила его остаться командиром. Наконец 17 декабря 1698 года в плавание вышли четыре корабля. В составе штаба экспедиции помимо капитанов и штурманов был еще историограф и гидрограф Дюплесси. В плавании приняли также участие несколько флибустьеров, хорошо знавших те места, куда направлялась экспедиция.

На другой день в море началась очень сильная буря. Один из кораблей, получив серьезные повреждения, должен был вернуться обратно в Ла-Рошель, другой потерпел крушение у берегов Бретани. Оставшиеся два корабля, напрасно и долго прождав их близ Рио-де-Жанейро, подошли к проливу Магеллана только 24 июня 1699 года, через шесть месяцев после отплытия.

Магеллан прошел этот скалистый коридор длиной в семьсот километров за четыре недели, кораблям Бошезна понадобится для этого шесть месяцев.

Записки гидрографа Дюплесси не менее точны и подробны, чем записки Пигафетты об экспедиции Магеллана. Мы видим, как продрогшие от зимней стужи люди пробираются через этот мрачный лабиринт со скоростью три с половиной километра в сутки. Ветер, дувший между высокими стенами, покрытыми облесенной коркой снега, всегда мчался им навстречу, приходилось постоянно лавировать среди скал и перекрестных течений. Плыть по ночам было невозможно, поэтому к концу каждого дня бросали якорь или, вернее, опасаясь, как бы он не потерялся на скалистом дне, везли его на какой-нибудь островок или полосу пляжа у подножия береговых скал. Матросы шагали по снегу, по воде нулевой температуры. На каждом корабле хирург, вооруженный инструментами, напоминавшими столярные, ампутировал отмороженные конечности, и его виртуозность (скорость хирургического вмешательства в те времена нельзя сравнить с теперешней, да в ней и не было бы проку) часто не предотвращала смерти пациента от кровотечения или гангрены.

Где-то на пути флибустьер-штурман узнал одну из жалких испанских стоянок с названием Голодная Гавань! Изредка в этом коридоре появлялось патагонское судно, длинная изогнутая пирога, всегда с разведенным на ней огнем. Подплывая к кораблю, патагонцы предлагали в обмен на всякие безделицы большую рыбину, присоленную птицу. К счастью, морозы стали со временем слабеть, но на Огненной Земле даже декабрь, самый разгар лета, не отличается от нашей зимы.

Шесть месяцев. 29 декабря 1699 года Гуэн де Бошезн, отчаявшись найти выход, поплыл обратно, собираясь вернуться в Голодную Гавань. И тут — неожиданное чудо — ветер вдруг стал дуть с востока. Снова поворот в обратную сторону. Понадобилось только (или еще) три недели, чтобы выйти в открытое море.

Гуэн де Бошезн направился вдоль американского побережья на север, по-прежнему намереваясь открыть для французов торговый путь и основать на берегу колонию. Но подходящих мест не так-то уж много в южной части побережья, на узкой полоске земли, где постоянно громоздятся тучи, которые ветер гонит с Тихого океана к Кордильерам: снег зимой, дожди и туманы летом. Немного к северу отыскалось место получше, там видна была даже густая растительность, но те, кто по неведению первыми приблизились к берегу, попали под меткий ружейный обстрел. Вдобавок в них еще полетели отравленные стрелы. Это испанцы, завидев два французских корабля, призвали на помощь индейцев и стали защищать свои владения, как они думали, от флибустьеров. Береговые братья оставили тут по себе такое воспоминание, что местные жители, пытаясь защититься от них, вступали даже в союз со своими завоевателями.

Точно такое же сопротивление французы встретили и в Перу. Напрасно Гуэн де Бошезн посылал парламентаров, желая сообщить о своих мирных намерениях: «Мы только просим дать нам пресной

воды и провизии. В обмен предлагаем добротные ткани». Никакого ответа. Строгий наказ вице-короля запрещал вступать в какую бы то ни было связь с французами. Бошезн послал уведомление, что вынужден будет высадить на берег войска и взять силой все, чего ему не хотят продать или обменять на другие товары. Ответа опять не последовало.

Интересно проследить, как эта стена молчаливого отказа начала давать трещины. Даже в наше время никакой запрет не может долго устоять перед перспективой выгоды. Ни строгие приказы вице-короля, ни воспоминания о налетах флибустеров не помешали купцам проноухать, что плававшие у побережья французы толкуют о торговле и обмене товарами. И вот в местечке Арика (теперь на границе Перу и Чили) наступил перелом. Бошезну пришла в голову мысль послать для переговоров судового священника. Облачение послужило ему защитой, и испанцы его выслушали: «Наше плавание преследует совершенно мирные цели и т. д.». Купцы сразу вяли словам священника, заявив, что губернаторские приказы наносят всем вред и на них не стоит обращать внимания.

Гуэн де Бошезн получил пресную воду и продовольствие, а суперкарго начал продавать привезенные из Франции ткани. Груз одного только корабля дал 50 000 экю прибыли, хотя часть товара оказалась подмоченной. Не хуже шла торговля в Кальяо и Биско, совсем поблизости от Лимы, где пребывал губернатор. Купцы дали знать Бошезну, что этот правитель снаряжает для преследования французов три судна, но что в Перу никакие дела не делаются быстро.

— Нам больше нечего продавать,—ответил Бошезн.—Теперь мы приступим к открытиям.

Повернув решительно от берега, он взял курс прямо на запад, и спустя шесть дней наблюдатель на его корабле закричал: «Земля!» Это был один из Галапагосских островов. Еще и теперь этот вулканический архипелаг числится среди самых неприятных мест на земле. Правительство Эквадора, взяло там под охрану чудовищных игуан, гигантских черепах, нелетающих птиц и некоторых других реликтовых животных необычного облика, представляющих большой интерес для науки. Самые решительные участники экспедиции Бошезна, открыв этот музей чудовищ, стремились поскорей его покинуть.

Гуэн де Бошезн хотел уже вернуться в Европу, но для этого недоставало продовольствия, а на Галапагосских островах, разумеется, ничего не было. Пришлось возвратиться в Перу, где губернатор был все так же неуступчив — и, слава богу, все так же бессилен: предназначенные для погони суда, стоявшие в порту Лимы, все еще дожидались своих пушек и команды, а купцы с побережья набросились на корабли французов, словно хищники.

— Не может быть, чтобы у вас не осталось ничего для продажи. Мы купим все что угодно.

Пошарили в трюмах и продали «все полотно вообще, порченное или

нет, какое еще оставалось на судне, и теперь уж совсем ничего не осталось». Ни малейших затруднений с продовольствием. 5 декабря 1700 года экспедиция вышла из Ило, близ Арики, и прибыла в Рио-де-Жанейро дорогой вокруг мыса Горн, а не через пролив Магеллана. Благодаря преобладающим в тех районах ветрам обогнуть мыс Горн с запада на восток во много раз легче, чем в обратном направлении.

В Рио Бошезн и его спутники узнали, что недавно королем Испании стал герцог Анжуйский, внук Людовика XIV.

— Какое счастье! Теперь для французских судовладельцев нет больше запрета на торговлю с Перу. Все порты будут для нас открыты.

Оптимисты эти абсолютно заблуждались. Испания во что бы то ни стало хотела сохранить за собой торговлю с этими районами, и именно Людовик XIV запретил французским судовладельцам, под страхом самых серьезных наказаний, посылать туда корабли. В 1713 и 1714 годах Бурдас Деламар, купец и судовладелец из Сен-Мало, дважды попадал в тюрьму за нарушение этого запрета. Второй раз его посадили в Бастилию и продержали там больше года. Имущество его было конфисковано.

Министр финансов Понтшартрен приказал осматривать и обыскивать все уходившие из Сен-Мало суда, проверять все подозрительное, что, по его словам, можно было увезти для продажи в Перу. И действительно, многие корабли увозили подобный груз, и никакие меры не могли противостоять смелости и изобретательности судовладельцев и моряков Сен-Мало, наострившихся в этой так называемой контрабандной торговле. Элегантные испанки Южной Америки не хотели обходиться без бретонского полотна, без парижских украшений, и корабли Сен-Мало увозили из Перу серебряные слитки и золотой песок. Прибыль в десять раз превышала штрафы, взимаемые с нарушителей, и даже тюрьма их не останавливала.

Экспедиция Бошезна, несмотря на свою убыточность и неудачу с колонизацией, проложила в конечном итоге дорогу для других. Защитники торговли с испанскими колониями на Тихоокеанском побережье приводили неоспоримые по понятиям того времени доводы:

— Торговля наша самая выгодная, выгоднее даже торговли с Ост-Индией и Китаем. Мы не собираемся обменивать одни товары на другие, ввоз их нанес бы только вред отечественному производству. Мы будем черпать прямо из самого источника сокровищ. Разгружать нашу страну от товаров и привозить золото и серебро — вот наш девиз, вот каким образом мы служим своему государству.

В книге «Путешествие вокруг света» английского капитана Вудса Роджерса, напечатанной в Лондоне в 1712 году, рассказано об одном происшествии, случившемся 31 января 1709 года.

«В семь часов утра мы подошли к острову Хуан-Фернандес. Вместе с огромным количеством раков наша шлюпка доставила на корабль человека в козьих шкурах, которые имели более дикий вид, чем их подлинные владелицы. Он прожил на острове четыре года и четыре месяца. Это был шотландец по имени Александр Селкерк. За неимением практики он настолько забыл свой язык, что мы с трудом его понимали, слова он произносил как будто наполовину. Мы предложили ему вина, но он до него не дотронулся, так как, живя на острове, пил одну только воду».

Остров Хуан-Фернандес, названный так по имени его открывателя, лежит в Тихом океане, в 600 километрах к западу от Вальпараисо. В 1709 году никто не мог и предположить, что спасение неизвестного моряка ляжет в основу одного из самых крупных литературных событий и что приключения Селкерка, литературно обработанные и дополненные, будут увлекать многие поколения читателей «Робинзона Крузо».

У писателя Андре Мальро есть такое высказывание: для всех, кто жил и страдал, только три книги «не теряют своей правды»: «Дон-Кихот» Сервантеса, «Идиот» Достоевского и «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо.

Даниель Дефо задумал написать свой роман, прочитав рассказ капитана Вудса Роджерса и интервью, опубликованное журналистом Стилем в газете «Инглишмен» от 1 декабря 1713 года. Роман появился в 1719 году, и он сразу же и надолго завоевал успех. Во всех французских семьях, по крайней мере до первой мировой войны, «Робинзон Крузо» был неизменно одной из первых книг, какие давали ребенку, как только он научится бегло читать.

Александр Селкерк (сам он иногда писал свое имя Selcraig) родился в графстве Файф, смежном с Селкеркширом, около 1680 года. Его карьера добросовестного моряка теряется в тумане океанов, где он плавал. И только в 1704 году появляется вдруг его след — он боцман на корабле «Пять портов», которым командует некто Страдлинг. Во время плавания у берегов Чили на судне обнаружилась течь. Самой близкой землей был один из островков архипелага Хуан-Фернандес.

— Капитан,— предложил Селкерк,— нужно сделать там остановку и исправить повреждение.

— Нет,— отвечал Страдлинг.— Нам необходим хорошо оборудованный порт.

— Мы не доберемся до него. Надо идти к островам Хуан-Фернандес.

— Ни в коем случае!

Оба стали горячиться, и под конец боцман назвал Страдлинга чертовым капитаном и сказал, что он, Селкерк, чувствовал бы себя на любом островке в гораздо большей безопасности, чем на судне под таким ужасным командованием, как «Пять портов». Страдлинг поймал его на слове и высадил на остров.

Оказавшись один на берегу, Селкерк пожалел о своем упрямстве и сделал баркасу знак вернуться, но старшина получил строгий приказ и не хотел замечать сигналов. Вскоре корабль поднял паруса и скрылся из виду. В списке экипажа против имени Селкерка капитан Страдлинг сделал пометку: «пропал без вести».

Для того чтобы выжить, Селкерку не пришлось, подобно Робинзону, вылавливать обломки кораблекрушения. Вместе с его постелью баркас доставил на остров хорошее кремневое ружье, фунт пороху и достаточное количество патронов. В его матросском сундуке была одежда, кремневая зажигалка, табак, топорик, тесак, чайник и Библия. Корабельный кок добавил к этому еще продовольствия на несколько дней. Одним словом, там было все необходимое, чтобы просуществовать какое-то время в ожидании корабля. Но острова Хуан-Фернандес лежат в стороне от обычных морских путей, так что Селкерку пришлось прождать своих спасителей четыре с половиной года.

На острове Селкерк сразу же обнаружил любопытные следы: сложенные кучками камни, кусочек ржавого железа, согнутый в форме крючка. Он внимательно осмотрел остров: ни души. Человек, оставивший по себе память на острове, покинул его двадцать лет назад. Это был индеец из племени москито, прибывший туда с английскими флибустьерами и «забытый» ими при поспешном отплытии. В 1684 году его снял с острова знаменитый английский флибустьер Дэмпир.

По словам Селкерка, одиночество его отнюдь не угнетало. Больше всего он страдал от обилия крыс. По ночам они грызли на нем одежду и даже кусали за пальцы ног. К счастью, с испанских и английских кораблей на остров перекечевали не только крысы. Кошки тоже оказались на берегу и тоже сильно расплодились. Со временем Селкерку удалось приручить несколько кошек, и тем самым проблема с крысами была решена.

Добывание же пищи не было для него проблемой. Еще до того как иссяк запас пороха и пуль, у него появилось стадо коз с козлятами. Козы водились на острове в диком состоянии, и Селкерк, ранив нескольких животных в ноги, выходил их затем и создал таким образом свое хромонное стадо. Теперь он мог по мере надобности забивать намеченное животное, обходясь без огнестрельного оружия. Козлята, появившиеся на свет от покалеченных родителей, были нежно привязаны к своему хозяину, они ходили за ним, лизали ему руки и ноги, а когда подросли, стали давать молоко, которое он разделял со своими кошками.

У Селкерка уже не хватало духу убивать таких доверчивых животных. Он мог свободно обходиться без мяса, так как повсюду в изобилии росла репа и капустная пальма, а огромные раки, черепахи и съедобные моллюски водились в таком количестве, что только успевай собирать. Но вся одежда Селкерка превратилась в лохмотья,

и только козьи шкуры могли заменить ему рубашку, брюки и одеяло. Только шкуры можно было натянуть над примитивной хижинкой, чтобы иметь надежную защиту от ливней и от лучей слишком жаркого солнца. И вот Селкерк стал усиленно тренироваться. Вскоре он уже мог прыгать, как козленок, и на ходу убивать старых диких козлов. Хорошо наточенный тесак довершал остальное.

Рыба вызывала у него крапивную лихорадку. Он попробовал однажды изжарить похожие на дораду рыбешки в пламени душистого костра из поленьев перечного дерева. Огонь он высекал трением двух чурок одна о другую между коленями (кремневая зажигалка давно уже вышла из строя). Но завтрак не пошел ему впрок. В дальнейшем он оставлял рыбу только для кошек.

Здоровая жизнь на свежем воздухе, нежирная пища без капли алкоголя, постоянный физический труд развили мускулатуру молодого моряка, и он превратился в настоящего атлета. Одиночество оживило в Селкерке набожность, каждый день он произносил вслух молитвы, распевал псалмы, читал Библию, предавался размышлениям, вырезая на коре деревьев пришедшие ему на ум глубокие мысли.

Два раза к острову приставали испанские суда, привлеченные дымом костра или просто намереваясь взять там пресной воды. Верный шотландец не хотел иметь никакого дела с врагами своей родины, к тому же очень недоброжелательными. Однажды они стреляли в него, но он сумел скрыться и провел всю ночь на дереве, под которым расположились испанские моряки.

Как-то раз он преследовал дикую козу и, не заметив за кустарником глубокой лощины, куда прыгнуло животное, полетел вниз и целых три дня пролежал без сознания (время ему удалось потом определить по величине лунного полумесяца). Селкерк упал прямо на мертвую козу, это ослабило удар и спасло ему жизнь. Предстояло еще выбраться из лощины и больше километра ползти до хижины. А там, в окружении своих ласковых кошек, облизанный козами, молоко которых он сосал прямо из вымени, Селкерк дней через десять совсем поправился, а вскоре стал еще сильнее и проворнее, чем прежде.

Его не тревожило быстрое течение дней, счет которым он вел с большой аккуратностью, делая каждое утро зарубку на стволе дерева. В общем Селкерк был вполне счастливым на своем пустынном острове. Вернувшись в Англию, он мог признаться журналисту Стиллу: «Никогда я еще не чувствовал себя таким добрым христианином, как на Хуан-Фернандес». Он даже сожалел, что вернулся в общество людей. «Несмотря на все удовольствия, оно не может вернуть мне покоя моего одиночества».

В завершение истории «настоящего Робинзона Крузо» следует добавить, что через несколько месяцев после первой беседы тот же Стил, встретив Александра Селкерка на улице, едва узнал его: «настолько повседневное общение с жителями этого города стерло с его облика все следы одиночества и совершенно изменило выражение лица».

Стил очень удивился и в то же время порадовался благополучию этого хорошо одетого человека. В ответ он услышал полные печали слова:

— Теперь у меня капитал в восемьсот фунтов стерлингов, но никогда больше не буду я так счастлив, как в те дни, когда не имел ни гроша. Говорил ли Александр Селкерк искренне? Даниелю Дефо во всяком случае хотелось этому верить, и он вкладывает в уста своего Робинзона аналогичную фразу:

«Теперь наконец я ясно ощущал, насколько моя теперешняя жизнь, со всеми ее страданиями и невзгодами, счастливее той позорной, исполненной греха, омерзительной жизни, какую я вел прежде». Увы, не каждый из тех, кто, подобно Робинзону, оказался на острове в Тихом океане, мог произнести такие слова. Судьба их бывала порой жестокой и трагичной.

«На острове царит такая скудость, что говорить о переходе от первобытного состояния к нашей цивилизации невозможно. Остров Пасхи не пришел в упадок, он просто медленно тлеет среди безысходной нужды». Эти строки написаны в 1934 году этнологом Альфредом Метро после его пребывания на острове Пасхи с научной экспедицией...

Название острова Пасхи (о нем было упомянуто в начале этой книги, когда говорилось о заселении островов Тихого океана) широко известно. Все слышали о нем, видели фотоснимки его гигантских загадочных статуй (некоторые высотой более десяти метров и весом до двадцати тонн). Кем они были созданы, кто их перемещал из каменоломен туда, где они теперь стоят, кто и каким образом, без подъемных орудий, установил их вертикально на этом унылом маленьком острове, удаленном на 3000 километров от Американского материка? Именно эта загадка и привлекает, притягивает к себе внимание: таинственный остров Пасхи, где нам мерещится исчезающая раса гигантов, воздвигнувших гигантские статуи. Мрачная история острова Пасхи со времени его открытия европейцами почти темна для нас, лишь изредка в ней появляются просветы: свидетельства Альфреда Метро, свидетельства Франсиса Мазьера, который, как я уже говорил, жил на острове среди паскуанцев и знал их язык.

История эта охватывает время с 1722 года (Селкерк-Робинзон был еще жив тогда) до наших дней. Чтобы не омрачать все последующие главы, расскажем ее здесь целиком, не задерживаясь на самых тягостных подробностях. Совсем обойти их молчанием невозможно. 1722 год. Три голландских парусника под командованием капитана Роггевена отплывают из Чили и берут курс на запад, следуя примерно по 26-й параллели. Якоб Роггевен считался официально путешественником, но все путешественники в те времена надеялись на какую-то выгоду. Роггевен собирался искать золото на южных островах. В ту

пору люди еще не отказались от поисков богатого Южного континента.

Когда вперёдсмотрящий на его корабле заметил землю, Роггевен отдал приказ взять на нее курс и послал за своей подзорной трубой. Небо почти сплошь было покрыто облаками, видимость хорошая, при свежем восточном ветре, волнение не очень сильное. Был первый день Пасхи.

Очень скоро Роггевен разглядел, что это остров, сильно изрезанный, местами с обрывистым берегом или подводными скалами. Видны буровато-серые довольно высокие горы, на глаз до нескольких сот метров. Судя по форме и вершинам, это потухшие вулканы. По мере приближения становятся заметны каменные россыпи, откосы с невысокой травой, отдельные редкие деревья. Больше никакой зелени нет. Роггевен объезжает вокруг острова. На склонах западного берега высятся какие-то странные статуи невероятной величины. «Несомненно, из глины»,— запишет голландец. Они не вызвали у него большого интереса. Склонившись над своей картой, Роггевен ставит на ней точку и сбоку делает надпись: остров Пасхи. Пригодна ли эта скудная земля для стоянки?

Одно обстоятельство все же привлекает внимание капитана. Еще до появления острова он заметил, что стрелки обоих компасов на его корабле стали ненормально отклоняться, поворачиваясь временами на четверть окружности, затем успокаивались и опять начинали прыгать. Вскоре Роггевен узнает, что такое же явление отметили и штурманы двух других кораблей. Оно продолжало наблюдаться и в тот день, когда показался остров. Не это ли заставило Роггевена бросить якорь с западной стороны острова, укрытой от зыби? Возможно. С якорной стоянки можно было рассмотреть несколько убогих хижин и собравшихся около них туземцев. Давно им уже не приходилось видеть кораблей. От берега отошла пирога.

В ней всего лишь один человек в набедренной повязке, не очень темнокожий, среднего роста. Он улыбается, что-то быстро произносит на своем непонятном языке и, что самое забавное, простодушно трогает пальцами все предметы, щупает одежду голландцев, а когда получает в подарок несколько ниток стеклянных бус, радостно смеется и танцует. Чудесное начало.

Туземец уплывает со своим подарком к острову. Больше в тот день никто не появился. Корабли проводят ночь на якорной стоянке, а наутро голландцы видят вокруг себя десятка два пирог, откуда несутся радостные крики и дружественные приветствия.

— Пусть они поднимутся на корабль,— говорит Роггевен.

И тогда возникает то же самое недоразумение, какое привело к столкновению между Магелланом и жителями острова Гуам. Пропасть разделяет общественное сознание европейцев и этих людей. Их понятие о собственности не совпадает с нашим: в общем брать можно все, что не табу, а ведь яснее ясного, что эти необычные вещи на

кораблях не охраняются никаким табу. Как утверждали голландцы, «произошли кой-какие кражи».

Общественные нравы Европы той поры были прямы и жестоки: наказания отбивали всякую охоту приниматься за прежнее. Через несколько часов после «краж» к берегу подошла лодка с отрядом голландцев. Привлеченные любопытством островитяне вышли им навстречу. Команда, ружейный залп, несколько человек падает на землю.

Оказалось ли это недоразумение роковым? Нет, конечно, поскольку в дальнейшем были и другие посещения, не закончившиеся трагически. В 1770 году вице-король Перу посылает на остров Пасхи военный корабль, чтобы вступить во владение этой землей, но неприятностей местным жителям не чинили: их даже просят скрепить официальный акт своей подписью. И они начертали любопытную литеру в виде птицы, подобную надписям на плитках этого острова, пока не поддающимся расшифровке. В 1771 и 1772 годах еще две перуанские картографические экспедиции прошли совсем мирно. Следует заметить, что во время всех этих визитов туземцы на борт кораблей не допускались.

В 1774 году сюда прибыл Джеймс Кук. В принципе он тоже преследовал научные цели, но — мы это вскоре увидим — превыше всего он ставил интересы Британской империи и охотно прибегал к решительным мерам. Паскуанцы, сыновья и внуки тех, что когда-то добросердечно встретили голландцев Роггевена, выказали теперь такое же радушие англичанам Кука. Но могла ли всего лишь за полстолетия измениться их прежняя психология, если они только четыре раза встречались с белыми людьми? Снова кражи на кораблях, снова гремят выстрелы и падают люди. Как видно из документов, кражи были совсем пустячные: кое-какая одежда, матросские шапки. Вновь возникает трагическое недоразумение.

Но вот у одного француза хватило ума и человечности разбить эти злые чары. Когда Жан-Франсуа Лаперуз пристал к острову Пасхи (1786 год), туземцы снова унесли кое-какие вещи с корабля. Не последовало ни стрельбы, ни иных карательных мер. Наоборот. Лаперуз велел раздать жителям острова растения и семена, домашнюю птицу и коз. Мораль: залив, где стояли корабли этого благородного человека, до сих пор носит его имя. Так пожелали местные жители.

Я уже упоминал о китобоях, о промысловых охотниках на тюленей, которые в XVI веке начинают переплывать Тихий океан с востока на запад на своих зловонных суденышках. Неустрашимые моряки, но есть среди них и настоящие висельники. Подобный сорт людей существовал еще в начале XIX века. Все дальше и дальше уходили скитальцы морей в необъятный океан на все более мощных кораблях, и всегда среди них оказывались темные личности и даже закоренелые преступники.

Именно такими и оказались американские охотники за тюленями, приставшие к острову Пасхи в 1805 году. Прибыли они из Нью-Лондона, штат Коннектикут, на шхуне «Нанси» и, решив, что для охоты за тюленями у них мало людей, похитили на острове двенадцать мужчин и насильно посадили их на свои суда закованными в кандалы. Похитили они также с десятков женщин, надругались сначала над ними и тоже заковали в кандалы. После этого «Нанси» вышла в море.

— Через три дня,—сказал капитан,—мы снимем с дикарей оковы.

Тогда они уже будут далеко от своего острова и не вздумают убежать. Этот мерзавец ошибался. Едва с пленников были сняты оковы, как все они, и мужчины и женщины, как бы одним махом выпрыгнули за борт. Никакой земли поблизости не было. «Одни поплыли на юг, другие на север». Смерть, конечно, им казалась лучше того, что они уже пережили.

Китобой американского трехмачтового судна «Пиндос», бросившего якорь близ острова Пасхи в 1811 году, собирались действовать умнее. На воду было спущено три баркаса, и капитан приказал привезти воды и свежих овощей. Когда лодки стали отходить, второй лейтенант добавил:

— И женщин!

Баркасы привезли продовольствие и «столько молодых девушек, сколько было на борту моряков». О подробностях их похищения никто не распространялся. Веселье на «Пиндосе» продолжалось всю ночь. Утром девушек снова посадили в баркасы, но до берега не довели.

— Прыгайте в воду и добирайтесь вплавь!

Тех, кто не понимал, сталкивали в море. До берега было довольно далеко, но девушки хорошо умели плавать. С палубы «Пиндоса» за ними наблюдал второй лейтенант. Вдруг его осенила мысль. Он сходил за ружьем и начал стрелять по плывущим. Стрелок он был отменный. Головы с длинными темными волосами исчезали под водой и больше на поверхности не появлялись. Китобой громко хохотали. Второй лейтенант давно умер и сгнил в своей могиле, но имя его навек запечатлено в списке садистов: Ваден.

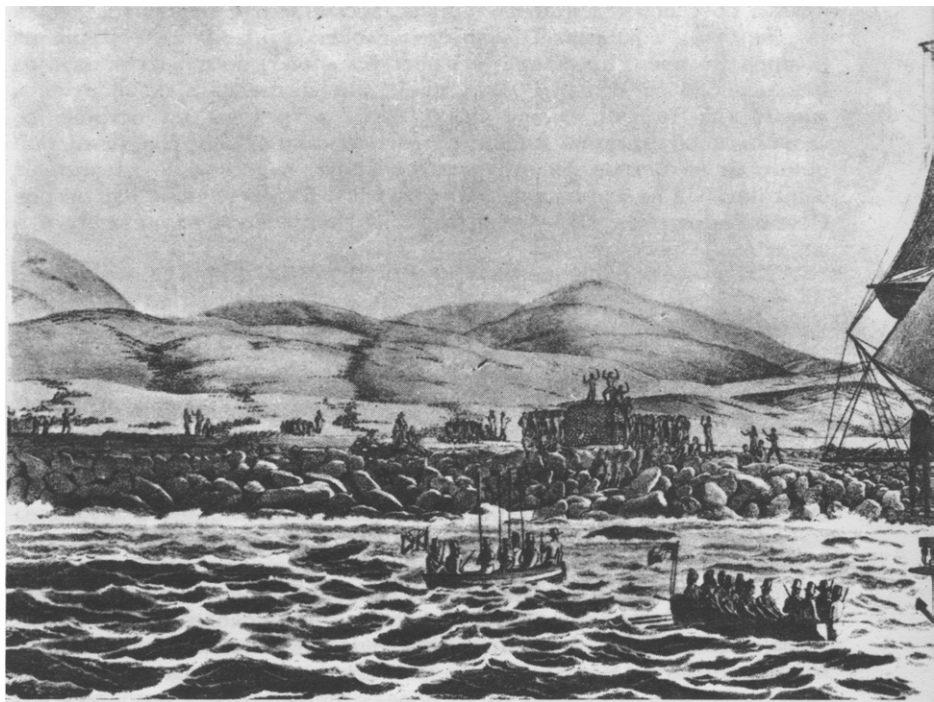
Есть города и поселения, как бы обреченные на гибель, и причины нам почти никогда не известны. Какой злой рок преследует гигантские статуи острова Пасхи? И что знаменует собой магнетизм, вызвавший внезапное отклонение стрелки компасов?¹³

В течение полувека после появления «Пиндоса» на острове Пасхи все шло спокойно, там побывали даже миссионеры. Паскуанцы не знали никаких страданий помимо превратностей жизни на этой почти бесплодной земле, обдуваемой ветрами.

12 декабря 1862 года. Шесть перуанских кораблей бросают якорь в заливе Ханкароа с западной стороны острова. На этот раз прибывшие думают не о развлечениях. Их замыслы стали известны нам благодаря

множеству сведений о последующих событиях. Это были невольничьи корабли. В Перу не хватало людей для разработки залежей гуано на островах Чинча (или Чинчос) вблизи побережья на широте Писко. Невольничьи суда были посланы на остров Пасхи «за рабочей силой», и вот как проводился ее набор.

Долгое время жители острова Пасхи страдали от нападений грабителей и работорговцев. Потом сюда пришли миссионеры и ученые, но жизнь островитян остается все такой же убогой и бедной

Отряд из восьмидесяти человек с ружьями окружил не менее тысячи паскуанцев, которые могли обороняться лишь деревянными копьями с наконечником из обсидиана; среди них король острова Маврата со своей семьей. Но женщины и дети не интересуют похитителей, они отгоняют их ударами прикладов, а так как многие не хотят уходить, цепляясь за ноги перуанцев, женщин бьют по голове или стреляют в них. Слышны и другие выстрелы—это работорговцы преследуют мужчин, убегающих в глубь острова. Потом при воцарившемся жутком безмолвии пленников ведут на корабли. Через три дня флотилия покидает остров.

Но работорговцы допустили одну оплошность: сразу после острова Пасхи они сделали нападение на остров Рапа в архипелаге Туамоту французской Полинезии. Жители острова упорно сопротивлялись и, захватив один корабль, доставили его на Таити, где экипаж был заключен в тюрьму, и все дело получило международную огласку. Однако большая часть паскуанцев уже была на острове Чинча, работая там под охраной надсмотрщиков с дубинками. Когда под напором мирового общественного мнения перуанское правительство отдало приказ об освобождении пленников, восьмидесяти процентов людей уже не было в живых. Только сто человек отправились обратно на родину. Во время плавания (в каких условиях?) восемьдесят пять из них погибло от оспы, и лишь последние пятнадцать оставшихся в живых (из тысячи захваченных) были встречены на острове со слезами и объятиями. Вместе с трагическими воспоминаниями они принесли на остров фильтрующий вирус: в несколько месяцев от оспы погибла половина населения острова. В свои лучшие дни остров Пасхи насчитывал пять тысяч жителей, после всего случившегося и эпидемии — шестьсот.

В 1872 году на борту корвета «Флора» на остров Пасхи прибыл Пьер Лоти. Десять лет минуло с тех пор, как пятнадцать человек, уцелевшие от перуанского налета, вернулись домой. «Тропы были усеяны костями,—писал Лоти,—в траве еще валялись целые скелеты». В Музее человека в Париже можно видеть испанскую голову, привезенную с острова Пасхи писателем-моряком.

С того времени на этой скудной земле побывали миссионеры, географы и другие ученые. В 1888 году правительство Чили отдало остров в аренду английской компании, и она завезла туда овец. Эти кроткие животные оказались оккупантами, которым паскуанцы вынуждены были уступить почти всю свою землю. В 1904 году на острове насчитывалось: 47 000 овец, 1000 голов рогатого скота, 1000 лошадей, 50 чилийских военнослужащих и 1000 коренных жителей. С тех пор, насколько мне известно, перепись больше не проводилась, но паскуанцы, очевидно, продолжают жить и теперь в такой же бедности, как и прежде. Этим несчастным людям запрещают покидать остров и даже ограничивают (из-за овец) передвижение по его территории.

На смену древним табу пришла нищета. Не так давно паскуанцы с удивлением и страхом разглядывали пароход «Франция», который высился невообразимой громадой перед их островом и роскошь которого, если бы они ее увидели, свела бы их с ума. Пассажиры парохода, тратившие в день столько же (в расчете на одного человека), сколько тратит паскуанская семья за всю свою жизнь, купили у них кое-какие редкости. Единственную надежду увидеть улучшение, а может быть, изменения в судьбе паскуанцев могло бы дать растущее с каждым годом число прибывающих на остров туристов. Гигантские статуи приносили бы тогда реальный доход¹⁴.

III

Бугенвиль, или цивилизация

Мало кто из моих соотечественников не знает, что Бугенвиль — знаменитый мореплаватель, первым из французов совершивший кругосветное плавание. Но лишь немногим известно, что это был еще и один из самых интересных и привлекательных людей своего века. Наши школьные учебники уделяют слишком мало внимания великим мореплавателям Франции. Луи-Антуан Бугенвиль говорил:

— Надежду на свою известность я возлагаю на цветок.

Он имел в виду бугенвиллею, тропическое растение с красивыми пурпурными и фиолетовыми цветками, открытое им во время кругосветного плавания и названное ботаником Коммерсоном в его честь. Слава Бугенвиля в то время в цветке не нуждалась. Изданные им записки под названием «Кругосветное плавание на фрегате «Сердитый» и транспорте «Звезда»* сделали его известным во всей Европе и даже Америке. Философ Дидро прославил его в своей книжке «Дополнение к плаванию Бугенвиля», рукописные копии которой ходили по рукам среди образованных людей того времени:

«В молодости Бугенвиль занимался математикой, то есть вел, несомненно, сидячий образ жизни. Трудно себе представить этот переход от свободы и покоя умственных занятий к желанию путешествовать. Второе несомненное противоречие между характером Бугенвиля и этой затеей — склонность его к светским развлечениям. Он любит женщин, театр, изысканную пищу. Вращаясь в высшем свете, Бугенвиль воспринял от него как обходительность, так и непостоянство той среды, над которой так долго потешался. Он любезен и оживлен, это настоящий француз».

* Книга переведена на русский язык. Л. А. Бугенвиль. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. М., Географгиз, 1961.— *Прим. перев.*

Луи-Антуан де Бугенвиль, снискавший милость Людовика XV и ласку Людовика XVI, ставший членом Французской Академии во времена Директории, получивший звание сенатора и титул графа при Наполеоне, прежде всего был парижанином. В свое время дед его занимал должность прокурора в Шатле, отец был нотариусом в Париже. В 1741 году, когда нотариус стал членом городского магистрата, ему было пожаловано дворянство и герб: «на серебряном поле черный орел с распростертыми крыльями». Хотя Луи-Антуану было тогда всего двенадцать лет, эта честь, выпавшая на долю семьи, не прошла мимо сознания мальчика. Городской советник пожелал, чтобы оба его сына стали юристами. Старший, Жан-Пьер, не отличавшийся ни крепким здоровьем, ни энергией, оставался под крылышком отца и, получив прекрасное классическое образование, занял место адвоката в Королевском суде. Луи-Антуан, семью годами моложе своего брата, изучая право, втайне сравнивал разные военные мундиры и останавливал свой выбор на форме Черных мушкетеров («служба, дающая доступ к королевскому двору и высоким должностям, если у вас есть определенное положение»). Не смея открыть своих планов отцу, Луи-Антуан рассказал о них брату, и тот отнесся к его признаниям сочувственно.

— Если б мне позволяло здоровье, я бы тоже стремился стать путешественником.

И он показал младшему брату рукопись «Жизнь Пифея Марсельского», написанную им по просьбе его новых друзей, Фрере и аббата Ротлена, ученых географов и историков, которые только и говорили о далеких неведомых землях. Луи-Антуан с восторгом прочитал сочинение брата и захотел познакомиться с его друзьями. Среди них были два математика, Клеро и Даламбер, они-то и пробудили в нем интерес к геометрии и алгебре.

Не без сожаления узнал отец, Ив-Пьер Бугенвиль, что сын его вступил в полк Черных мушкетеров, однако препятствовать этому не стал. Через три года мы видим Луи-Антуана в батальоне Пикардийской армии. В августе 1754 года он становится адъютантом знаменитого генерала Шевера. Потом его соблазняет дипломатическая служба, и, так как недостатка в покровителях и особенно покровительницах у этого статного, любезного и веселого человека не было, он вскоре отправляется в качестве секретаря посольства в Лондон вместе с герцогом Мирпуа, назначенным чрезвычайным послом.

Среди всей этой разнообразной деятельности Бугенвиль все же не забывал слов своего учителя математики, великого Даламбера:

— Ученые всего мира нуждаются в трактате об интегральном исчислении, а среди нас нет никого, кто мог бы успешно справиться с этой задачей.

Луи-Антуану было двадцать три года, когда он, человек несамонадежный, но всем интересующийся и почти во всем одаренный, принялся писать — в свое свободное время! — «Трактат об интегральном исчис-

Луи-Антуан Бугенвиль (1729—1811) первым из французев совершил кругосветное плавание. Мужественный и спокойный, образованный человек, выдающийся математик, он был одним из самых интересных и привлекательных людей своего века

лении», который в 1754 году вышел в свет и поразил своим совершенством всех математиков того времени. В двадцать шесть лет автор трактата был представлен в Парижскую Академию наук и избран членом Королевского научного общества в Лондоне.

После завершения дипломатической миссии Бугенвиль снова на военной службе в чине капитана драгунского полка, и, когда в Канаде начинается война между французами и англичанами, он совершает — в качестве пассажира на борту «Единорога» свое первое большое плавание, чтобы присоединиться к армии маркиза Монкальма.

Сражались французы совсем неплохо, но у них во всем ощущался недостаток, и вот Монкальм снова отправляет своего адъютанта во Францию. Не за неспособность, конечно, а учитывая его большие связи при дворе.

— Постарайтесь получить для нас подкрепление.

Во Франции в то время ни о чем другом не говорили, как только о крушении союзов и предательстве прусского короля, оставившего нашу страну в изоляции и отдавшего ее потом в руки австрийцев. Война казалась неизбежной¹. Поддержку Бугенвиль смог найти лишь у маркизы Помпадур, близкой приятельницы его дяди д'Арбулена. Ей удалось уговорить маршала Беллиля, военного министра, отправить за океан несколько войсковых частей. Заручиться согласием на их переброску предстояло у морского министра, бывшего генерал-лейтенанта полиции Беррье, человека энергичного, но несколько грубоватого. Он принял Бугенвиля холодно и отклонил его просьбу, выразив свой отказ знаменитой фразой:

— Сударь, когда горит дом, никто не думает о конюшнях!

Ответ Бугенвиля тоже заслуживает внимания:

— По крайней мере, господин министр, никто не посмеет сказать, что вы рассуждаете, как лошадь!

Не получив и четверти того, на что он рассчитывал, Луи-Антуан отбыл в Квебек на корабле «Шезин». В 1760 году подавленные численным превосходством противника французы капитулировали. Бугенвиль, как отпущенный на слово военнопленный, вернулся во Францию «без права участвовать в сражениях». Это обязательство, видимо, не было слишком строгим, поскольку с 1761 года Луи-Антуан смог принять участие в войне против прусского короля. Получив ранение, он в том же году вернулся в Париж.

Брат его Жан-Пьер, все сильнее страдавший от частых приступов астмы, нашел все же в себе силы помочь Луи-Антуану составить прекрасный проект передачи Франции островов, расположенных к востоку от аргентинского побережья, на которых уже обосновались выходцы из Сен-Мало (малуинцы), назвавшие острова Малуинскими. После потери Канады это было жалкой компенсацией. Однако Малуинский архипелаг занимал важное стратегическое положение.

В 1773 году умер Жан-Пьер. К тому времени проект уже был принят, и Луи-Антуан в звании капитана первого ранга отправился на Малуин-

ские острова, чтобы объявить их владением Франции. Но, увы, когда после завершения своей миссии Бугенвиль вернулся обратно, он узнал, что «его» острова были уступлены Испании и ему самому поручалось выполнить все формальности по их передаче.

В то время военным и одновременно морским министром был герцог Шуазель. Бугенвиль отправился к нему на прием.

— Господин министр, новая миссия, которую на меня возложили от имени короля, не слишком приятна. Разумеется, я ее выполню, но ведь всему миру известно, что мы уже потеряли Канаду, Луизиану, Гвиану и теперь вот теряем Малуинские острова. Чтобы несколько стусевать наши неудачи, мне кажется, нам необходим подвиг. Какое-нибудь значительное деяние.

— Какое же? — спросил министр.

— Кругосветное путешествие. Плавание вокруг земного шара с открытием новых земель. Я предлагаю идти к Малуинским островам и обратно вернуться через Тихий океан, как было задумано Магелланом.

Шуазель дает свое согласие, король также одобряет этот план. К тому времени путешествие вокруг света совершили двенадцать мореплавателей. Бугенвиль должен был стать тринадцатым и первым среди французов. Для своего плавания он получил два корабля — фрегат «Сердитый» и транспортное судно «Звезда». Маршрут и цели путешествия вплоть до нового приказа должны были оставаться государственной тайной.

Снаряжение научной экспедиции отчасти объяснялось также и тем, что в то время, в конце XVIII века, все еще оставалась вера в существование если не обширного Южного континента, который питал мечты географов и мореплавателей XVI века, то по крайней мере многочисленных «южных земель». Бугенвиль должен был от имени короля вступить во владение всеми землями, какие удастся открыть. Кроме того, ему поручалось собирать по пути все политические и военные сведения об английских, испанских и голландских поселениях, разбросанных на островах южных морей, и, наконец, — что было, может, самым важным — попытаться достать на Молуккских островах, несомненно оберегавшихся Голландией, «семена и драгоценные саженцы деревьев, дающих пряности». Высаженные на Иль-де-Франс (остров Маврикий), где климат примерно такой же, как и на Молуккских островах, эти растения могли бы хорошо прижиться, что будет, конечно, прибыльно для французской казны.

В плавании Бугенвиля принимали участие Пьер-Антуан Верон, королевский астроном, и Филибер Коммерсон, королевский медик, естествоиспытатель и ботаник. Медик-консультант его величества Пуассоньер потребовал, чтобы на судно вместе с ним доставили изобретенную им машину для опреснения морской воды, названную перегонным кубом. Этот аппарат очень заинтересовал философов, и Вольтер признавался в письме к Даламберу: «Неужели я могу

умереть, так и не узнав в точности, опреснил Пуассоньер морскую воду или нет? Это было бы слишком жестоко!»

Забота о здоровье экипажа возлагалась на рядового хирурга морского флота Луи-Клода Лапорта и его помощника Виве. Людовик XV разрешил принять участие в плавании в качестве иностранного добровольца молодому принцу д'Оранж-Нассау-Зигену. 5 декабря 1766 года из Бреста на борту фрегата «Сердитый» (длина 38 метров, вместимость 360 тонн) в общей сложности отправилось 216 человек. Транспортное судно «Звезда» под командованием Шенара де ла Жироде, еще полностью не оснащенное, должно было прийти к Мальвинским островам с экипажем в 116 человек и дополнительным грузом продовольствия. Прибыло оно туда только 20 июня 1767 года, после передачи архипелага испанцам (в скором времени он еще раз перейдет в другие руки, и англичане назовут его Фолклендскими островами). Теперь можно было отправляться дальше.

1 декабря 1767 года «Сердитый» и «Звезда» вошли в узкий лабиринт, называвшийся уже к тому времени проливом Магеллана. В Тихий океан корабли вышли лишь 25 января. Несколько раздосадованный Бугенвиль отметил для памяти, что два с половиной века назад Магеллан прошел этот путь за месяц и пять дней. Он постарался также опровергнуть укоренившуюся легенду о гигантском росте патагонцев.

«Это люди хорошего роста, но самые крупные из тех, кого мы видели, не превышали 5 футов 9 дюймов (около 1,76 метра)».

Уравновешенность командира, его доброта и оптимизм в значительной мере помогли всем членам экипажа выносить невзгоды и лишения во время трудного плавания через пролив. Когда они вышли к открытому океану, курс был взят на северо-запад. Погода улучшилась, однако холод и метели пролива не могли пройти даром. Бугенвиль тревожился: «У многих уже две недели болит горло. Объясняют это туманами пролива, и поэтому каждый день в бак с питьевой водой кладут два раскаленных пушечных ядра и льют пинту уксуса».

Пятница, 4 марта 1768 года. Под перегонным кубом развели огонь. Через восемнадцать часов он дал «бочку и ведро воды». С научной точки зрения эксперимент был убедительным, но полученная пресная вода оказалась очень скверной на вкус. Кроме того, из-за отсутствия свежих продуктов можно было опасаться, что в скором времени обнаружится цинга.

15 марта на «Звезде» заметили четыре островка, оказавшихся на самом деле верхушками одного атолла. Потом увидели остров покрупнее. Песок на его пляжах был ослепительно белый, а бегавшие там с копиями туземцы на удивление черные. Вокруг острова пенились буруны, поэтому пристать к нему не рискнули, несмотря на приветливый вид кокосовых пальм. Назвали его островом Копьеносцев (Аки-Аки). Такими же малодоступными оказались еще десять островов. На своей карте Бугенвиль подписал: Опасный архипелаг.

В субботу 2 апреля появилась новая земля. Берега ее казались «очень обрывистыми и совсем безопасными».

— На корабле тридцать человек больны цингой,—сказал хирург Виве.—Если бы можно было пристать к берегу и взять свежей пищи! Стали лавировать у самого берега. «Больше сотни пирог окружили

В книге «Плавания вокруг света на фрегате «Сердитый» и транспорте «Звезда» Бугенвиль подробно описал жителей разных островов Тихого океана

корабли,—читаем мы в дневнике Бугенвиля.—На каждой из них ветки пальмы, символизирующие мир. Какой-то человек с необыкновенной шевелюрой стоящих дыбом длинных волос преподнес нам маленького поросенка вместе с кокосовыми орехами и бананами. Взамен островитяне получили всякие безделушки. На борт корабля никто из них подняться не захотел».

Зато на «Звезде» все было иначе. Поднявшийся на ее борт туземец, назвавший себя Аутуру, не хотел даже спускаться обратно. Вот как описывает его Луи Коро: «На нем было три или четыре куска белой хлопчатобумажной ткани с вырезом для головы. Оказавшись в нашем обществе, этот человек, видимо, ничуть не удивился». Французские моряки тогда еще не знали, что не они были первыми европейцами, приставшими к этому острову. За год до них там побывал английский капитан Уоллис и несколько сурово обошелся с туземцами. Пренебре-

гая местным названием О Таити, он написал на секретных английских картах: «остров Георга III».

Отыскивали хорошую стоянку, отдали якоря. И сразу около них появились пироги с очаровательными, почти обнаженными девушками. Сопровождавшие их мужчины предложили морякам выбрать себе подругу. Восторг французов был беспредельным. «Но королевский указ,— замечает Бугенвиль,— не позволял морякам принять это любезное предложение. Кое-как нам все-таки удалось удержать наших очарованных моряков. Не так-то легко было удержаться самому».

Один из моряков сумел, однако, ударить с корабля.

Это был кок. Бугенвиль записал в своем дневнике все, что тот рассказал по возвращении: «Не успел он ступить на берег с выбранной им красоткой, как его окружила толпа индейцев. В один миг его раздели догола. Тысячу раз считал он себя погибшим, не зная, чем кончатся возгласы этих людей, в возбуждении разглядывавших его тело. Осмотрев его со всех сторон, они вернули ему одежду, записали в карманы все, что оттуда вынули, и велели девушке приблизиться к нему и ответить на все его желания. Но это было бесполезно. Островитянам пришлось снова доставить на корабль бедного кока, который заявил мне, что, как бы я его ни ругал, я не нагоню на него столько страха, сколько он натерпелся на острове». Наказывать кока не стали.

История эта вызвала одинаковый отклик на обоих судах: жаль, что у туземцев останется неверное представление о французах! Экипаж дал себе слово при первой же возможности рассеять это недоразумение. Судя по разговорам, стоянка обещала быть идиллической, и поэтому Бугенвиль присвоил острову, который у туземцев назывался О Таити, французское наименование: Новая Кифера².

Записи в дневниках, которые велись тогда на «Сердитом» и «Звезде», занимают столько страниц и полны такого восторга, что просто не верится, что пребывание там длилось всего лишь десять дней. Ученый Коммерсон оказался настоящим поэтом:

«Рожденные под самым прекрасным небом, вскормленные плодами не требующей обработки плодородной земли, живущие скорее под властью отца семьи, чем короля, туземцы острова не знают иных богов, кроме Амура. Ему посвящают все дни, весь остров его храм, каждая женщина на нем — алтарь, каждый мужчина — жрец. И что это за женщины, спросите меня! По красоте соперницы грузинок и сестры Граций в обнаженном виде».

Принц Нассау, человек менее лиричный, писал: «И мужчины и женщины окрашивают ягодицы в голубой цвет, так что краска не стирается и не выглядит противно...»

Вскоре обнаружилось, что туземцы приносят жертвы и Гермесу, покровителю воров. С кораблей, из построенных на берегу сараев, из карманов французов стали исчезать разнообразные предметы. Галантные разговоры моряков и офицеров создавали самую благоприятную

обстановку для ловких воришек. Приходилось принимать кое-какие меры и пускать иногда в ход палку, что омрачало всеобщую атмосферу блаженства. Как-то ограбленные матросы захотели взять себе нескольких поросят, владельцы их воспротивились этому, и в результате — двое убитых туземцев. Бросив свои хижины, население

Дынное дерево, или папайя, — предмет особого ухода жителей тропических островов Тихого океана. Сок папайи по составу близок к желудочному соку человеческого организма. Благодаря этому жители тропиков редко страдают желудочными заболеваниями

пряталось в горах. Бугенвиль, опасаясь злопамятства, решил строго наказать виновных.

Оба матроса были привязаны к столбам, и взвод, назначенный для их расстрела, заряжал ружья. И вот тогда со всех сторон стали сбегаться туземцы, со слезами на глазах умоляя пощадить убийц. Бугенвиль выслушал их и в знак примирения велел раздать всем подарки: металлические орудия для мужчин, яркие ткани для женщин. Он велел также посеять на Новой Кифере пшеницу, ячмень, развести огородную зелень, лук, а королю подарить индюков и индюшек, уток и селезней, потомство которых существует на Таити до сих пор. Гербарий натуралиста Коммерсона пополнялся экзотическими растени-

ями и цветами. Собирать гербарий ему приходилось теперь одному, так как его слугу Баре беспрерывно осаждали таитянки. Никто не мог понять, чем их так привлекал этот маленький человек без особого обаяния, тогда как среди французских моряков недостатка в красивых мужчинах не было.

Когда Бугенвиль решил, что пора плыть дальше, он распорядился вынести на берег дубовую доску с вырезанной на ней надписью. Это была копия акта о вступлении во владение Новой Киферой.

15 апреля был дан приказ об отплытии. Как только корабли стали выбирать якоря, в море вышли пироги, переполненные плачущими туземцами, и мужчинами и женщинами. Сам король вышел попрощаться с моряками. В знак восстановленного доверия он просил Бугенвиля взять с собой его племянника. Это оказался не кто иной, как Аутуру, первый гость на борту «Звезды». Командир согласился оказать покровительство такому почетному пассажиру и в скором времени привезти его обратно.

В первые дни плавания все только и думали о Таити, с грустью вспоминая этот счастливый остров. Однако мало-помалу из разговоров с Аутуру Бугенвиль выяснил кое-какие подробности, охладившие его восхищение социальным устройством Киферы: только вожди имели право есть мясо; даже дрова, какие они жгли, были из пород деревьев, запрещенных простым людям; смертная казнь полагалась иногда за самые незначительные проступки. Еще одно, более тяжкое разочарование ждало главу экспедиции. Заняться постоянно о здоровье ближних, Бугенвиль старался во время пребывания на острове не выпускать с корабля матросов с определенными признаками венерических болезней, чтобы не заразить чистых от «грязи цивилизации» туземцев. И вот пришлось убедиться, что большинство французов, до той поры здоровых, теперь заболели. «Грязь цивилизации» на остров принесли матросы Уоллиса. Однако, несмотря на все, Бугенвиль завершил свой дневник такими словами: «До свидания, счастливый народ. Я всегда буду с радостью вспоминать каждое мгновение, проведенное среди вас, и, пока я жив, я буду прославлять счастливый остров Киферу, эту подлинную Утопию».

Обогнули берега Новой Гвинеи. Открыли другие острова, где их встретили с явной враждебностью и, что особенно приводило Бугенвиля в отчаяние, его людям приходилось порой прибегать к оружию. Однако это не было достаточной помехой для того, чтобы официально объявить неизвестные земли французским владением. Острова получили названия: Дюкло, Боннаан, Орезон, Бушаж, Сюзанне, Керуэ. Это были имена офицеров, составлявших штаб Бугенвиля. Такое удовлетворение самолюбий помогло в какой-то мере выносить трудности и вонючую воду из перегонного куба. Повседневный рацион сдабривала иногда пойманная в море рыба. Еще одно происшествие послужило развлечением для экипажа. Однажды, когда шлюпка со «Звезды» доставила на борт «Сердитого»

Ла-Жироде, прибывшего для обычного доклада, Бугенвиль заметил, что у его подчиненного какой-то странный вид. Капитан «Звезды» собирался сообщить очень деликатные сведения. Дело касалось Баре, слуги Коммерсона.

Уже и раньше неуместные ухаживания за ним таитянцев породили кое-какие подозрения. Физическая сила и выносливость слуги, свобода в выражениях придавали ему вполне мужскую внешность, но нежелание раздеваться при других, отсутствие малейших следов растительности на подбородке и даже голос вызывали сомнения. «Высокая грудь,—расскажет позднее Виве,—круглая голова, тихий, мягкий голос, ловкость и легкость движений, свойственные только слабому полу, рисуют портрет девушки довольно некрасивой и плохо сложенной».

Из уважения к хозяину Ла-Жироде закрывал сначала на это глаза, но ропот матросов заставил его сказать Коммерсону, «что не очень хорошо слуге спать в его каюте». Баре оставил каюту своего хозяина и стал спать в гамаке в матросском кубрике. Тогда его соседям захотелось узнать правду. Слуга позвал на помощь, уверяя, что он не женщина, а такой человек, «из которых турецкий султан выбирает сторожей для своего гарема». Бугенвиль улыбался, слушая этот доклад. — Значит, согласно королевскому указу, мне полагается выяснить, обоснованно ли это подозрение.

В ответ на первые вопросы, заданные командиром, слуга, вызванный на фрегат, залился слезами и сделал признание, которое Бугенвиль старательно записал: «Родилась в Бургундии, сирота. Проиграв судебный процесс, осталась в нищете, поэтому решила скрыть свой пол. Садясь на корабль, знала, что он отправляется в кругосветное путешествие, именно это и привлекло ее любопытство».

Однако она с яростью отрицала всякую «преступную связь» со своим хозяином, утверждая, что он до сих пор считает ее мальчишкой. Последнему заявлению никто не поверил, и командир, все еще с улыбкой, но решительно определил совершенно смутившемуся ученому наказание: «месяц ареста за нарушение правил морской службы», не позволявших брать на корабль женщин. Впоследствии, когда Филибер Коммерсон решил провести год или два на острове Маврикий, служанка осталась с ним. После смерти хозяина (1773 год) Баре становится Жанной и выходит замуж за одного из колонистов.

А пока этот остров, где намечена стоянка, рисуется лишь неясной мечтой в воображении изголодавшихся людей. «Мы уже давно сидим на той же пище, что и весь экипаж»,—записал Бугенвиль в середине мая. Это были бобы, прогорклое свиное сало и небольшое количество солонины. Через две недели Бугенвиль запишет: «На обед мы ели крыс, и они показались нам очень вкусными!»

Чтобы разнообразить меню, повара стали готовить рагу из «куэро». Это были мешки из коровьих шкур, в которых держали муку. Их вымачивали в воде из перегонного куба, долго варили на медленном

огне, потом очищали от волос. Куэро считалось «гораздо хуже на вкус, чем крысы». 15 июня Бугенвиль с грустью замечает: «У нас осталась бедная козочка, верный спутник наших приключений от самых Малуинских островов, где я ее взял. Зовут ее Амалте. Каждый день она давала нам немного молока. Голодные желудки жаждали ее смерти. Я мог лишь печалиться о ней, а мясник обливал слезами эту жертву, принесенную нашему голоду». Двух собак, последних оставшихся на корабле животных, кроме крыс, тоже в свою очередь съели. Попадавшаяся изредка рыба не утоляла голода и не приносила облегчения больным цингой, которых становилось все больше. Проплыли среди островов Ниниго, миновали берега Новой Гвинеи, издали назвали Новой Бретанью архипелаг, который на следующий год Кук назовет Новыми Гебридами. Добрались наконец до Молуккских островов, прославленной колыбели пряностей. Но пряности занимали в то время Бугенвиля куда меньше, чем угрожающее состояние его команды. Нужно было поскорее заходить в порт, но не очень ли это рискованно? Последние известия из Европы были получены около двух лет назад. Какие же теперь отношения у Голландии с Францией? Воюют они или нет? Известно во всяком случае, что с 1713 года, со времени заключения Утрехтского мира, Ост-Индская компания запретила иностранным судам заходить на Молуккские острова, опасаясь, как бы они не увезли оттуда пряности или семена пряностей.

Бугенвиль рискнул зайти в порт Буру. После осмотра кораблей, показавшего, что пряностей на них нет, резидент, человек добрый, разрешил сделать стоянку. В честь такого отступления от правил был устроен торжественный ужин для французских офицеров и голландских знатных лиц.

Пока моряки его оживали и крепили, он сумел собрать точные сведения о географии. 6 сентября 1768 года на корабли погрузили скот и другое «подкрепление» (оленьё мясо, птицу, масло, кокосы, бананы, папелъ-мусы³, лимоны), выданное в обмен на звонкую монету резидентом порта, и Бугенвиль направился в Батавию, куда прибыл через три недели. Никто из французов еще не бывал в тех краях. Бугенвиль и его офицеры нанесли на карты острова, рифы и течения, которые ревностно держались в тайне голландцами. «Каждый обыватель,— писал принц Нассау,— поселившийся на Молуккских островах, дает присягу никогда ни в чем не действовать против интересов Компании (Ост-Индской). Недавно какой-то человек из Батавии был высечен, заклемен и отправлен рабом на маленький остров за то, что продал карту Молуккских островов англичанину».

Резидентом Батавии был некто Ван ден Пара. Он согласился выдать французам необходимое продовольствие и поместить больных в госпиталь Компании. Двухнедельная стоянка возвратила больным цингой вкус к жизни. Здоровым морякам Батавия очень понравилась, а ее обитательницы еще больше. 10 октября, когда корабли вышли в море, на борту обнаружилось шесть тайных пассажиров. Все они

были французского происхождения и бросили свою службу в Ост-Индской компании, чтобы вернуться на родину. Они рассказали Бугенвилю о своей жизни, сообщили точные сведения о местной администрации и тайнах торговли пряностями. Командир велел включить их в состав команды судов.

7 ноября на горизонте показался остров Маврикий. В семь часов вечера Бугенвиль пушечным выстрелом попросил помощи местного лоцмана. Посланный человек прибыл на фрегат в полночь. Через три часа он посадил его на мель в заливе Томбо. Отстранив незадачливого моряка, Бугенвиль снял корабль с мели. Все больные были отправлены в госпиталь в Порт-Луи. Специалисты заделали течь в корпусе «Звезды», починили стеньгу на «Сердитом», сломанную во время бури.

Управление островом осуществляли два человека: губернатор Дюма, генерал королевской армии, которого Бугенвиль знал с давних пор, и управляющий Пуавр. Оба ненавидели друг друга, каждый укорял другого за беспорядки, деспотизм, растраты, каждый прилагал все силы, чтобы из Парижа отзывали его противника. Прежде всего Бугенвиль попытался примирить их, но из этого ничего не вышло. Тогда все решили поделить свое время между двумя соперниками, приняв сначала приглашение Дюма в его имение Приют, совершенно райское место, потом поселились в поместье Пуавра, носившем название Монплезир.

Непременным участником всех приемов был Аутуру, «дикарь» с острова Таити. Он уже предвкушал развлечения, какие в будущем ему сулила французская столица. Аутуру покорила всех своих хозяев естественностью манер и простодушными порывами. Приходилось просто удерживать его, так как каждую минуту он готов был броситься в объятия женщин. В то же время какая-то первобытная интуиция позволяла ему угадывать чувства других людей. Он, например, заметил, что один постоянно бывавший в доме управляющего человек влюблен в мадам Пуавр. Эта очень красивая женщина двадцати лет (тогда как ее мужу перевалило за пятьдесят) носила воздушные наряды, явно отдавая предпочтение белому муслину на чехле из розовой тафты. Ее вздыхатель был военный инженер, увлекавшийся ботаникой. Звали его Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер.

Коммерсон нашел в этом молодом человеке интересного для себя собеседника. Однажды морской инженер повел парижского ученого в ту часть парка, где рос какой-то неизвестный кустарник, покрытый цветами в виде шаров. Он сообщил ему, что это привезенное недавно из Китая растение покрывается розовыми или голубыми шарами в зависимости от характера почвы, на которой оно растет. А так как в тот день участие в прогулке принимал принц Нассау, который как раз говорил о своей очень красивой сестре, показав ее миниатюрный портрет, Коммерсону захотелось сделать принцу приятное и посвя-

тить далекой принцессе Гортенз этот китайский цветок, который стал называться гортензией.

Бернарден де Сен-Пьер рассказал Бугенвилю еще одну, очень тронувшую его историю. В 1744 году французский корабль «Сен-Жеран», только что отплывший во Францию, потерпел в виду берегов острова крушение. Два пассажира, Перамон и Лоншан-Монтандр, плыли вместе со своими невестами, и во время крушения ни одна из молодых девушек не согласилась сбросить одежду. Тщетно пытались благородные женихи доплыть до берега. Стыдливые красавицы, опутанные десятком метров мокрых тканей, оказались слишком тяжелой ношей. Все четверо утонули. Трупы Перамона и его невесты были найдены потом на берегу залива. Там их и похоронили. Две другие жертвы погребли на кладбище Пампельмус, рядом с Монплези-ром. Бернарден де Сен-Пьер повел туда Бугенвиля.

— Когда-нибудь,— пообещал он,— я расскажу эту трогательную историю всей Франции!

Спустя двадцать лет, когда в книжных лавках Парижа появилась книга «Поль и Виргиния», Бугенвиль вспомнил кладбище Пампельмус. Роман, показавшийся ему, впрочем, бесцветным, все-таки взволновал его, так как уже семь лет он был женат на Марии Жозефине (именуемой Флорой) Лоншан-Монтандр, родной племяннице несчастного лейтенанта с «Сен-Жерана».

В 1768 году ничто еще не предвещало славы будущего романиста. Если бы очаровательная мадам Пуавр могла ее предвидеть, она, быть может, поступила бы иначе. Напуганная пронизательностью Аутуру, боясь надвигавшегося скандала, мадам Пуавр, послужившая в значительной мере прообразом Виргинии, стала просить мужа не принимать у себя в доме слишком настойчивого влюбленного.

11 декабря приведенный в порядок «Сердитый», не дожидаясь «Звезд», тронулся в путь. Ботаник Коммерсон и астроном Верон согласились остаться на некоторое время в распоряжении Пуавра. Ни тому ни другому не суждено было вернуться во Францию.

Саженцев приностей Бугенвилю раздобыть не удалось. Зато он первым из французов совершил кругосветное плавание и собрал огромное количество сведений в области географии, навигации, торговли и военного дела. За два года и четыре месяца плавания он потерял — случай беспрецедентный — всего лишь семь человек. Его чествовали в Париже, Версале и Лондоне, и он принял предложение короля остаться во флоте с сохранением чина капитана первого ранга.

Таитянцу Аутуру слава Бугенвиля пошла на пользу. Умный, необыкновенно восприимчивый, он быстро усвоил хорошие манеры и сделался душою общества, любимцем красивых женщин. Его даже стали принимать в Версале. Но вдруг всю его веселость как рукой сняло, он даже перестал выходить из дому. Бугенвиль сразу понял причину страданий Аутуру: тоска по родине.

— Ты вернешься домой, даю тебе слово.

Постоянных рейсов на Таити тогда не существовало. Чтобы доставить на родину своего подопечного, Бугенвиль, не задумываясь, зафрахтовал корабль. Судовладелец составил смету: 35 тысяч ливров.

— Ну что ж, согласен,—сказал Бугенвиль.

Именно такую сумму ему был должен владелец литейных заводов, но как раз в то время, когда он рассчитывал получить ее обратно, должник обанкротился. Бугенвиль подсчитал все свои наличные деньги: меньше тысячи ливров. Тогда он написал письмо министру морского флота и просил его отправить Аутуру на родину за счет государства. Вот как заканчивалось письмо: «Если обстоятельства вынудят министра отклонить эти расходы, господин де Бугенвиль осмелится просить о согласии взять сумму в три тысячи ливров вперед из его жалованья, какое он имеет как капитан первого ранга». Иными словами, Бугенвиль предлагал свое жалованье более чем за десять лет. Это всех очень тронуло, и как раз в то время представился удобный случай. Аутуру был вверен капитану, отправлявшемуся на двух кораблях в Океанию с секретным заданием: под предлогом доставки Аутуру на родину этот офицер должен был тайком остановиться на одном из Молуккских островов, отмеченных Бугенвилем, и привезти наконец семена драгоценных пряностей.

Увы, бедный таитянец, избежавший опасности в море, Париже и Версале, заразился в Порт-Луи (остров Маврикий) оспой. Болезнь обнаружилась лишь в то время, когда «Маскарен» был уже на пути к Таити. Пришлось повернуть к мысу Доброй Надежды, где «Маскарен» и сопровождавший его «Маршал де Кастри» были взяты в карантин и где «добрый дикарь» скончался. Тело его опустили в море. В Париже Бугенвиль готовился к экспедиции на Северный полюс, которая так и не состоялась, издавал свою книгу «Кругосветное плавание», имевшую, как известно, успех, отбивался от страстной, но мимолетной любви знаменитых актрис и светских дам, чтобы потом, в пятьдесят два года, вступить в законнейший брак с очень молодой женщиной, которая родит ему трех сыновей. Мало на свете было супружеских пар, которые жили бы в большем согласии, чем они, как в беде, так и в радости. После революции Бугенвиль, выйдя в отставку в чине вице-адмирала, удалился в свое имение Анневиль (департамент Кальвадос), где 4 июля 1794 года был арестован как личность подозрительная. Под арестом он пробыл всего два месяца⁴.

Во времена Директории, а затем Империи о заслугах его не могли не вспомнить, настолько они были очевидны. Наполеон поставил его во главе отдела физики и математики Академии наук. Единственной неприятной заботой была необходимость сменить свой герб, так как орел стал фигурой исключительно императорской. Бугенвиль взял герб своей жены: «золотой шеврон на лазурном поле с тремя тоже золотыми брусочками». Когда 31 августа 1810 года он умер, «в здравом уме и твердой памяти», единственным его богатством были почести, которых он даже не жаждал.

IV

Непоколебимый Джеймс Кук

Во время боев за Квебек Бугенвиль принимал участие в особо опасной операции: буксировке брандеров в гущу кораблей английского флота, стоявшего в заливе Святого Лаврентия¹. Отважный отряд медленно продвигался под непрерывным ружейным огнем, слышались даже пушечные выстрелы. Командовал стрелявшими с борта одного из английских судов морской офицер (младшего состава) по имени Джеймс Кук.

И Бугенвиль, и Джеймс Кук оба были великими путешественниками, несравненными мореплавателями. Но помимо этого общего и исключительного качества у них больше ни в чем не было сходства. И прежде всего в происхождении.

Джеймс Кук родился 27 октября 1728 года в Мартоне, графство Йоркшир, в семье поденщика на ферме. Отец его, всю неделю работавший, не разгибая спины, воскресенье посвящал семье и богу. Джеймс был девятым ребенком в семье. В маленькой школе в Стейте, где поселились его родители, он выучился читать, писать и считать. Когда ему исполнилось тринадцать лет, отец отдал его в услужение торговцу галантереей. Джеймс ненавидел свое занятие. Единственное, что привлекало его в Стейте, была близость этого городка к порту Ньюкасл. Он мог часами смотреть, как черные, мрачные суда бесконечно принимали в свои недра груз каменного угля. Это было для него отрадным зрелищем, потому что в своем воображении он уже видел, как суда рассекают волны Ирландского моря. И вот однажды Джеймс не вернулся домой: он ушел юнгой на одном из таких судов, милых его сердцу.

И с того самого момента начала проявляться его непоколебимая воля: Джеймс сберегал почти весь свой жалкий заработок.

— Зачем тебе это? — спрашивали матросы, мечтавшие лишь о еде и выпивке.

А когда они узнали, что деньги предназначались для книг, то подняли его на смех. Потом матросы стали даже злиться: ведь такой аскетизм и прилежание были укором для них. Чтобы отстоять свою свободу, Джеймсу нередко приходилось пускаться в ход кулаки.

Расставшись с судами для перевозок угля, Кук становится матросом военно-морского флота. Безупречно исполняя эту трудную службу, он продолжает учиться. И так в течение почти пятнадцати лет. Джеймс Кук редко покидал свой корабль даже в дни увольнений на берег. Осмотр других кораблей или арсеналов — вот его развлечения. В тридцать два года Кук получает первую награду за свой труд — нашивки старшины. В какой-нибудь английской деревне старшина военно-морского флота был уже фигурой.

Участвуя в войне в Канаде, Джеймс Кук не довольствовался лишь военными действиями. Однажды он представил своему начальству составленную им карту эстуария реки Святого Лаврентия. А ведь даже среди офицеров хорошие картографы попадались не так часто. Кука перевели на специальное судно, предназначенное для картографической съемки берегов Лабрадора. Через некоторое время, держа в руках удивительно подробную карту острова Ньюфаундленд, капитан первого ранга, возглавлявший картографическую службу английского Адмиралтейства, спросил, кто ее составил.

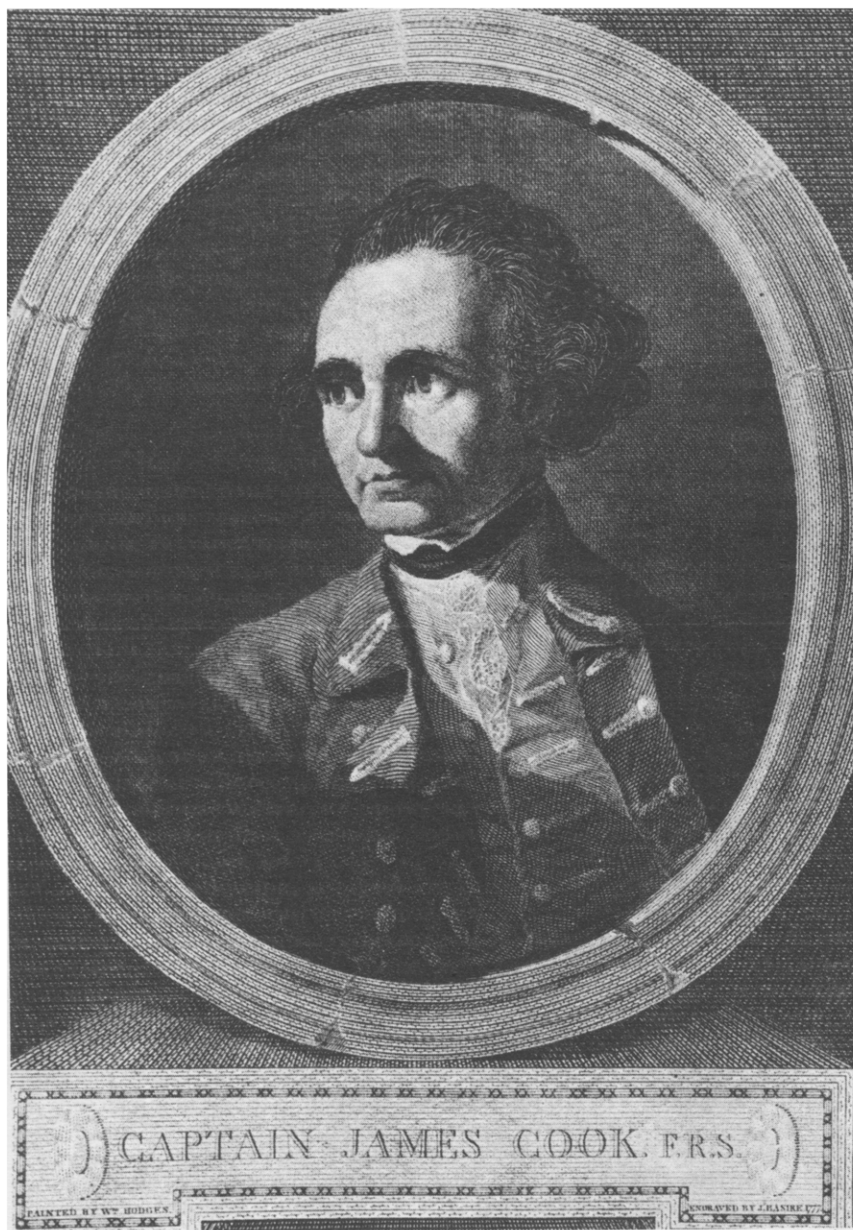
— Один старшина, сэр. Его имя Джеймс Кук.

— Но мне кажется, я знаю это имя...

Имя Кука действительно появилось недавно в солидном научном журнале «Философские труды». Оно было подписано под статьей о солнечном затмении. Великая иерархическая машина морского флота сделала поворот в определенном направлении, и несколько месяцев спустя имя Джеймса Кука исчезло из списка старшинского состава и было вписано в ежегодник, который англичане вели для офицеров военно-морского флота, самых прославленных в мире: лейтенант Джеймс Кук. И отныне вся иерархия от низа до верха и даже министры и короли будут называть сына бывшего батрака *сэр*. Неважно, что это произошло в его жизни только к сорока годам. Железная воля победила.

Как известно, планета Венера, более близкая к Солнцу, чем Земля, проходит перед солнечным диском с очень большими интервалами и сложной периодичностью, так как ее орбита наклонена по отношению к орбите Земли. Такие прохождения наблюдались в 1761, 1769, 1874 и 1882 годах. В XX веке их не было, но в будущем они должны произойти в 2004, 2012, 2117, 2125 годах. В XVIII веке прохождение Венеры через солнечный диск было всемирным астрономическим событием, потому что его наблюдение позволило (с тех пор нашлись и другие способы) вычислить довольно точно расстояние от Земли до Солнца. В определенных пунктах наблюдать это явление было лучше, чем в других, поэтому в 1767 году Королевское научное общество в Лондоне получает ассигнование для экспедиции в южное полушарие.

*Джеймс Кук (1728—1779), сын батрака, достиг благодаря своей неукротимой воле высшей славы.
Англия гордится им как одним из самых знаменитых своих моряков*

Ответственные лица нарисовали некий портрет командира, который, по их мнению, смог бы довести экспедицию до благополучного конца: «Хороший солдат, отличный моряк с задатками ученого, властный и энергичный». Все эти качества требовались в максимальной степени. Один крупный чиновник Адмиралтейства назвал имя Джеймса Кука. Организационная комиссия экспедиции просила просмотреть его личное дело. Исход был благоприятным.

— Однако следовало бы лично познакомиться с этим офицером, — сказал председатель.

Его слегка беспокоило скромное происхождение лейтенанта. Джеймс Кук явился. Уже через несколько минут экзаменаторы поняли, что сын крестьянина, бывший юнга на углевозном судне, приобрел манеры джентльмена. Джентльмен был несколько крутого нрава, но это никого не огорчало, совсем напротив.

В августе 1768 года Джеймс Кук, произведенный в чин капитан-лейтенанта, вышел из Плимута на судне «Эндевор» (что в переводе значит «Попытка»), паруснике грузоподъемностью 400 тонн. Через восемь месяцев, обогнув мыс Горн, экспедиция подошла к острову, которому два года назад другой англичанин, капитан Уоллис, дал название острова Георга III, а через год Бугенвиль переименовал в Новую Киферу.

Туземцы Таити оставались все такими же миролюбивыми, такими же щедрыми на любовь и все так же мало скованными понятием частной собственности. Матросы и офицеры то и дело жаловались Куку на исчезновение самых разнообразных предметов. Участник путешествия натуралист Банкс² удивлялся, куда это могла запропасться его парадная одежда и кое-какое белье. Из туземцев в его каюте побывала одна только королева Оберея. Кук распорядился произвести обыск. Белье и мундир оказались у нее. Их отобрали. Как человек учтивый, Банкс предложил царственной похитительнице взамен куклу. Впоследствии отношения между моряками и островитянами улучшились, когда удалось договориться, что, если кто-нибудь из туземцев пожелает такую-то вещь, он должен сказать об этом и в определенных случаях сможет получить ее в обмен на такой-то местный товар.

Астрономы наблюдали прохождение Венеры через солнечный диск. Художник Паркинсон делал отличные зарисовки животных и растений острова. Ботаник Банкс составлял опись растений с самыми замечательными свойствами, давая им названия по-латыни и по-гречески: растение, соком которого опьянялись островитяне, было названо *Piperinebriana*, листья и корни, предназначенные питать души умерших, принадлежали растению, получившему название *Melostona*, а местная панацея, служившая для лечения всяких ран, превратилась в *Stachys*.

Матросы предавались любовным утехам, как в свое время люди Уоллиса и Бугенвиля. Кук решил примириться с таким положением

вещей, лишь бы не страдала дисциплина. Плеть — та самая девятихвостая кошка, которая издавна ценилась командирами кораблей британского флота, — карала за нарушения правил, ясно сформулированных самим Куком и касавшихся отношений между чужеземцами и островитянами.

Джеймс Кук именем короля Англии объявляет Ботанический залив (восточный берег Австралии) английским владением

Когда астрономы закончили наблюдения, Кук сообщил, что у него есть и другое задание:

— Мы должны исследовать океан дальше к югу. Вопрос о существовании Южного континента пока не решен.

Осенью 1769 года «Эндевор» достиг Новой Зеландии. По утверждению мореплавателей прошлых времен, эта земля как раз и представляла собой выступающий мыс Южного континента.

— Это нетрудно проверить, — сказал Кук.

Он поплыл вдоль берегов Новой Зеландии, составляя точную карту, показавшую, что это был не материк, а два острова. Пролив между ними и теперь носит имя Кука.

В начале 1770 года у восточного берега Новой Голландии (Австралия) «Эндевор» налетел на коралловые рифы. Из-за отсутствия необходимых средств ремонт затянулся на несколько месяцев. Туземцы не проявляли открытой враждебности, но были не слишком приветливы. Их женщины, раскрашенные белыми и красными полосами, не вдохновляли матросов. Гораздо больше команду заинтересовали невиданные в других краях животные с сумкой на брюхе и прыгавшие на своих очень длинных задних ногах. Туземцы называли их кенгуру. Матросам удалось поймать одно животное.

— Эх, отвезти бы его в Англию!

Кук не мог не знать, что о возвращении домой люди говорили все чаще и чаще, и не только одни матросы. Ведь со времени отплытия из Плимута прошло больше двух лет. Научных сведений собрано было уже достаточно, починка корпуса «Эндреора» закончена.

— Хорошо,— сказал Кук.— Не будем больше задерживаться.

Он взял курс на северо-запад, прошел проливом Торреса между Австралией и Новой Гвинеей, сделал остановку на южном берегу этого острова, где туземцы встретили его с явной враждебностью, остановился еще раз в Батавии, пересек Индийский океан, обогнул мыс Доброй Надежды и сделал последнюю стоянку на острове Святой Елены. 11 июня 1771 года «Эндевор» бросил якорь на рейде Дьюнса, близ Дувра³.

В газетах и документах того времени лишь кое-где мелькнул намек на единственную тень, несколько омрачившую этот подвиг. Восемьдесят человек уходило в плавание на «Эндреоре», а вернулось только пятьдесят. Основная причина смерти—цинга. Джеймс Кук получил поздравления Королевского научного общества и чин капитана второго ранга. 21 июня 1771 года его принимал первый лорд Адмиралтейства.

— Не согласились бы вы возглавить новую экспедицию?

Одним из результатов путешествия Кука было уничтожение, можно сказать, знаменитого Южного континента, так и не открытого. Но некоторые ученые считали, что доказательств еще недостаточно и нужно исследовать более южные широты. Вновь произведенному капитану второго ранга предписывалось также, и это было особенно важно, «изучать возможные рынки во всех местах, где он будет плавать, чтобы способствовать развитию английской торговли».

Всего лишь десять дней назад Кук вернулся из плавания, длившегося тридцать четыре месяца, и только что женился. Выслушав внимательно предложение своего важного собеседника, он, не колеблясь, ответил:

— Я согласен, милорд.

Подготовка ко второму плаванию заняла год. В этот раз Кук отправлялся на двух корветах, «Резольюшен» («Решение») и «Адвенчер» («Приключение»). 13 июля 1772 года, когда оба судна, стоявшие

на рейде Плимута, уже подняли якорь и поставили нижние паруса, к ним на веслах подошла лодка.
— В чем дело? — спросил Кук.
— Сэр! — крикнул старшина. — Миссис Кук разрешилась от бремени. У вас родился сын!

Люди, уходившие в это новое плавание, знали, что их ожидает. В своих рассказах моряки с «Эндревора» говорили и об исключительной строгости Кука. Это была не преднамеренная критика, а просто подробные воспоминания. Да и Кук ведь всего лишь старался с точностью придерживаться буквы устава, общего для всего английского флота.

Каждые четыре часа рулевой отбивал склянки, возвещая смену вахты, и вахтенный офицер отправлялся на доклад к командиру.

— Все в порядке, сэр.

Если во время вахты возникал вопрос о дисциплине, Кук всегда принимал решение в абсолютном соответствии с уставом. Двенадцать ударов девятихвостой кошки за малые грехи: воровство, сквернословие, плохое исполнение порученного дела. За попытку дезертировать полагалось минимум две недели карцера с кандалами.

Строгий, даже беспощадный к себе самому, Кук был суров со своими людьми, но даже те, кто приводил примеры его суровости, считали все это нормальным. Нормальным для них было и строгое обращение командира с туземцами. Все моряки, так же как и сам Кук, не могли даже вообразить, чтобы какой-нибудь туземец (или вообще не англичанин) посмел причинить хотя бы малейший вред британским интересам.

Чтобы иметь представление о том, как понимал Кук свои права и обязанности главы экспедиции, интереснее и проще всего привести здесь его описание одного «случая» во время плавания в прибрежных водах Новой Зеландии.

«Убедившись на горьком опыте, что с индейцами, которых мы видели в этом месте, каши не сварить, я решил направиться с судами в глубь залива, чтобы поискать там пресной воды и попробовать захватить врасплох кого-нибудь из жителей, надеясь с помощью подарков и хорошего отношения завоевать их дружбу, а через их посредство установить дружеские связи и с остальными.

Со стороны открытого моря я заметил две пироги, одна шла под парусом, другая на веслах. Я подумал, что это и есть как раз благоприятный случай завладеть индейцами, не причинив им зла. Однако индейцы, плывшие на веслах, тотчас заметили нас и стали грести изо всей силы к ближайшему берегу, как будто хотели скрыться. Другая пирога, та, что под парусом, не разобрав, кто мы такие, шла прямо к нам, но в ту минуту, когда индейцы нас разглядели, они свернули парус и взялись за весла. Поскольку лодка

была уже на расстоянии человеческого голоса, Тупия* крикнул, чтобы они подошли поближе, обещая не причинять им никакого зла, но они больше полагались на свои весла, чем на наши обещания, и продолжали удаляться со всей быстротой, на какую были способны. Тогда я велел выстрелить разок в воздух. При звуке выстрела они сложили весла. Их было семь человек, и все стали раздеваться. Никто из нас не сомневался, что они собираются прыгать в воду, но это было не так. Они сразу решили не убегать, а сражаться и, когда наше судно подошло ближе, начали атаковать его ударами весел, камнями и другим наступательным оружием, какое только было в пирогах, и действовали так энергично, что нам пришлось открыть огонь для обороны!

К сожалению, четверо из них были убиты, остальные, совсем молодые парни, старшему не больше девятнадцати, младшему лет одиннадцать, сразу прыгнули в воду. Старший плыл очень напористо и с поразительной силой и отвагой отбивал все попытки схватить его, но ему все же пришлось уступить численному превосходству, а взять других было уже гораздо легче.

Не могу утаить, что всякая добрая человеческая душа порицает меня за то, что я позволил убить этих несчастных индейцев, я и сам не смог бы не корить себя за такое насилие, если бы взвесил все хладнокровно. Разумеется, они не заслуживали смерти за то, что отказались подняться ко мне на корабль. Однако характер моего задания обязывал меня узнать их страну, а я мог это сделать, только проникнув туда с оружием в руках или при доверии и доброй воле жителей. Конечно, в схватке, которой я совсем не ожидал, мы смогли бы добиться полной победы и не лишая жизни четверых индейцев; но следует учесть, что в подобной ситуации, когда отдан приказ открыть огонь, вы уже не вольны распоряжаться им и умерять его действие».

Искренни ли укоры совести в этой исповеди или просто рассчитаны на публику, решать читателю. Во всяком случае моряки с «Резольюшен» и «Адвенчер», даже те, кто лично пострадал от суровости начальника, признавали, что в конечном итоге строгость его была одним из факторов успеха. Когда после трех лет и восемнадцати дней плавания они вернулись к зеленым берегам Плимута, в экспедиции недосчитывалось всего пять человек, и лишь один из них умер от болезни. Они вновь обогнули мыс Горн и мыс Доброй Надежды, проделав путь в 110 000 километров, четыре раза заходили за 60° южной широты, открыли новые острова.

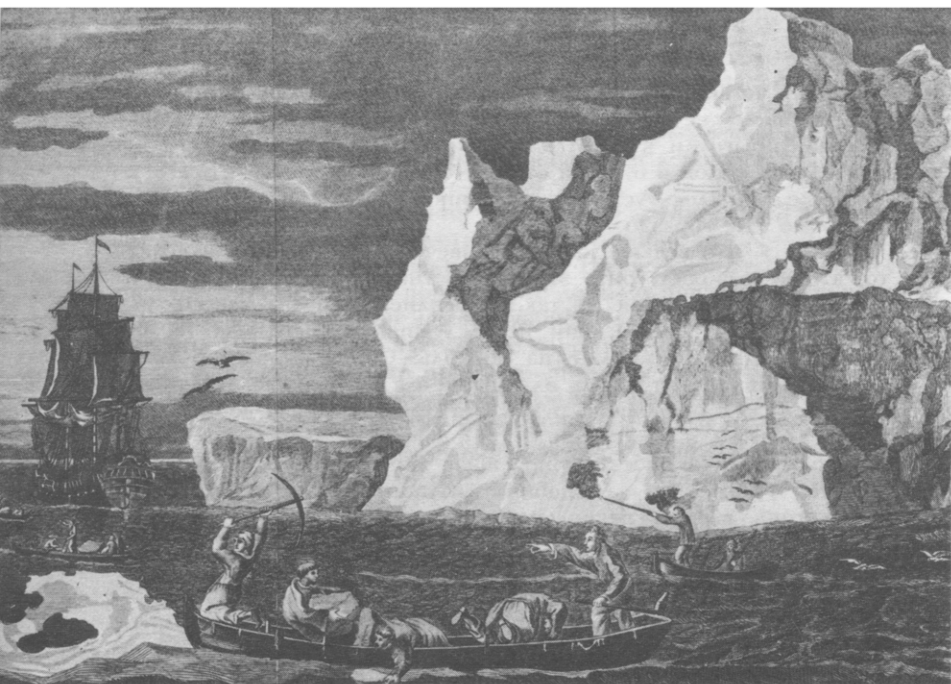
Некоторые картины, запечатлевшиеся в памяти моряков, были фантастичны. Однажды, в конце декабря 1772 года, под 57° южной широты впередсмотрящий закричал:

— Прямо впереди лед!

* Туземец, вывезенный из предшествующего плавания ⁴.

Казалось, что во весь горизонт протянулся высокий белый барьер, а впереди него плавала целая эскадра айсбергов. Туман, скрывавший эти фантастические замки, неожиданно рассеялся, и солнце озарило лед. Синевато-белая цитадель с огромными выемками и трещинами засверкала, словно хрусталь.

Во время своего второго плавания, длившегося три года восемнадцать дней (1772—1775), Кук пересек Южный полярный круг. Вид огромных айсбергов устрасал моряков, но Кук заставил их плавать среди льдов целых пять месяцев

Несмотря на всю красоту этого зрелища, оно вызывало невольный страх. Послышался долгий раскатистый грохот, как от пушечного выстрела. Потом еще 1 еще раз. Это сталкивались и с треском дробились айсберги.

«Перед нами была картина крушения распавшегося мира!» — записал в дневнике натуралист. Моряки, онемевшие сперва от страха, разразились бранью, проклиная льды, словно хотели отыграться на них за свой страх. Понадобился весь авторитет Кука, чтобы заставить их исследовать этот жуткий район и неделями продвигаться вдоль кромки льдов⁵.

Не встретив нигде ни клочка земли, повернули обратно, возвращаясь к тропическим островам, к прелестным женщинам Таити.

Королевское научное общество и Адмиралтейство положительно оценили итог экспедиции. Джеймс Кук открыл архипелаг Тонга, Новую Каледонию, составил подробные карты и частично наметил границы южных льдов. А в высших сферах его отчет о рынках, куда со временем мог бы открыться путь для торговых английских кораблей, вызвал большой интерес.

Миссис Кук вышла встречать своего мужа, ведя за руку трехлетнего мальчика. Теперь сын крестьянина был произведен в капитаны первого ранга и удостоился высокой чести быть избранным в члены Лондонского Королевского общества. В случае если он сочтет свое жалованье недостаточным, его назначали на должность начальника госпиталя в Гринвиче.

Модный в то время художник-портретист изобразил Кука в капитанской форме. Серьезный вид, парик с косичкой и лентой, суровый взгляд, крупный нос, волевой подбородок. Куку было тогда сорок семь лет.

Поиски большого Южного континента теперь уже отпадали, возник другой географический вопрос: существует ли к северу от Америки «Великий проход», иначе говоря, можно ли пройти северным путем из Атлантического океана в Тихий? Началось снаряжение новой экспедиции, и Джеймс Кук сразу вызвался командовать ею.

— Я был бы счастлив еще раз отправиться в плавание на борту «Резольюшен». Люблю этот старый и надежный корабль.

— Вы его получите и вдобавок еще одно судно.

Это был корабль «Дискавери» («Открытие») под командованием Кларка, верного спутника Кука. Маршрут третьего плавания был таким же внушительным, как и первых двух. Если провести пальцем по линии этого маршрута, можно лучше всего понять, что наш земной шар следовало бы называть морским шаром: мыс Доброй Надежды, острова Кергелен, Новая Зеландия, архипелаг Кука, Таити и другие острова Общества, Гавайи; затем путь с юга на север до Верхней Калифорнии; проход через Берингов пролив до 71° северной широты, обследование берегов Аляски и обратный путь на юг до Гавайских островов. Однако здесь следует рассказать о некоторых событиях.

В июле 1777 года «Резольюшен» и «Дискавери» подошли к берегам Таити, благословенного острова, где английские моряки уже побывали пять лет назад. Приняли их очень радушно, тем более что Кук не забыл привезти подарки. Король Оту пригласил офицеров на остров, не предупредив своих гостей, что одним из представлений во время этой экскурсии будет человеческое жертвоприношение. Моряки онемели от ужаса, но так как это был религиозный обряд, Кук, не желая осложнений, решил не вмешиваться.

Матросы, не присутствовавшие на этом зрелище и уже завязавшие

приятное знакомство с таитянками, выслушали приказ об отплытии с кислой миной. На следующей стоянке на островах Общества, где они встретили таких же очаровательных женщин, несколько матросов дезертировали.

— Этого я ни в коем случае не потерплю, — сказал Кук.

Он тут же взял в качестве заложников всех членов семьи местного властителя и потребовал выдачи беглецов. Историки упрекают Джеймса Кука за то «назидательное наказание», какому он подверг матросов: их били плетью, а потом в кандалах посадили в трюм. Но ведь в такой дали от вербовщиков Калифорнии или Китая глава экспедиции рисковал остаться без экипажа.

На 160° западной долготы, почти у самого тропика Рака, показались острова, не отмеченные ни на одной карте. Кук назвал их Сандвичевыми в честь первого лорда Адмиралтейства, вдохновителя экспедиции. Когда оба парусника осторожно вошли в лучезарную бухту, сотни туземцев бросились в пироги с балансирами и поплыли им навстречу. Оружия в их лодках моряки не заметили, но у всех гребцов голова была закрыта чем-то вроде жесткого капюшона с прорезями для глаз и украшенного пучком перьев. Одежды на людях никакой не было, так что эти маски придавали им какой-то жуткий вид. Но уже через несколько минут стало ясно, что островитяне стараются просто показать свою радость. Они сновали вокруг английских кораблей, словно резвые стайки рыб, и громко выкрикивали слова, в которых угадывались добрые приветствия. Сам Кук должен был признать, что еще никогда ему не доводилось видеть более доверчивых туземцев.

Встреченные по-братски, моряки вышли на берег и узнали, что находятся они в бухте Каракауа и что все острова носят название Овайи. Впоследствии это слово превратилось в Гавайи. К морякам подошел старик очень маленького роста и весь покрытый какой-то белой паршой (по всей видимости это был жрец) и попросил, чтобы его непременно провели к командиру. Кук принял его в своей каюте. Прежде чем упасть перед ним ниц, человек набросил ему на плечи кусок красной ткани и протянул молочного поросенка. Как вскоре выяснилось, красная ткань и молочный поросенок были достоянием богов, а одна местная легенда предсказывала появление из-за моря белого бога.

Кук, вероятно, не сравнивал эту легенду с теми преданиями, какие спутники Кортеса узнали в Мексике, где тоже говорится о появлении белого бога на гигантской пироге, приплывшей с востока. Как и прежде, стремясь избежать осложнений, Кук подчинился обожествлявшим его ритуалам и согласился поменяться именами с королем Терриобу. Он отметил, что жители Гавайев прилежны в работе и лучше обрабатывают землю, чем таитяне. Язык их мало отличался от таитянского — свидетельство того, что они были прекрасные мореходы. 2300 морских миль, то есть 4250 километров, отделяют Гавайские

острова от Таити, и, видимо, это расстояние пироги одолевали не раз.

17 февраля 1778 года экспедиция, покинув Гавайи, устремилась к своей более важной географической цели — «Великому проходу». Мореплаватели, уходившие на его поиски из Атлантики, называли этот воображаемый путь Северо-Западным проходом. Кук намеревался открыть его с тихоокеанской стороны.

Корабли прошли Беринговым проливом и достигли 70-й параллели. Кук и его люди были первыми в мире моряками, которые пересекли оба полярных круга, и этот подвиг еще не скоро повторят потом другие. Но перед кораблями оказалось теперь то же самое препятствие, что преградило им путь в южной части Тихого океана в предшествующее плавание: по всему горизонту громоздились сверкающие льды, окруженные страшной эскадрой айсбергов. Матросы не могли вынести этого зрелища.

— Неужели снова плавать месяцами в этом ледяном аду?

Никто не бунтовал, все слишком боялись командира. Однако ропот и брань слышались всюду. Никакая сила не могла бы заставить Джеймса Кука отступить от намеченной цели, но капитан был слишком осмотрительным мореходом и хорошо понимал, что дело идет к зиме и лучше пока отложить попытку. Он отдает приказ повернуть обратно. 26 ноября 1778 года «Резольюшен» и «Дискавери» снова подошли к Гавайским островам.

Принимали их так же сердечно, как и первый раз, устроили даже многолюдные церемонии, где Куку воздавались божественные почести. Через несколько недель атмосфера, однако, изменилась. В конце января 1779 года Терриобу дал понять прибывшему из-за морей богу-капитану, что народ Гавайев желает отъезда экспедиции.

— Белые слишком много едят.

Это наивное заявление могло быть только предлогом. Ведь психология туземцев отнюдь не примитивна, и, возможно, король опасался за собственный престиж, если белый бог пробудет тут слишком долго. Может быть, появилась какая-нибудь оппозиция его двору. А ведь у Кука не было иной цели, кроме продолжения поисков «Великого прохода». Когда он сообщил королю о своих намерениях, отношения вновь стали дружественными, обменялись даже подарками, а 4 февраля 1779 года корабли тронулись в путь.

Время от времени почти на всем пространстве Тихого океана свирепствуют тайфуны. В наши дни радио извещает моряков об их зарождении и возможном пути продвижения, их обозначают определенным названием, чаще всего каким-либо женским именем. В XVIII веке ничего подобного, разумеется, не было, и безымянный тайфун, свирепствовавший с 4 по 7 февраля 1779 года в районе Гавайских островов, неожиданно обрушился на корабли экспедиции Кука, оборвав все паруса. На «Резольюшен» была сломана фок-мачта. Командир отдал единственно приемлемый приказ: вернуться в бухту

Каракауа, откуда корабли недавно вышли.

Берег был пустынным. Ни пироги, ни рыбака, ни единой живой души. Можно было подумать, что тайфун уничтожил всех жителей острова. Нагрузили баркасы, перевезли на берег все необходимое для устройства ремонтной мастерской. Вдали показались туземцы и тут же убежали как бы в суеверном страхе. Так оно и было.

Когда английские суда вышли в море, Терриобу поспешил наложить табу на ту землю, по которой ступал белый бог перед отплытием. Пройти по этому пляжу никто бы не рискнул под страхом смерти. Королевское решение, внушенное, видимо, страхом, было воспринято как положено. Быть может, Терриобу думал таким образом обезопасить себя на случай возвращения соперника.

Увидев, что англичане шагают по священному пляжу, не навлекая на себя гнева богов и не падая замертво, туземцы тоже стали туда заходить. Первые дни отношения были внешне очень дружественные, но потом начали портиться. Из ремонтной мастерской, устроенной на берегу, пропадали инструменты. Иногда вслед матросам, носившим на корабль пресную воду, летели камни. Кук не решался прибегнуть к наказаниям, но, когда в ночь с 13 на 14 февраля с «Дискавери» была похищена шляпка, он в сопровождении двух офицеров и восьми вооруженных матросов отправился к королю:

— Лодку надо вернуть. Я беру вас на свой корабль, и вы пробудете там до тех пор, пока нам не возвратят лодку.

После долгих объяснений Терриобу согласился наконец стать заложником. Когда он дал свое согласие, обезумевшие прислужники — или сообщники — бросились к его ногам, умоляя не покидать их, не идти навстречу неведомой опасности, грозившей ему на борту страшного парусника.

Снова начались переговоры. Желая примирения, Кук не стал брать короля в заложники, а король обещал, что воры будут найдены и лодка возвращена.

Направляясь к баркасу, Кук заметил, что число туземцев на пляже увеличилось. В море готовилась выйти пирога с довольно возбужденными людьми в масках. Капитан собирался сесть в баркас, когда прозвучал выстрел. Какой-то моряк, желая попугать людей в пироге, выстрелил без приказа. Целился ли он намеренно, но один человек был сражен насмерть. Услышав крики и стечения туземцев, Кук понял, что убит их вождь. Поднялась целая буря.

Кук только что поднял ногу, собираясь перешагнуть через борт лодки, когда в спину ему попал камень. Он в ярости оглянулся. Бросивший камень человек, облаченный в боевые доспехи из циновки — жалкая защита против огнестрельного оружия, — еще не опустил руку. Кук мгновенно дал отпор, выстрелив в противника дробью, желая лишь напугать его, а не убить. Все замерли. Человек, в которого целились, не упал, как и было рассчитано. Туземцы, потерявшие веру во всемогущество белого бога, бросились на него.

На этот раз командир выстрелил пулей. Один гаваец упал. Но было уже поздно, возбужденные туземцы даже не заметили этого. Еще один камень, тяжелее первого, угодил Куку в голову. Он потерял равновесие и выронил ружье. Длинные ножи пронзили его тело. Вместо того чтобы прийти командиру на помощь, его обезумевшие спутники бросились к баркасу.

Так повторилась трагедия Мактана, где нашел свою смерть Магеллан. Кларк, ставший главой экспедиции, вступил с Терриобу в переговоры и добился, чтобы жрецы доставили на корабль останки капитана.

Корабли не могли сразу отплыть. Необходимо еще было запастись пресной водой, а туземцы вели себя теперь не только с явной враждебностью, но и с вызовом. Один из них появился на пироге у самого корабля, нацепив на себя шляпу Кука. Это было уже слишком. Кларк высадил на берег отряд вооруженных людей, которые спалили несколько деревень и перебили туземцев. Жестокая расправа дала свои плоды. Одежда и другие вещи Кука были возвращены.

Все, что осталось от знаменитого капитана, было уложено в гроб, и 21 февраля 1779 года корабли тронулись в путь. Погружение состоялось в открытом море с почестями, какие полагались командиру флота в дальних морях. Восемь раз гремели пушечные выстрелы под синим небом тропика Рака, в то время как опускали в море останки человека, который ради него готов был жертвовать всем. Англия надела траур, Европа и Америка выражали искреннее сочувствие⁶.

V

«Нет ли вестей о Лаперузе?»

Жан-Франсуа Гало де Ла Перуз, родившийся близ города Альби в семье земельных собственников и высоких должностных лиц, в пятнадцать лет поступил в гардемарины. Восемнадцати лет, во время первого сражения у Киберона, он попал в плен к англичанам и после войны при обмене военнопленными был освобожден. В 1764 году его произвели в чин лейтенанта, а три года спустя он получил командование транспортным судном «Адур». С 1773 по 1777 год длится его плавание в Ост-Индию, откуда он возвращается в чине капитан-лейтенанта. Командуя фрегатом «Амазонка», Лаперуз захватил английский корвет и каперское судно. В 1780 году, произведенный в капитаны первого ранга, он добавляет к своим трофеям два английских фрегата. Карьера более чем удачная, просто блестящая, завоевала ему уважение адмиралов и даже министра, но еще не привлекла взора более высоких лиц. Королю этот отличный военный моряк станет известен благодаря одному его гуманному поступку.

В 1782 году морским министром был маркиз де Кастри, который никак не мог примириться с потерей Канады, а поскольку Франция продолжала воевать с Англией, Кастри хотел уничтожить некоторые укрепления врага в Гудзоновом заливе.

— Пошлите туда господина де Лаперуза.

Лаперуз отплыл из Франции с тремя кораблями и отлично выполнил поручение. Первым, прежде чем его успели сжечь или разрушить, сдался форт Принц Уэльский. Та же участь постигла и форт Йорк. Введенный в курс событий, Людовик XVI не одобрил инициативы министра. Какую пользу может принести эта операция? Никакой. Зато следует опасаться кровавой расплаты. Король велел Кастри явиться во дворец:

— Сударь,— заявил он ему без обиняков,— какой скверный способ

Жан-Франсуа Лаперуз (1741—1788), доблестный морской офицер. Людовик XVI поручил ему командование кругосветной экспедицией с заданием «снискать дружбу вождей далеких племен». Намеченный маршрут превосходил все, что было сделано прежде. Лаперуз прошел этот путь почти до конца

вести войну, это мне решительно не нравится!

И Людовик XVI приказал дать подробный отчет о событиях. Король узнал, что Лаперуз, проявив большое личное мужество, показал себя затем и очень гуманным человеком. Он хорошо обращался с английскими пленными, а вернув им свободу, снабдил продовольствием и даже оружием, чтобы они могли эвакуироваться, не опасаясь нападения индейцев. В секретных бумагах Харна, коменданта второго форта, Лаперуз нашел описание плавания вдоль северного побережья Америки. Там были карты, планы и совершенно новые сведения. Победитель не забрал эти документы, а вернул автору, взяв с него слово опубликовать их по возвращении в Лондон. Эта подробность настолько понравилась королю, что, задумав после заключения Версальского мира снарядить научную морскую экспедицию, он хотел, чтобы командовал ею непременно Лаперуз.

Предписания, данные им капитану, были ясны и подробны. Франции необходимо было «развивать отечественную торговлю и расширять морские плавания французов». Лаперузу вменялось в обязанность завоевать расположение вождей далеких племен как хорошим отношением, так и подарками, определить, какие товары из Европы могут им больше всего понравиться и что они предложат в обмен. Король собственноручно начертил заключительные слова: «При любых обстоятельствах господин де Лаперуз будет обращаться к разным народам, какие он посетит во время своего плавания, с большой мягкостью и человечностью. Если бы экспедиция смогла закончиться, не потеряв ни одного человека, его величество восприняло бы это как одну из самых больших ее удач».

Маршрут кругосветного плавания, предписанный Лаперузу, превосходил все, что было известно до той поры: из Бреста идти к Канарским островам, обогнуть мыс Горн, сделать остановку на острове Пасхи, затем на Сандвичевых островах, идти вдоль американского берега на север, снова спуститься к югу; от американского побережья направиться в Японию и достичь Китая; вдоль азиатского берега идти на север, потом снова повернуть к югу и плыть до Новой Голландии (Австралии); вернуться во Францию через Молуккские острова, Иль-де-Франс (остров Маврикий) и мыс Доброй Надежды. Людовик XVI думал проявить щедрость, назначая для завершения кругосветного плавания четыре года. Удивительно, что Лаперуз почти уложился в эти сроки.

1 августа 1785 года он вышел из Бреста с двумя фрегатами — «Буссоль», которым командовал он лично, и «Астролябия». Этот корабль вел капитан Флеро де Лангль. Всего в экспедиции было 242 человека, 17 из них ученые и художники. Чтобы не оставлять короля в неведении, была разработана программа доставки вестей.

Уже в октябре с Канарских островов вернулся математик Гаспар Монж, плывший только до Тенерифа, и привез отчеты о наблюдениях Ламанона и Ламартиньера.

В феврале 1787 года в Версаль прибыла важная корреспонденция, отправленная из Монтерей (в испанской Калифорнии) и содержащая несколько писем. В первом письме Лаперуз приносил королю Франции извинения за небольшую задержку почты. «За четырнадцать месяцев мы обогнули мыс Горн, проплыли вдоль всего американского

Пироги с туземцами с островов Адмиралтейства. Такими их увидели участники экспедиции Лаперуза, среди которых было немало художников

берега до горы Сент-Эли; исследовали этот берег с большой тщательностью и 15 сентября прибыли в Монтерей. Мы устраивали стоянки на разных островах Южного моря и прошли по параллели Сандвичевых островов пятьсот лье с востока на запад. Я простоял сутки на острове Мауи и прошел новым проходом, который англичане не смогли обследовать».

В менее официальных посланиях, прибывших с той же почтой, подробности были красочнее. Когда «Астролябия» и «Буссоль» вышли из Магелланова пролива, сообщалось там, их встретило целое стадо китов, этих властелинов моря, «хором выпускавших фонтаны». Стоянка в заливе Консепсьон, в Чили, была предлогом для описания совершенно очаровательных, как уверяли корреспонденты, чилий-

ских дам. 8 апреля подошли к острову Пасхи. Мужчины там ходили обнаженными, женщины были лишь слегка прикрыты. Удивительно, что гигантские статуи не возбудили у французов большого любопытства: «Это не идолы, а скорее могильные памятники». Никого не заинтересовало, как перевозились и возводились эти тяжелые глыбы.

В XVIII и XIX веках многие европейские и американские мореплаватели жестоко обходились с жителями острова Пасхи. А Лаперуз, напротив, оставил по себе воспоминание как о человеке хорошем и добром

Отношения с туземцами сложились превосходные, главным образом благодаря тому, что Лаперуз не допускал никаких наказаний за воровство. Напротив, при отъезде французы оставили на острове коз, овец, свиней и посеяли на вулканической почве семена апельсинов, лимонов, моркови, кукурузы, капусты и хлопка. Как уже говорилось, эти добрые дела не были потом забыты.

Остров Мауи был одним из Сандвичевых островов, на котором бедный Кук не успел побывать. Следуя в точности наказам короля, Лаперуз постарался составить акт о владении этой землей. «Никогда на ней не было европейцев, но она орошена потом населяющих ее людей и служит могилой их предкам».

Сообщение заканчивается на оптимистической ноте, чтобы порадовать Людовика XVI: «До сего времени не пролито ни капли туземной крови, на «Буссоли» нет ни одного больного. Погиб только слуга на «Астролябии». К сожалению, в той же важной почте было еще одно письмо, написанное позднее и совсем не такое утешительное.

«Буссоль» и «Астролябия» вошли в естественную, еще не исследованную гавань в южной части Аляски. «Представьте себе водный бассейн,— писал Лаперуз,— такой глубины, что ее нельзя измерить в середине, окруженный очень высокими крутыми горами, покрытыми снегом. Я ни разу не видел, чтобы хоть единый порыв ветерка рябил поверхность этих вод. Волновалась она только от падения огромных кусков льда, которые, обрушиваясь, производят шум, разносящийся далеко по горам». В середине бухты зеленые, покрытые лесом острова. В знак гостеприимства туземцы размахивают кусками белого меха. «Мы уже считали себя самыми счастливыми из мореплавателей, но в это время нас поджидала большая беда, которой нельзя было предвидеть».

Двухмачтовая парусная лодка с «Астролябии» и шлюпка поменьше с «Буссоли» получили задание определить глубину бухты. Проплывая между островами, тридцать моряков высадились на одном из них, чтобы поохотиться. «Столько же ради удовольствия, как и ради пользы». И вот шлюпка вернулась одна, а ее командир рассказал о случившемся несчастье. Вынесенная из прохода приливной волной, «катившейся со скоростью трех или четырех миль в час», двухмачтовая лодка была выброшена на подводные скалы и разбилась. Двадцать один человек, в том числе шесть офицеров, погибли. Все они были молодые люди, самому старшему из них всего тридцать три года. «Не постыжусь признаться,— писал Лаперуз,— что с тех пор, как это случилось, мои сожаления сто раз сопровождались слезами». Бухту называли Гаванью Французов (теперь залив Литуйя), а на срединном острове возвели памятник с такой надписью:

*У входа в гавань
погиб двадцать один отважный моряк
кто бы вы ни были
пролейте с нами слезы.*

На пути в Монтерей Лаперуз, подавив свою скорбь, составил для министра обстоятельную записку о торговле пушниной. На крайнем севере Америки моряки Кука находили шкурки выдры, котика и другую пушнину, которую местные жители отдавали почти даром, за дешевые безделушки. Меха были проданы потом в Китае по очень дорогой цене. Людовик XVI полагал, что и французы могли бы заняться подобной коммерцией.

В конце августа 1787 года в Версаль поступили новые вести от Лаперуза. Почта была передана в Макао на один французский корабль 3 января. Личная корреспонденция, лежавшая отдельно,

содержала дневник плавания до самой стоянки в Макао и карту северо-западного побережья Америки, которая была, как писал командир, «несомненно самой точной из всех, какие составлялись до сих пор». Лаперуз сообщал об открытии островов Неккер и Ла-Басс, о заходе «на один из островов к северу от Марианских, откуда направился в Китай». В первых числах августа он рассчитывал быть на Камчатке, от нее идти к Алеутским островам, а потом плыть, «не теряя ни минуты», в южное полушарие.

В октябре 1787 года фрегат «Проворный», прибывший из Манилы, доставил новую почту. Из этих писем стало известно мнение Лаперуза о китайском правительстве, «самом несправедливом, самом притесняющем и подлом на свете». В Маниле, на Филиппинских островах, еще одно обстоятельство вызвало негодование великого путешественника: «Беда грозит уничтожить остатки благополучия — налог на табак!»

Минет целый год, прежде чем придет сообщение о том, что Лаперуз лишь немного ошибся в намеченных сроках и что в сентябре он был на Камчатке. Почту на этот раз доставил Лессепс, вице-консул в России. Везли ее через Сибирь на собачьих упряжках, на телеге и даже на спине верблюда.

К географическим сводкам путевых заметок были приложены секретные сведения, одно из которых касалось Формозы: «Остров Формоза* имеет очень важное значение, и та страна, которая им завладеет, сможет с помощью угрозы добиться от Китая всего, что пожелает».

7 сентября 1787 года в Авачинской бухте, в Петропавловске, «Буссоль» была встречена выстрелами из пушек. Это был салют и приветствие Лаперузу. Комендант русской крепости получил из Версаля, сухопутным транспортом, депеши, предназначенные французскому капитану. Там было и сообщение о присвоении ему звания командира эскадры, подписанное 2 ноября 1786 года.

Теперь стало известно, что оба фрегата ушли в южное полушарие. Вестей от них не ожидалось до самой остановки на Иль-де-Франс, намеченной на декабрь 1788 года. Людовик XVI был удивлен, получив 5 июня 1789 года почту из Новой Голландии (Австралии), отправленную английским капитаном, заходившим в Ботанический залив. 26 января 1788 года туда прибыл Лаперуз после задержавшего его в пути трагического происшествия, о котором он давал подробный отчет.

Еще раз переплыв почти весь Тихий океан, корабли подошли в начале декабря к архипелагу Мореплавателей и сделали стоянку на острове Мауна. Появились туземцы, опоясанные водорослями наподобие мифологических морских богов. Красивые женщины ходили обнаженные. Поведение островитян не было воинственным. Моряки смогли получить кокосы, гуаяву, бананы, кур и свиней. Лаперузу эта краткая

* Остров Тайвань.— *Прим. отв. ред.*

стоянка показалась идиллической, мастерство местных жителей привело его в восторг: «Я был удивлен до крайности, когда увидел там большую плетеную постройку. Лучший архитектор не мог бы дать более изящного изгиба краям эллипса, завершающего эту хижину». Перед отплытием Флерио де Лангль вышел на берег присмотреть за нарядом матросов, запасавших пресную воду, и прихватил с собой разные мелкие подарки, чтобы оставить у туземцев хорошее воспоминание о французах. Островитяне устроили из-за них драку, самые сильные и решительные захватили почти все. Те, кому ничего не досталось, винили за это не своих соседей, а дарителей. Они начали бросать камни, что было очень опасно. Флерио де Лангль мог бы дать команду открыть огонь, но, помня наставления короля, предпочел отдать приказ вернуться на корабль. В него попал камень, и он пошатнулся. По прошествии девяти лет вновь разыгрывалась сцена смерти Кука. Когда сопровождавшие его моряки хотели защитить капитана, их намокшие ружья оказались бесполезными. Двенадцать человек, в том числе и Флерио де Лангль, были убиты.

За два с половиной года экспедиция, которой Людовик XVI желал такого мирного плавания, потеряла тридцать четыре человека. Английский капитан сообщил, что «Буссоль» и «Астролябия» покинули Ботанический залив 10 марта 1788 года, за четыре месяца до его собственного отплытия.

— Подождем следующей почты,—с грустью сказал король.

Вестей от Лаперуза так и не дождался. Их не было.

События, потрясшие Францию¹, объясняют, почему так поздно начались поиски Лаперуза. А предприняты они были по инициативе Парижского общества естествоиспытателей, обратившегося к Национальному собранию, которое признало—в феврале 1791 года—«необходимость спасения Лаперуза и его моряков». Только спустя еще семь месяцев из Бреста отплыли два корвета под командованием контр-адмирала д'Антраксто. Прошло уже три с половиной года с тех пор, как «Буссоль» и «Астролябия» покинули Ботанический залив.

Никому не хотелось верить в смерть Лаперуза и его спутников. Может быть, для собственного успокоения предпочитали думать о них как о пропавших без вести, заброшенных на какой-нибудь далекий остров. Командир эскадры продолжал числиться в ведомостях морского флота, и мадам де Лаперуз продолжала аккуратно получать жалование своего мужа.

В то время как д'Антраксто готовился к экспедиции, переименовав «Форель» в «Поиск», а свою «Дюранс» в «Надежду»—эти названия больше отвечали целям его плавания,—он получил ценные для себя известия. Английский капитан Джордж Оуэн, вернувшийся из Бомбея, узнал там, что к северу от Новой Гвинеи, в архипелаге Адмиралтейства, обнаружены обломки какого-то французского корабля. Д'Антраксто решил направиться туда.

На стоянке у мыса Доброй Надежды еще одно известие придало ему

уверенности: другой англичанин, капитан Хантер, уверял, что как раз на одном из островов Адмиралтейства видел людей в форме французских моряков, подававших ему сигналы. Сильное волнение помешало подойти к берегу. Добросовестный д'Антркасто делал остановки всюду, где только рассчитывал обнаружить следы случайного пребывания «Буссоли» и «Астролябии», но ничего не нашел.

Майской ночью 1793 года вахтенный матрос заметил остров по левому борту. При свете звезд видна была пена разбивавшихся о подводные скалы волн. Антркасто, уже заболевший лихорадкой, которая сведет его вскоре в могилу, взглянул на карту: островка на ней не было. Не задумываясь, капитан пошел дальше. Однако ему захотелось дать этому островку название. Поставив точку под 11°40' южной широты и 164°37' восточной долготы, он написал: остров Поиск, по названию своего корвета. Если б не его болезненное состояние, капитан, быть может, догадался бы осмотреть этот атолл. Тогда он смог бы написать: остров Находка, и не пришлось бы ждать 1827 года, чтобы раскрыть тайну Лаперуза.

21 июля 1793 года тело Брюни д'Антркасто со всеми почестями опустили в море неподалеку от берегов Новой Бретани. Ровно за шесть месяцев до того голова короля Франции скатилась на эшафот. Садясь на повозку, которая должна была доставить его на площадь Революции (бывшая площадь Людовика XV, в будущем площадь Согласия), Луи Капет—исторический факт—спросил своего палача:

— Нет ли вестей о Лаперузе?

Вестей не было.

Тридцать четыре года спустя другой фрегат с тем же названием «Поиск», только на английском языке, поскольку на судне развевался британский флаг, подошел к атоллу Ваникоро, который после смерти д'Антркасто никто не называл островом Поиск. Командир судна Питер Диллон много лет исследовал Коралловое море. В этих краях для него больше не было тайн—кроме одной, в которую он-то и хотел проникнуть.

На острове Тикопия, где он пробыл несколько месяцев, туземцы продали ему за хорошую цену гарду от эфеса шпаги. На ней был выгравирован герб. Питеру Диллону показалось, что это герб Лаперуза. Имя великого мореплавателя знали все моряки мира. Долго плававший в этих морях Диллон говорил на многих местных наречиях, и он стал расспрашивать жителей острова Тикопия. Они ему сообщили, что в последние годы к ним привозили серебряные ложки, топоры, чайные чашки те немногие рыбаки, которые отваживались уплывать к далекому атоллу Ваникоро. Жители этого островка, продавая свои сокровища, рассказали историю двух французских кораблей, которые когда-то, очень давно, сели на мель у их берегов. Одни утверждали, что моряки с кораблей утонули, другие—что они были убиты.

Отличный моряк, ученый-гидрограф, человек крутого нрава, Дюмон-Дюрвиль (1790—1842) был послан Карлом X в 1826 году, в чине капитана второго ранга, на поиски экспедиции Лаперуза. Впоследствии он станет контр-адмиралом и погибнет вместе с женой и сыном в железнодорожной катастрофе

Питер Диллон хотел немедленно отправиться к Ваникоро, но судовладельцы ждали его в Пондишери, и он не посмел отклониться от своего курса. По прибытии Диллон рассказал обо всем, что слышал, показал гарду шпаги и обратился к Ост-Индской компании с просьбой послать его на место предполагаемого кораблекрушения. Просьба его была удовлетворена. В 1827 году из Пондишери под его командованием вышло судно «Поиск». На борту судна находился официальный представитель Франции Эжен Шенью.

7 июля подошли к острову Ваникоро. Добиться признания туземцев удалось не сразу, но в конце концов они обо всем рассказали. Много-много лун назад к ним прибыли направляемые Духами два судна, и одно из них разбилось на рифах. «Наши предки хотели видеть этих Духов вблизи, но те направляли в них огненные шарики, несущие смерть». Потом боги дали благословение стрелам, и предки смогли перебить всех Духов с корабля.

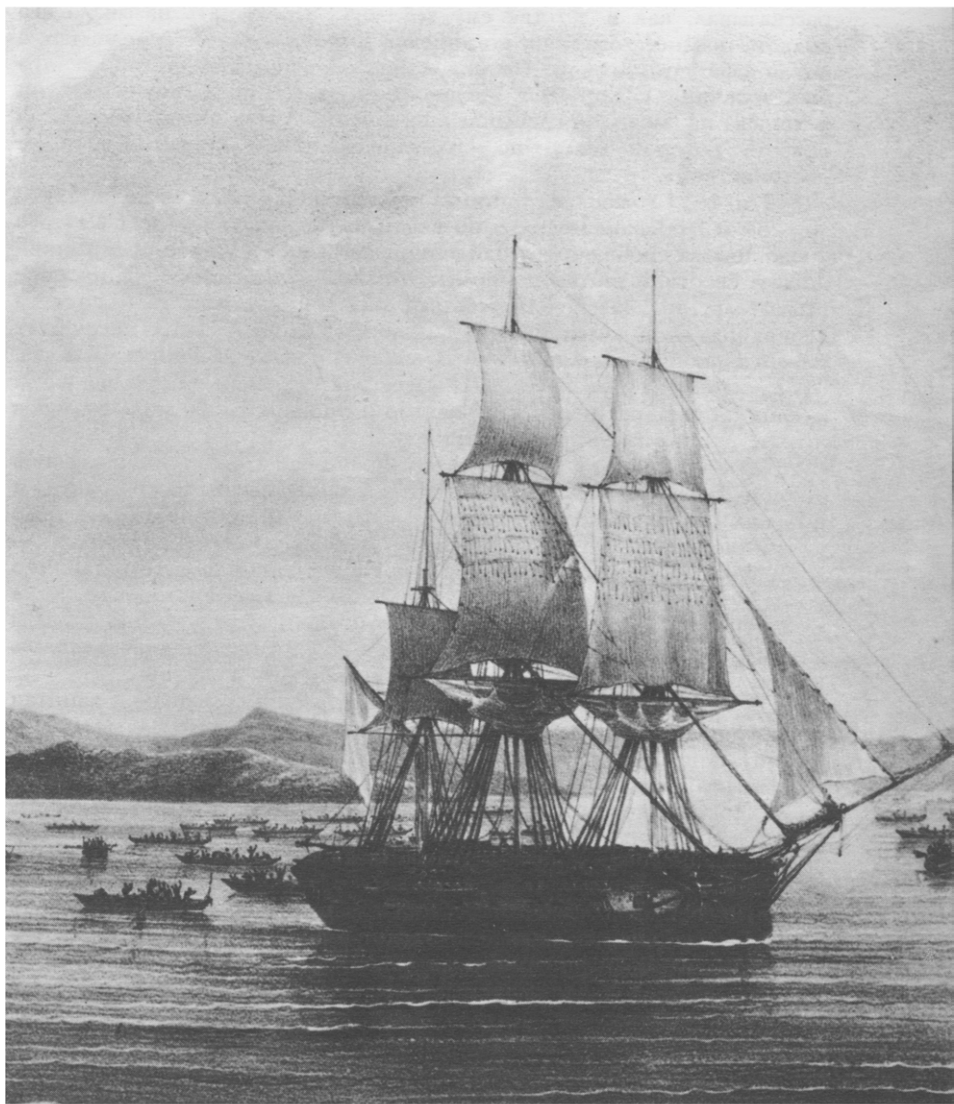
Другое судно, рассказали туземцы, выбросилось на песчаный пляж. Его вели невоинственные Духи, они раздавали подарки. Их вождь, у которого, как и у других, впереди над лицом выступал из двух пальцев длинный нос, разговаривал с луной посредством палки. Другие Духи, стоявшие на одной ноге, день и ночь охраняли лагерь, где за деревянными загородками их друзья строили из обломков большой лодки лодку поменьше. Все «одноножки» беспрестанно потрясали железными палками. Через пять лун после прибытия Духи уплыли на своей маленькой лодке.

Как потом догадались, рассказ изобилует сложными оборотами и своевольными прикрасами. Питеру Диллону удалось объяснить некоторые выражения рассказчиков: «длинные носы» были треуголками, «палка, служившая для разговоров с луной» — подзорная труба, «одноножки» — часовые, неподвижно стоявшие на часах, а «железные палки» — их ружья. На дне моря, совсем недалеко от берега, обнаружили бронзовые пушки и корабельный колокол, на котором можно было разобрать надпись: «Меня отлил Базен, Брест 1785». Выудили якоря и бронзовые мортиры. Туземцы продали Диллону дощечку с вырезанной на ней королевской лилией, подсвечник с гербом (это был, как потом узнали, герб Колильона, одного из натуралистов Лаперуза) и другие мелкие предметы, которые заносились в подробную опись, составленную в присутствии Шенью.

В апреле 1828 года капитан Диллон прибыл в Калькутту. Там его ждало новое поручение: лично доставить собранные предметы королю Франции. В феврале 1829 года он приехал в Париж. Карл X сразу принял его, пожаловал ему орден Почетного легиона, назначил 10 000 франков в качестве вознаграждения и 4000 франков пожизненной пенсии. По крайней мере одного человека крушение Лаперуза сделало счастливым.

В то самое время, когда Питер Диллон покупал на острове Тикопия гарду шпаги, из Тулона вышел капитан второго ранга Дюмон-

Дюмон-Дюрвиль обследует берега Новой Гвинеи. Туземцы на пирогах пытаются атаковать корабль, но их отпугивает пушечный выстрел

Дюрвиль, официально назначенный для поисков «Буссоли» и «Астролябии», о которых тогда еще ничего не было известно.

Любой портрет Жюль Себастьяна Сезара Дюмон-Дюрвиля позволяет понять, что характер у этого человека был нелегкий. Он сам рассказывал, как в детстве ему хотелось, чтобы мать называла его волком, позднее товарищи по лицу в Кане прозвали его медведем, а потом офицеры — совой. Несмотря на зоологические прозвища, это был мужчина с хорошей внешностью. В двадцать шесть лет он женился на молодой девушке по имени Адель, необыкновенная красота которой была, по его словам, «лишь самым малым ее достоинством».

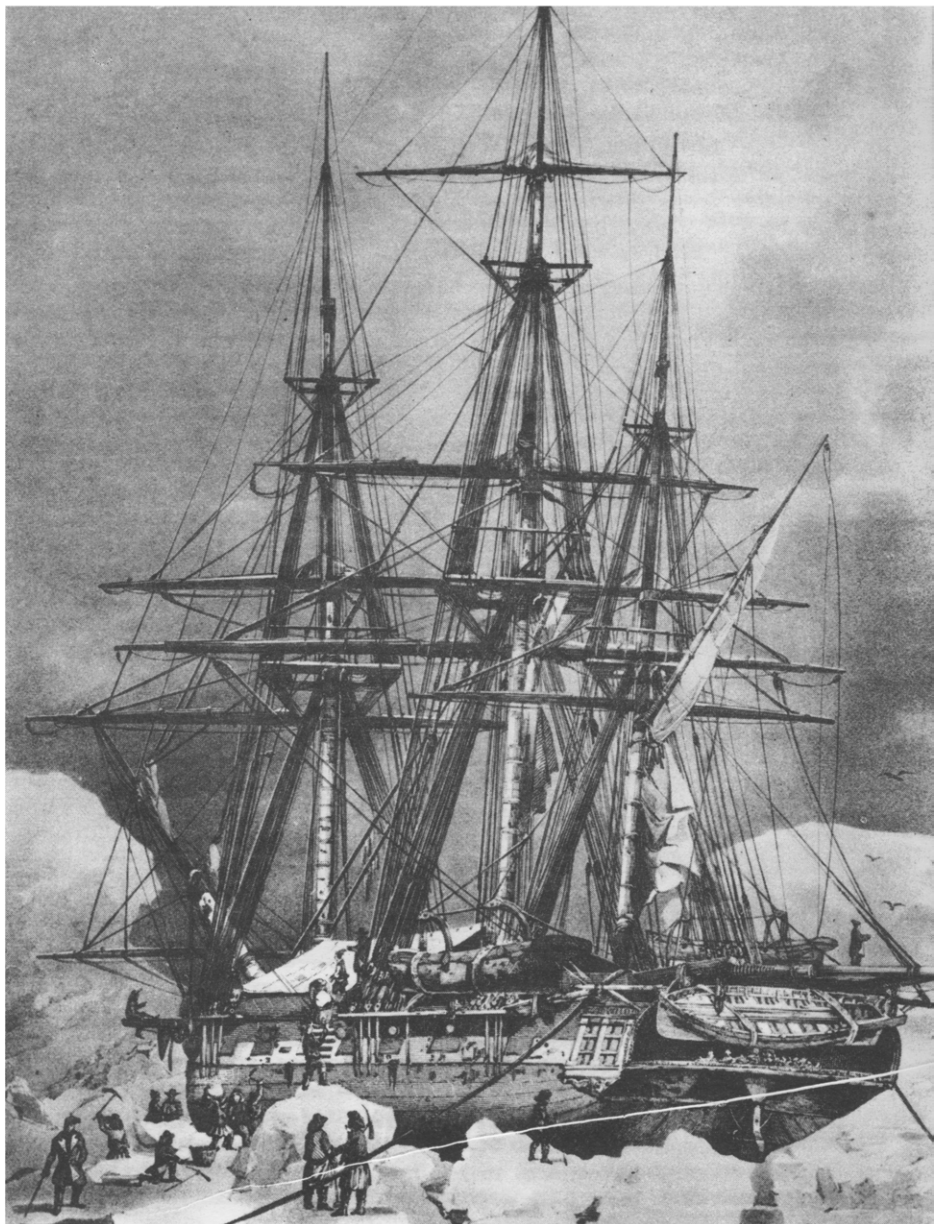
В 1819 и 1820 годах он принимал участие в научных экспедициях в Черном и Эгейском морях и по возвращении получил крест Святого Людовика за сообщение о найденной на острове Милос прекрасной, хотя и безрукой статуе Венеры, которую потом купило французское правительство. Затем назначенный помощником капитана корвета «Раковина» под командованием Дюпре Дюмон-Дюрвиль исследует берега Новой Гвинеи и Новой Зеландии, проливов Торреса и Кука, изучая попутно разные языки в Океании. В общем за тридцать два месяца он семь раз пересекал экватор и прошел 25 000 миль пути без всяких неприятных происшествий.

24 апреля «Раковина» вернулась во Францию, а через пять месяцев Дюмон-Дюрвиль был произведен в капитаны второго ранга и получил орден Почетного легиона. «Это был момент полного удовлетворения, что оно не могло ни возрасти, ни продлиться», — писал он. Но счастье его омрачилось неожиданной смертью старшего сына. «Напрасно моя чудесная Адель, забывая себя, старалась меня утешить. Я заболел, врачи объявили, что мне необходимо море, чтобы сменить обстановку и пресечь страдания». Вскоре Дюмон-Дюрвиль представил Карлу X новый план кругосветного плавания.

Как раз в это время распространился слух, что американский капитан обнаружил у полинезийских туземцев крест Святого Людовика и французские медали, которые вполне могли попасть туда с «Астролябии» или «Буссоли». И вот Дюмон-Дюрвиль отправляется в плавание на «Раковине», переименованной по этому случаю в «Астролябию», получив двойное задание: расширение научных сведений о Полинезии и поиски следов своего знаменитого предшественника.

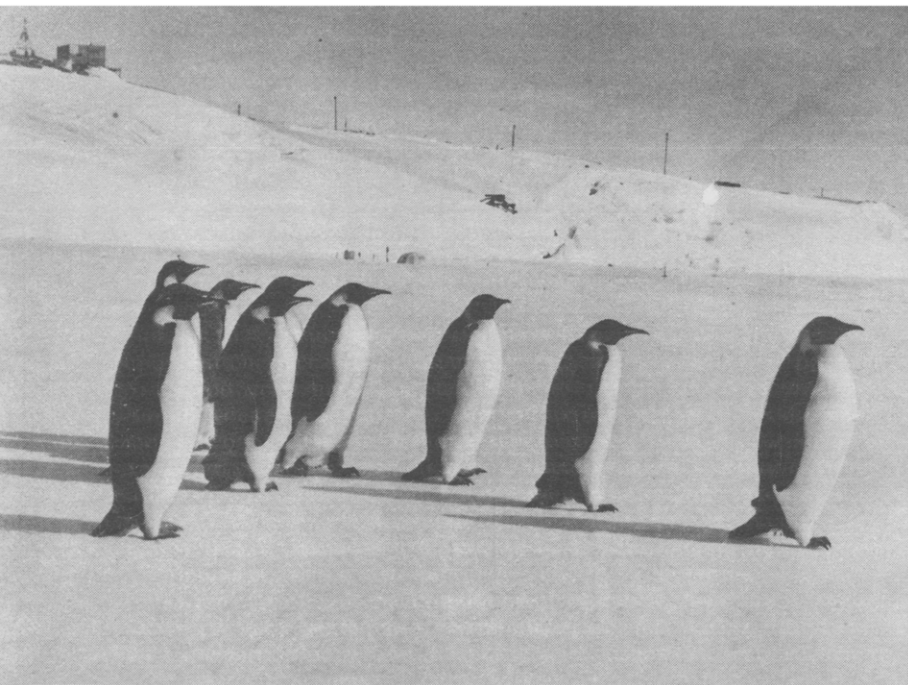
Выйдя из Тулона 25 апреля 1826 года, вторая «Астролябия» обогнула мыс Доброй Надежды при разбушевавшемся море (Дюмон-Дюрвиль измерял волны почти 30-метровой высоты), пересекла Индийский океан, прошла через архипелаги Океании в Тихий океан, достигла Новой Зеландии, поднялась к северу до острова Тонгатапу, вернулась на юг до Земли Ван-Димена, где в декабре 1827 года бросила якорь под стенами Хобарт-Тауна. За это время были составлены новые карты, сделаны анатомические таблицы, собраны образцы минералов, но судьба Лаперуза оставалась все такой же загадочной.

7 сентября 1837 года Дюмон-Дюрвиль вновь вышел в плавание, которое длилось более трех лет. Он исследовал самую южную часть Тихого океана и пытался даже добраться до Южного полюса

Несколько упавший духом Дюмон-Дюрвиль стал разбирать почту из Франции, ожидавшую его на этой стоянке. Просматривая уже довольно старый номер «Ла Газетт», он обнаружил статью, где некий Диллон рассказывал историю серебряной гарды от эфеса шпаги, принадлежавшей якобы Лаперузу и привезенной с какого-то атолла Ваникоро.

Такие же императорские пингвины встречали некогда Дюмон-Дюрвиля, одного из первых исследователей Антарктиды. И сейчас пингвины мирно соседствуют с зимовщиками антарктических станций. Эти миролюбивые и крайне любопытные птицы вызывают неизменную симпатию, а общение с ними облегчает тяжелые условия зимовки в стране вечных льдов

Читая эти строки, Дюмон-Дюрвиль не мог знать, что Диллон тем временем отправился на Ваникоро и забрал то, что осталось от экспедиции Лаперуза. Дюмон-Дюрвиль отдает приказ о немедленном отплытии, и через несколько недель форштевень новой «Астролябии» уже рассекал воды, в которых некогда плавала и затонула ее предшественница.

Французам было трудно перевести осторожные, неясные и противоре-

чивые объяснения туземцев, но вещественные доказательства были убедительны. «Наши люди,—записал Дюмон-Дюрвиль,—увидели на дне моря, на глубине трех или четырех саженей, якоря, пушки, пушечные ядра и особенно большое количество свинцовых пластинок. Я отправил баркас, приказав поднять со дна хотя бы один якорь и одну пушку, чтобы привезти их во Францию как неопровержимое доказательство крушения наших несчастных соотечественников».

Туземцы вроде бы говорили, что несколько лун назад приезжали белые люди искать обломки, но Дюмон-Дюрвиль не был уверен, что правильно истолковал их слова. Зато у него была уверенность, что он выполнил свое второе задание и может объявить всему миру, где по крайней мере погиб Лаперуз.

Вблизи того места, где разбились корабли, был возведен памятник, очень простая прямоугольная призма высотой десять футов, увенчанная пирамидой. Когда ясным мартовским утром 1829 года от острова отплывала «Астролябия», на берегу собралось сотни две туземцев. Самые старшие среди них были свидетелями трагических событий и, может быть, даже сыграли в них жестокую роль, но более подробные расспросы были бесполезны. Гром пушечных выстрелов на «Астролябии», прозвучавших как последний долг погибшим, распугал всех людей на берегу.

Обратное плавание было долгим и опасным, длилось оно целый год, и вот наконец «Астролябия» причалила в Марселе. Дюмон-Дюрвиль привез с собой 65 новых карт, более 7000 образцов растений, столько же минералов, 10 000 анатомических таблиц, многочисленные зарисовки и, самое главное, как думал командир корабля,—разгадку тайны гибели Лаперуза. С огромным разочарованием узнал он о недавнем приезде в Париж англичанина Диллона и о том, что его принял Карл X. Вещи, привезенные Диллоном, находились, вероятно, в Морском музее, так что пушка и якорь, поднятые с таким великим трудом, будут не таким уж важным добавлением. По окончании плавания ни Дюмон-Дюрвиль, ни его спутники не были вознаграждены. «Глубоко опечаленный, уязвленный в самых своих сокровенных чувствах, я отстранился от дел».

Надеясь, что его коллеги будут менее неблагодарны, Дюмон-Дюрвиль представил свою кандидатуру в Академию наук. За него было подано шесть голосов, против—сорок девять. Вместо него прошла какая-то бесцветная личность, теперь совершенно забытая.

Думая, и не без оснований, что причиной этого провала был правительственный нажим, Дюмон-Дюрвиль обратил все свое зло против короля и вступил в открытую оппозицию. Когда Карл X отрекся от престола, забаллотированный на выборах в Академию наук сразу предложил Временному правительству свои услуги, чтобы сопровождать свергнутого монарха в его изгнание в Англию. Месть—блюдо, которое едят холодным. Следует отметить, что, по свидетельству современников, Дюмон-Дюрвиль вкушал его с достоинством².

При Луи-Филиппе мореплаватель снова смог отправиться в море, и открытие, увенчавшее его усилия, никто не может оспорить; оно прославило его навеки. 21 января 1840 года, в день 47-й годовщины со дня смерти Людовика XVI, «Южный континент», в который со времен плаваний Кука уже никто больше не верил, появился вдруг перед взором моряков «Астролябии». Но это была не обширная чудесная страна, о какой мечтали поколения ученых и мореплавателей, а бесплодные скалы, едва различимые среди окружающих их льдов.

Увидев эту землю, Дюмон-Дюрвиль произнес слова, которые Лебретон, корабельный писарь, постарался записать:

— Мои дорогие, отважные спутники! Да здравствует король и да здравствует Франция! Здесь нас не опередит ни один исследователь. Франция господствует на Южном полюсе³. Эта обширная, непригодная для жизни человека земля будет носить французское имя, которое мне дороже всего, имя моей замечательной спутницы жизни. Господа, приветствуем Аделию!

Дюмон-Дюрвиль не так уж ошибся в своей восторженной речи. Сейчас на Земле Адели расположены важные научные станции. Во время этого плавания, длившегося почти четыре года, командир «Астролябии» открыл еще одну южную землю, названную им Землей Луи-Филиппа, и, кроме того, собрал множество научных сведений, так что на сей раз труды его увенчались успехом. Он был произведен в контр-адмиралы, а Географическое общество единодушно избрало его своим членом и, чтобы сгладить прежние обиды, присудило ему Большую золотую медаль.

Теперь, в возрасте пятидесяти одного года, он был наконец вознагражден. 8 мая 1842 года, за две недели до празднования своего 52-летия, он предпринял новую экспедицию, на этот раз с женой Аделью и сыном. Речь шла о поездке в Версаль — для человека, совершавшего кругосветные плавания, путь ничтожный, но в нем была прелесть открытия оригинального способа сообщения, так как ехать предстояло по недавно законченной линии железной дороги «Левый берег».

Начало было прекрасным. Удобно устроившись в первом классе второго «от головы» вагона, они пересекали поля, проезжали среди холмов Медона. Деревья в лесу были покрыты нежной зеленью. Станция Бельвю вполне заслуживала свое название*. Поезд как раз отошел от этой станции, когда произошла катастрофа. Оглушительный грохот, страшное сотрясение: у паровоза сломалась ось и взорвался котел. Все вагоны сошли с рельсов. Огонь и струи пара обволокали три головных вагона. Спасавшие не смогли к ним приблизиться. Какой-то пассажир четвертого класса, без труда выйдя из своего вагона в конце поезда, пошел вдоль линии вперед. По его

* Bellevue — «прекрасный вид» (франц.). — *Прим. перев.*

уверениям, он долго слышал мужской голос из второго вагона, умолявший: «Спасите мою жену! Спасите моего сына!» Когда огонь был погашен, с большим трудом удалось собрать обугленные останки знаменитого капитана второй «Астролябии».

Ни Питеру Диллону, ни Дюмон-Дюрвилю не удалось полностью выяснить обстоятельств гибели Лаперуза. Атолл Ваникоро раскрыл свои последние тайны не профессиональному мореплавателю, а известному вулканологу Гаруну Тазиеву. Он отправился туда в 1959 году с бригадой отлично оснащенных водолазов. Лагуна отдала последние остатки: шесть якорей, пушки, ядра, латунные гвозди. Был найден серебряный рубль с изображением русского царя Петра I. Кому могла принадлежать такая монета, кроме участника экспедиции Лаперуза, единственной в XVIII веке экспедиции, достигшей берегов Сибири и плававшей затем в южных морях?

Гарун Тазиев расспросил самого старого человека на Ваникоро, и тот поведал ему очень ясную устную легенду, дошедшую через четыре поколения. В ней говорилось о двух больших кораблях и о том, как погибло много белых людей...

VI

Острова Прибылова

Магеллан, Бугенвиль, Кук, Лаперуз... Но у самых замечательных мореходов Тихого океана имен нет. Это тюлени. И не все тюлени, а определенный вид ушастых тюленей северной части Тихого океана. Котики.

Каждую осень, в ноябре, эти животные покидают полярные острова, где они появились на свет, и направляются к местам откорма в среднюю часть Тихого океана и к берегам Японии. А в мае опять возвращаются к своим островам и остаются там на пять или шесть месяцев, чтобы произвести потомство. Таким образом, каждый из них, совершая ежегодно путешествие, проплывает более пяти тысяч морских миль, т. е. около 10 000 км.

Возвращаясь из мест откорма, котики прибывают к своим островам между 1 и 10 мая, самое позднее 15 мая.

Без карт, без компаса, они плывут и не по звездам — у них для этого слишком слабое зрение. Обоняние у них очень тонкое, но острова, куда они плывут, не обладают запахом, ощутимым за тысячи километров. Однако котики всегда находят их безошибочно и всегда точно к сроку прибывают на весеннее рандеву, кроме тех, кто встретил на пути смерть в зубах хищника или погиб от руки человека.

Котики числятся среди самых миролюбивых животных. Правда, они охотятся за рыбой, их основной пищей, и в назначенное Природой время взрослые самцы устраивают поединки из-за самок, но в отношении к человеку котики неизменно проявляют лишь кроткое любопытство. Никогда никакой агрессии. Зато человек веками истреблял тюленей, а котиков в особенности.

Киты тоже всегда подвергались преследованию ради их мяса, китового уса, а самое главное, ради того колоссального количества жира, какое

дает каждое животное. Китобои прошлых веков и начала нашего века не отличались мягкостью нрава, их опасное ремесло требовало людей суровых. Но именно благодаря опасности даже самые жестокие из китобоев не были последними скотами, так как от них требовалась большая смелость. А у охотников за котиками особой необходимости в ней не было, вот поэтому-то среди них всегда встречались самые страшные люди, каких только видело море.

Гаврила Прибылов не был из их числа. Однако в условиях того времени его деятельность положила начало беспощадному истреблению этих животных.

В течение 1768, 1769, 1770 и части 1771 года штурман Гаврила Прибылов принимал участие в экспедиции под командованием Михаила Неводчикова в Беринговом море и северной части Тихого океана. Возвратившись из экспедиции, Прибылов составил записку, которая дошла до сведения императрицы Екатерины II и в которой сообщалось, что во время плаванья Прибылов слышал из уст шамана на одном из Алеутских островов легенду, передававшуюся там из поколения в поколение.

Где-то в море, между двумя большими материками, существуют острова—легенда называла их островами Тумана—с несметным количеством котиков, единственных тамошних обитателей. Однажды течение занесло туда каяк с эскимосом. Проплывая вблизи островов (их было два), человек увидел на берегах мириады котиков, а потом течения увлекли его прочь. Вернувшись на домой почти чудом, еле живой, и поведал о своих приключениях.

Прибылов доложил капитану о беседе с шаманом, но тот отказался начать поиски островов. Он был уже немолод и хотел пользоваться заслуженной славой без дальнейшего риска. Капитан даже запретил Прибылову говорить или писать об этом кому бы то ни было.

30 октября 1771 года Прибылов попал на прием к Екатерине II и сам рассказал ей историю котиков, объясняя, почему он считает легенду достоверной.

С 1770 года русские вели охоту на котиков в районе Камчатки. Мех котика вместе с соболем, голубым песцом и каланом продавался в России по дорогой цене. Екатерина была лично заинтересована в промыслах охотников и звероловов, она поощряла их и оказывала им денежную помощь.

Выслушав Прибылова, императрица приказала снарядить экспедицию, явной целью которой было продолжение и расширение в Беринговом море открытий, сделанных Неводчиковым. На самом же деле предполагались поиски островов, где в изобилии водились котики.

Легенда, услышанная Прибыловым, соответствовала истине. Острова Тумана существовали на самом деле, и там в сверхизобилии водились котики. Теперь их называют островами Прибылова.

Расположены они в Тихом океане под 57° северной широты и 170° западной долготы. На земном шаре найдется не так уж много мест,

которые были бы настолько неприятны. И не потому, что там очень холодно: 5—6 градусов ниже нуля в зимнее время. Но ветры в тех краях метут все время снег, и яростные бури вздымают волны под темно-серым, почти черным небом. Следом за зимой начинаются нескончаемые дожди. Лето приносит намок на тепло, дни становятся длиннее, небо чуть выше. Но оно не бывает совсем чистым, и ветер никогда не рассеивает полностью туманной пелены над морем. Эти постоянные туманы возникают при встрече теплого течения Куроисио, идущего от Японии, с полярными льдами.

Как показывают записи XVIII века, эскимосская легенда, которую слышал Прибылов, была известна на многих Алеутских островах. Может быть, она передавалась от острова к острову, а может, острова Тумана люди видели не один раз. Как бы то ни было, Прибылов по настоянию своей государыни решил завладеть этим сокровищем. Но где искать острова Тумана? Легенда говорила о их местонахождении очень неопределенно. Поразмыслив, Прибылов решил отправиться в район к северу и северо-востоку от Лисьих островов и к югу от границы, где море Беринга замерзает в зимнее время.

У нас нет точного описания судна, на котором весной 1773 года Прибылов вышел из Петропавловска-Камчатского в свою первую экспедицию. Но надо думать, что оно не очень отличалось от судов, на каких обычно плавали в тех краях, то есть не имело ничего общего с быстроходными океанскими кораблями. Известно, что это судно было построено без железных гвоздей, его отдельные части соединялись между собой кожаными ремнями. На судовой верфи в Охотске на берегу Охотского моря не было ничего, кроме дерева, поэтому снасти, паруса, якоря, цепи и другие принадлежности пришлось привозить из Иркутска и других городов Сибири, за тысячи километров. Все это доставлялось на санях или на телегах, в зависимости от времени года. Иначе приходилось довольствоваться парусами из кожи, которые можно было изготовить на месте.

Суда были совсем маленькие, с командой от тридцати до шестидесяти человек, ютившихся в страшной тесноте. Пища во время плавания была грубой, если не сказать отвратительной. Капитаны старались набирать команду по крайней мере наполовину из камчадалов. Они лучше противостояли цинге, чем люди из европейской части России, хотя не отличались такой отвагой.

Чтобы плавать по счислению, то есть последовательно наносить на карту отрезки пройденного пути, Прибылов располагал компасом и лагом для измерения скорости судна. Лаги, которыми пользовались в то время, представляли собой привязанную за конец троса плоскую дощечку с грузом, подвешенным так, чтобы она держалась в воде вертикально. Ее выбрасывали в море, и она оставалась почти на одном месте, тогда как судно двигалось вперед. Скорость высчитывали по длине троса, размотавшегося за тридцать секунд. Прибылову, конечно, было известно, что всякое морское течение увлекает

одновременно и лаг и корабль, так что, не зная скорости течения, нельзя определить и скорость корабля. А в Беринговом море, как было известно, быстрых течений много, но их скорость никогда не измерялась, даже во время экспедиции Неводчикова.

Что касается показаний компаса, то относиться к ним следовало с осторожностью из-за переменчивости магнитного склонения в приполярных районах. Одним словом, Прибылов знал, что его плавание по счислению очень ненадежно. А кроме того, будь он даже очень искусен в мореходной астрономии, приборы, которыми он располагал, не позволяли ему точно определить свои координаты. Первые хронометры, достаточно верно показывающие время начального меридиана, что позволяет с точностью вычислить долготу места, были установлены на корабле Кука во время его второй экспедиции. Само собой разумеется, что неполных два года спустя на суденышке Прибылова, построенном и оснащенном на Камчатке, не могло быть подобных приборов.

И тем не менее капитан попал в тот район, где собирался искать острова Тумана. Он исследовал Берингово море чуть южнее границ льдов, описывая прихотливые зигзаги. Плыл он по бурному морю, затянутому почти постоянно туманной пеленой.

Днем в густом тумане, ночью в полной тьме, среди быстрых течений и бушующих волн жалкий кораблик был в большей опасности, чем каравеллы Христофора Колумба. Камчатские матросы вскрикивали от ужаса, когда перед самым форштевнем проплывала вдруг громада синеватого айсберга.

После того как Прибылов привел свое судно в Петропавловск, безрезультатно избороздив море Беринга, добрая треть русских матросов объявила, что ему больше не стоит на них рассчитывать. А камчадалы, те просто все разбежались, словно с корабля, одержимого нечистой силой.

Однако на следующее лето Прибылов снова отправился в плавание, с большим трудом набрав новую команду. Сколько ни старался капитан-исследователь, финансируемый императрицей и торговцами пушниной, привлечь тамошних матросов повышенным жалованьем, страх все же брал верх над соблазном хорошо заработать и даже получить крупный куш, если острова бесценных котиков будут найдены. Чтобы нанять людей, Прибылов вынужден был действовать хитростью и силой, уверяя всех, что уходит просто на промысел тюленя, а под конец велел даже похищать людей, как это делали капитаны пиратских судов в северной части Тихого океана.

Вторая экспедиция, как и первая, кончилась неудачей. Такой же исход был и у третьей, четвертой, пятой и многих других. Острова котиков не давались людям. И было просто чудом, что за все это время скорлупка Прибылова не потерпела раз десять крушение, не столкнулась с айсбергом, не утонула в бурю, не заблудилась безнадежно в тумане и весь ее экипаж не вымер от голода.

Картина этих тяжких плаваний дополнялась бунтами. Прибылов справлялся с ними и приводил свое судно обратно... А потом должен был убеждать финансировавших его людей, что он не сумасшедший, что острова Тумана существуют в самом деле и что поиски их не безнадежны. Затем ему снова приходилось набирать экипаж ценой все больших и больших усилий; ведь искатель котиков был известен теперь в каждом доме на Камчатке как личность грозная, почти легендарная, и лучше с ним не иметь дела. Еще раз уходит Прибылов к островам Тумана. С дощатой пристани Петропавловска смотрят ему вслед, качая головой, губернатор и несколько русских. Уже не раз бывало, что, возвратившись в конце лета, он не дожидался весны и уходил снова, совершая таким образом два плавания в год.

Уходил Гаврила Прибылов из Петропавловска и возвращался туда безуспешно не пять, не десять, а семнадцать раз.

Подобного примера упорства мы больше не знаем. Семнадцать раз. Одна только цифра, словно луч прожектора, освещает эту личность, исторически, между прочим, мало известную.

В конце весны 1786 года Прибылов выходит в море восемнадцатый раз. Плавание в тот год было, по его словам, особенно трудным, главным образом из-за тумана. Уже через несколько дней после отплытия судно попало в туман и больше из него не выходило. Горизонт постепенно расплылся и потом исчез совсем. Только на близком расстоянии можно было различить границу воды и неба. В первые дни солнце еще слегка угадывалось. Где-то за туманной пеленой поднимался его свет, описывал свой круг и исчезал. Потом туман стал гуще, и судно оказалось в середине совсем небольшого круга серого моря, в центре клубочка тусклого света.

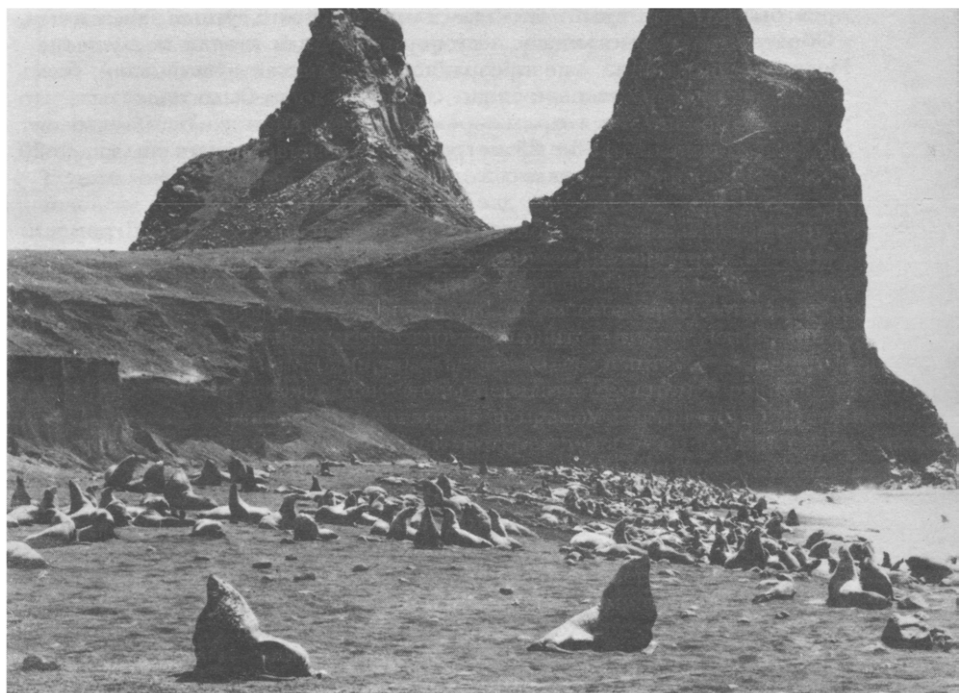
Прибылов старался плыть по счислению со всей возможной точностью, выбрасывая лаг через каждые два часа. Дощечка падала в серую воду и тотчас исчезала, видно было лишь несколько метров наклоненного троса, остальное терялось во мгле. Барабан вертелся очень вяло, каждый узел уходил с мучительной медлительностью. Четыре узла, три узла, два узла. Казалось, что корабль затерян на крохотном пространстве мертвой планеты, паруса его едва шевелились.

Через несколько дней отчаявшиеся матросы Прибылова стали роптать все громче и громче и наконец перешли к открытому возмущению, как некогда матросы Колумба. Капитан вынужден был приготовиться к обороне, сплотив из надежных людей отряд, готовый действовать в случае бунта. Кроме того, желая предотвратить мятеж, он пообещал людям, если к концу этой третьей недели туман не рассеется, повернуть обратно и идти в Петропавловск.

Требование измученных матросов было неразумным. Ведь взять курс на Петропавловск среди тумана, без возможности астрономических наблюдений, позволявших определить свое место хотя бы немного точнее, чем по счислению, означало ринуться навстречу неизвестности.

На двадцать второй день с утра туман как будто поредел. Ветер стал немного свежее. Скорость увеличилась до шести узлов. О борта корабля уже плескалась вода. Два матроса, один на марсе, другой на носу, непрерывно наблюдали за айсбергами. Уже за несколько дней до этого в полдень наблюдатель уведомил капитана, что он слышит

Стада китиков, уходящих на откорм в центральную часть Тихого океана и к берегам Японии, каждый год в мае возвращаются на пять-шесть месяцев на острова Прибылова и производят там на свет потомство

«будто бы шум на море». Прибылов, неделями не покидавший своего поста на полукуте, временами засыпая тут же на месте, прошел к носу корабля. Взглянул на форштевень, медленно рассекавший волны. Прислушался. Да, что-то действительно было, какой-то непонятный шум. Он то усиливался, то стихал, несколько напоминая отдаленный водопад с переменным расходом воды. Прибылов не отходил от форштевня, прильнув к его внутреннему мыску, и продолжал слушать. Шум мог означать близость земли или какое-то неизвестное явление в море. Туман становился все прозрачнее. Прибылов вернулся на полукут. Он разослал команду по рабочим местам и велел

убрать один парус. Люди, выведенные из губительного бездействия, подчинились беспрекословно.

— Держать два якоря наготове,— приказал капитан боцману,— и измерить глубину. Сообщи результат, если достанешь дно.

Туман продолжал рассеиваться. Вскоре непонятный шум стал слышен на всем корабле. Он шел примерно с правого борта, и Прибылов велел повернуть в ту сторону. Шум все усиливался. Он уже не вызывал мысль о водопаде. Теперь это был как бы голос огромного скопища людей, громадной толпы, взывающей к небу. И оттого, что рев был непрерывный, он казался грозным, загадочным, внеземным. Обратив серьезные лица к носу корабля, люди стояли и слушали.

Пелена тумана стала еще прозрачнее, люди даже чувствовали, боясь этому поверить, ласковое тепло солнца. Можно было надеяться, что прояснение не будет кратковременным. Боцман сообщил, что лот коснулся дна на глубине 35 метров. Когда глубина уменьшилась до 20 метров, Прибылов приказал готовиться к остановке.

— И приготовить к спуску две шлюпки!

Рев не смолкал. Поднимаясь и ниспадая, он становился все громче и громче. Моряки никогда не слышали ничего подобного и с удивлением думали, какой же это необыкновенный берег откроется сейчас их взору.

Марсовый матрос крикнул, что видит в море плывущих котиков.

— С какой стороны?—спросил Прибылов, стараясь скрыть свою радость.

— Со всех сторон!

Туман вдруг расступился. Он не исчез сразу всюду, так как и справа и слева от корабля и позади него линия горизонта оставалась невидимой, но те, кто смотрел вперед, то есть почти все, сразу увидели землю.

Там, прямо впереди, в невероятной близости была земля, плывущая навстречу кораблю. Обрывистые берега, волнистое вулканическое плато.

Корабль медленно подходил к этой земле, откуда неся оглушительный, чудовищный рев. Плато и края береговых обрывов освещались бледными лучами солнца, казавшегося всем прямо-таки ослепительным. Люди рассматривали землю и кричали от возбуждения. Везде вокруг корабля без малейшего страха плавали котики. На острове, у подножия крутых обрывов, простирались пляжи, и на них, от основания скал до самого моря, грудami лежали серовато-бурые тела. Там были мириады котиков, испускавших непрерывные громкие вопли.

Обезумев от радости, люди закричали все разом, как будто хотели перекричать котиков. И разумеется, уже никакие силы в мире не смогли бы помешать им броситься в лодки, как только они будут спущены на воду, и накинуться на это невообразимое сокровище, несметное богатство.

Котики смотрели на людей доверчиво, с любопытством. Им никогда не приходилось видеть на острове человека, а если и приходилось когда-то в прошлом, то они все уже забыли и принимали людей с тем же любопытством и полным отсутствием страха, какие у них, видимо, будут всегда и в дальнейшем.

У них нет памяти. Вернее, помнят они только то, что касается порядка их естественного существования, и тогда эта память, очень надежная, называется инстинктом. Котики великолепно помнят все, что связано с их питанием, размножением, знают, как научиться плавать, как устраивать между собой поединки, как найти дорогу к местам нагула в огромном океане и в нужное время вернуться к своим островам и как им надо действовать, чтобы уйти от своего смертельного врага — косатки. Они помнят все, что составляет часть их жизни во Вселенной. Но нападение человека не входит в их жизнь, а если и входит, то еще слишком короткое время. Котики северной части Тихого океана не обрели памяти, позволяющей им распознать в человеке врага.

Моряки Прибылова высадились на пляже из гальки и вулканического песка и с палками в руках двинулись к котикам. Прежде они охотились на котиков только в море, оглушая их ударом по голове, поэтому и теперь вооружились палками.

Погода стояла мягкая и прохладная. Бледные лучи солнца, рассеиваясь в легком тумане, освещали мириады темно-серых и бурых тел котиков, мех которых представлял крупнейшую ценность. Судно Прибылова, бросившее якорь за пределами бухты, стояло неподвижно на легких волнах, и над его двумя прямыми теперь мачтами кружили огромные стаи птиц.

Оглушительный рев не прекращался ни на минуту. Когда люди оказывались рядом с животным, оно умолкало и с любопытством поворачивало голову, но все остальные котики продолжали резвиться с тем же ревом. Моряки подошли к самым близким рядам животных и стали наносить удары.

Чтобы убить котика, достаточно одного хорошо рассчитанного удара увесистой дубинки по черепу. Этот способ дает возможность не повреждать драгоценную шкурку. Впоследствии человек уразумел, что не следует убивать всех животных подряд, без разбора, в особенности самок и взрослых производителей. Но люди, высадившиеся тут впервые, были неопытными новичками, не знавшими, как надо действовать; вдобавок все они были в страшном возбуждении и от вида открытых богатств, и от громкого рева, какого им никогда в жизни не доводилось слышать.

Началась атака на котиков, обитавших до той поры на островах в полной безмятежности. Некоторые били животных довольно умело, но большинство действовало жестоко и бестолково. Страшная бойня, ознаменовавшая первую встречу котиков с людьми, исчисляется не днями и не одним сезоном. Длилась она многие годы, прекращаясь

лишь на время ежегодных миграций животных.

В 1867 году Россия продала Соединенным Штатам Аляску за 7 200 000 долларов. Перемена хозяина не остановила бойни. Несколько стран принимали в ней участие: Соединенные Штаты, Англия, Канада, Россия, Япония. Стада котиков истреблялись на берегу и в море при их возвращении. Только в 1910 году американские власти забеспокоились, тронутые не столько жалостью, сколько сообщением министерства рыбных промыслов о том, что численность котиков на островах Прибылова упала с миллионов до 100 000. В то же время о бедственном положении котиков люди начали узнавать из книг Джека Лондона и Киплинга. Создалось общественное мнение, и тогда были приняты первые меры по охране этих животных.

Истребление котиков в северной части Тихого океана не было запрещено совсем, а лишь упорядочено. Запрещалось бить их во время миграций. Ежегодно, когда большие стада котиков направлялись на север, на некотором расстоянии от них с обеих сторон плыли суда американского флота, сопровождая их, словно драгоценные обозы. На островах нельзя было убивать ни самок, ни детенышей, а только «холостяков», взрослых самцов, которые еще не обзавелись гаремом. Каждый год на промысел котика устанавливается квота.

Утешительно было бы услышать, что истребление котиков (как и других животных) прекращено полностью. Но для этого необходимо, чтобы каждый из нас согласен был отказаться хотя бы от того из царства животных, что мы приносим в жертву своим капризам и тщеславию.

VII

Самый знаменитый мятеж

Весна 1789 года. Дата для французов знаменательная: в Версале собрались Генеральные штаты. Один из представителей третьего сословия — личность решительная — призывает своих коллег-депутатов к торжественной клятве и созданию Национального собрания. Имя его — Мирабо. Ему сорок лет. Во Франции совершается революция¹.

У любителей морских приключений весна 1789 года связана с иной сильной личностью. Уильям Блай, командир шлюпа английского Королевского флота. Тридцать шесть лет. Кинематографисты всегда будут представлять его плотным мужчиной с пронзительным взглядом и презрительной нижней губой известного комедийного актера Чарльза Лафтона, героя первого звукового фильма, посвященного мятежу на «Баунти». Был ли Уильям Блай в действительности более худым или менее белокурым, не имеет большого значения. Его железная воля, одушевлявшая железное тело, его исключительное знание моря оправдывали властность и безграничную веру в себя. Но его представление о долге граничило с жестокостью и почти задавило в нем всякое чувство.

В 1788 году лейтенант Уильям Блай, командир «Баунти», получил от правительства важное задание: добыть на Таити саженцы хлебного дерева и в хорошем состоянии привезти их в колонии Англии на Антильских островах. Там, посаженные в землю, они должны были обеспечить обильную и дешевую пищу черным рабам. Ботанику Дэвиду Нельсону было поручено следить за состоянием растений во время плавания, хирургу Томасу Ледворду — заботиться о здоровье людей. И вот пятьдесят человек отплыли на остров Таити.

В апреле 1789 года, после шестимесячной стоянки на райском острове, трюмы «Баунти» были заполнены саженцами хлебного дерева, тща-

Уильям Блай (1754—1817). В конце своей карьеры он стал адмиралом, а в чине капитан-лейтенанта командовал шлюпом Британского королевского флота «Баунти». Обладал железной волей и исключительным знанием моря, однако чувство долга граничило у него с жестокостью

тельно разложенными под надзором Девида Нельсона, и шлюп отправился к Антильским островам.

Погода стояла прекрасная. Но железная дисциплина на корабле капитана Блая, свист плеток, беспрестанные выговоры, суровые наказания, изнуряющая работа слишком резко контрастировали с воспоминаниями о покорных женщинах, их благозвучных песнях, об аромате цветочных венков. С каждым днем атмосфера становилась все тягостнее.

26 апреля матрос Квинтал был приговорен к двенадцати ударам плетью за кражу бутылки рома. Суровое наказание в то время сочли бы вполне заслуженным, если бы не дух садизма, который стремился привнести Уильям Блай. Пороть несчастного Квинтала он поручил матросу Мак-Кою, лучшему другу и названному брату провинившегося. Порка производилась при всех на палубе. После десяти ударов, сопровождавшихся колкими замечаниями и насмешливыми подбадриваниями капитана, израненный, залитый кровью Квинтал потерял сознание. Такой же бледный, как и его друг, невольный палач выронил плетль. Квинтала стали приводить в чувство, обливая морской водой.

Невозмутимый Блай приказал Мак-Кою добавить остальные два удара, желая выполнить приговор с неукоснительной точностью. Это уже было слишком.

На любом корабле обязанности помощника капитана редко бывают приятными. Этот офицер должен следить решительно за всем, чтобы капитан мог осуществлять командование, не тревожась о частностях. Отличный порядок на судне, послушный и обученный экипаж — вот в основном чего ожидает каждый капитан от своего помощника. Помощнику на «Баунти», Христиану Флетчеру, приходилось почти ежедневно, хотя за ним никогда не было никакой вины, выслушивать при всех строгие выговоры Блая, иногда оскорбления. Экипаж тайне сочувствовал ему.

Под утро 28 апреля 1789 года шлюп шел среди островов архипелага, названного Блаем архипелагом Дружбы (название ироническое, так как туземцы островов были более чем негостеприимны)*. На горизонте показался остров Тофоа. Спокойное море, чистое небо, прекрасный восточный ветер. Кажется, ничем нельзя было объяснить необычайное возбуждение, царившее на палубе «Баунти». Ничем, кроме бунта, а это как раз и происходило: две трети матросов становились в тот момент «мятежниками с «Баунти» (под таким именем они и останутся в истории морского флота). Внезапный, вызванный отвратительной формой наказания матроса Квинтала мятеж закончился победой мятежников без пролития крови.

Командование кораблем принял на себя помощник капитана Христиан Флетчер. Матросам хотелось воздать должное жертве Блая, и, кроме

* Теперь этот архипелаг больше известен под названием Тонга.— *Прим. перев.*

того, они считали Флетчера единственным среди офицеров, кто сумел бы привести восставших на остров Таити, земной рай, куда они все стремились. Несколько поразмыслив, Флетчер согласился. Руководствовался он не столько чувством мести, сколько желанием восстановить свою честь, над которой так долго глумился капитан.

Высадка Блая и оставшихся верными ему моряков со шлюпа в открытом море

Уильям Блай, крепко привязанный к мачте и под охраной двух вооруженных матросов, отнюдь не утратил своего высокомерия. Взгляд его метал молнии, в голосе слышались громовые раскаты, как будто он нарочно хотел вызвать к себе еще большую ненависть. Угрозы матросов становились все конкретнее: сверкали ножи и кое-кто даже стал целиться в капитана из ружья в ответ на его оскорбления. Флетчер понял, что действовать нужно немедленно, если он не хочет, чтобы у него на глазах произошло убийство. На воду был спущен баркас, куда погрузили шестнадцать килограммов солиныны, три мешка хлеба, шесть литров рома, шесть бутылей вина и три бочонка пресной воды — всего на сто двадцать литров. Вместе с Блаем в лодку спустились еще восемнадцать человек, отказавшихся присоединиться к восставшим. Когда был спущен последний —

корабельный хирург, волны доходили до самого планшира лодки. В течение четверти часа баркас оставался почему-то прямо позади шлюпа, откуда несясь непрерывный поток оскорблений, адресованных главным образом Блаю:

— Можешь возвращаться вплавь, старый хрыч!

— Плыви или подохни, старое дерьмо!

— Конец твоим поркам, сукин сын!

После минутного упадка сил Блай вдруг вскочил на ноги, рискуя перевернуть баркас. Из уст его полились потоки брани. Четверо или пятеро самых озлобленных матросов взяли его на мушку, но никто не выстрелил. Тогда Флетчер скомандовал:

— Отдать фалинь!

«И вцепить им залп!» — послышалось несколько голосов. Но матросы все же не стали стрелять из пушки по своим недавним и безоружным теперь товарищам. Тем не менее эти девятнадцать моряков постарались уйти побыстрее, схватившись за три пары весел. «Баунти» поднял паруса, и вскоре шлюп и баркас потеряли друг друга из виду. Каждый из них отправлялся навстречу своей судьбе.

Обратив лицо к морю, Блай, казалось, ничего не видел и не слышал. Потом он обернулся и суровым взглядом обвел свой маленький экипаж и маленький корабль. Первый его приказ: привести в порядок съестные припасы и все вещи, поспешно сваленные в кучу на дне баркаса. К нему вернулась прежняя его самоуверенность.

Девятнадцать моряков в семиметровой перегруженной лодке. Самая близкая земля — остров Тофоа, о котором они ничего не знали, но стоянка «Баунти» на соседнем острове оставила по себе горькое воспоминание: местные жители были слишком негостеприимны, пришлось пускать в ход огнестрельное оружие. Теперь же в распоряжении моряков было только четыре тесака. Благословенный остров Таити находился за 1200 миль от них, но при встречном ветре плыть туда на баркасе было невозможно. С обратной стороны лежал Тимор (Нидерландская Индия): 3500 миль, в три раза дальше, чем Таити.

— Туда и направимся, — решил Блай. — В зависимости от волнения и ветра будем идти то на веслах, то под парусом.

Доплывут они туда за полтора месяца. Сорок три дня, как числится в анналах морской истории.

Блай сделал перекичку. Самый старший по чину, Джон Фрайер, был назначен помощником капитана, вместо «предателя» Флетчера. Остальные шесть офицеров (это были гардемарины) остались верными Блаю. Составили две команды гребцов, куда входили старшины и матросы, два кока, плотник Перселл, судовой казначей и два человека дворянского звания, которые будут грести наравне с другими: ботаник Нельсон и хирург Ледворд. Некоторое время плыли на веслах, потом подняли паруса. Блай рискнул причалить к острову Тофоа, чтобы пополнить, если будет возможно, запасы пресной воды и продовольствия.

На фоне вечернего неба вырисовывались острые гребни главной вершины острова, поднимавшейся на 600 метров над уровнем моря. Шапка облаков над ней оранжевого цвета, так как это был полупотухший вулкан. За милю от берега ветер совсем упал. Блай приказал взяться за весла.

— До утра к берегу приставать не будем,— распорядился он,— а то как раз угодим в руки туземцев.

Перед наступлением темноты он велел выдать всем по порции рома, как это издавна делали во всех морях мира капитаны всех кораблей, на которых развевался флаг английского военного флота. Обычай сохранял свою силу. Ром несколько ободрил измученных тревогой людей.

В девять часов утра баркас подошел к берегу в пустынной бухточке. Среди крупной гальки пляжа мясник Лэмб вывихнул ногу и тут же услышал проклятия Блая. Хирург стал осматривать вывих.

Берег оказался сухой, и морякам удалось собрать в углублении среди скал всего около шести литров дождевой воды. Ее разделили на всех поровну, так же как и небольшое количество хлеба.

— Мне кажется, наветренный берег будет зеленее,— сказал Блай.— Занять свои места! Идем в ту сторону.

Поднялся ветерок и даже стал крепчать. При первом же повороте волна с кормы чуть не потопила баркас.

— Всем, кто умеет плавать, выпрыгнуть за борт!— прогремел голос Блая.

Привыкшие беспрекословно подчиняться, несколько матросов прыгнули в воду. Облегченная лодка закончила поворот, и плывущие снова заняли в ней свои места. Подойти к желанному берегу оказалось, увы, невозможно. Неподалеку от бухточки были видны кокосовые пальмы, но вместе с ними и рифы. Самый молодой гардемарин и один из коков вызвались добраться до берега вплавь. Обвязавшись пеньковым тросом, они доплыли до острова и вернулись с одними лишь кокосовыми орехами. Не заметив нигде пляжа, Блай приказал идти обратно в бухту. На обед все получили по одному ореху.

— Надо экономить продукты!

На следующее утро новая попытка обойти вокруг острова опять окончилась неудачей. Пришлось еще раз возвратиться в бухту.

— Надо осмотреть этот обрывистый берег,— решил Блай.

Подъем был опасный и трудный. Пробираясь среди скал и лиан, помощник, боцман, ботаник Нельсон, хирург Ледворд и Блай одолели наконец эту стену, обнаружив наверху лишь ложбины да скалы. Вдали был виден вулкан. Баркас, стоявший у подножия обрыва стометровой высоты, казался совсем крохотным. На чахлах бананах, пробившихся среди камней, удалось найти три грозди плодов. Спуск был еще труднее, чем подъем.

На другой день на отвесный берег вскарабкался младший гардемарин Тинклер. У самого края одной из расщелин он увидел хижину и троих

ее обитателей: двух мужчин и одну женщину. Он сумел уговорить их спуститься вниз, к бухте. Они произносили непонятные слова и усиленно жестикулировали. Благодаря лингвистическому чутью Нельсона удалось понять, что основная часть населения острова живет с противоположной стороны, на зеленом наветренном берегу.

В обмен на две золоченые пуговицы от мундира Блая островитяне согласились дать немного воды и очищенных кокосовых орехов. Они обещали Нельсону привести к ним других людей. На следующий день прибыли две пироги, а со скал спустились еще туземцы. Всего собралось человек пятьдесят. Облик вполне мирный, все без оружия. Люди привезли с собой плоды хлебного дерева и несколько литров воды, обменяв все это на один носовой платок и пряжки от башмаков. Блай с помощью лупы, с которой он никогда не расставался, сумел, к изумлению туземцев, разжечь большой костер и велел испечь на нем самые крупные плоды хлебного дерева.

Ночью изгнанники с «Баунти» снова остались одни. Блай решил подождать возвращения островитян, обещавших снабдить их провизией. Моряки собрали все мелкие вещицы, которые могли бы послужить обменной монетой.

На рассвете прибыли две пироги. Привезли они только шесть плодов хлебного дерева и несколько литров воды. С берегового обрыва спустился в сопровождении свиты крупный мужчина, облаченный в какую-то мантию. Видимо, вождь. В руках у него было копье с наконечником из акулиных зубов. Жестами он потребовал, чтобы ему показали лупу, которая может зажигать огонь. Блау с большим трудом удалось получить ее обратно. Появился другой вождь, еще более важный, которого первый встретил очень почтительно. Блай подарил им рубашку и перочинный ножик. В благодарность они объяснили, что от них до самого близкого острова всего два дня пути и что плыть надо на запад-северо-запад. Нельсон, кое-как исполнявший роль переводчика, сумел заключить торговую сделку: в обмен на последние золоченые пуговицы с кителя командира туземцы привезли им клубней ямса. На этом торговля закончилась, так как вожди стали требовать лупу. Блай отказал им наотрез.

Отношения после этого сразу испортились. В бухточке было уже сотни две островитян. Дружеские жесты сменялись хриплыми криками и враждебными гримасами. Сохраняя спокойствие, Блай приказал своим людям погрузить в баркас печеные плоды как можно спокойнее, не привлекая внимания излишней спешкой. Это было выполнено без помех, а полученную от туземцев воду выпили на месте. И как раз в это время поднялся оглушительный шум — удары камней друг о друга. Нельсон уловил смысл одной фразы:

— Все вы сейчас умрете!

Блай подал команду. Англичане двинулись прямо на толпу туземцев. Захваченные врасплох, те расступились, освобождая проход к морю. Моряки бросились в баркас и схватились за весла.

— Якорь! — крикнул старшина Нортон.

Привязанный за конец троса якорь остался на темном песке пляжа.

Нортон бросился к нему бегом, но его тут же окружили туземцы.

Блай сразу обрубил канат, и баркас под градом камней стал отходить от берега. Нападающие бросились в пирогу. Началось преследование.

Легкая пирога настигала баркас.

— Снять куртки! — скомандовал Блай. — Бросайте их в море!

И на этот раз моряки повиновались не рассуждая. Чтобы подобрать неожиданные сокровища, туземцы прекратили погоню.

— Поднять паруса!

Ветер пришел на смену гребцам. Пирога осталась далеко позади.

Хирург Ледворд мог перевязывать раненых. У плотника Перселла и старшины Элфинстона были сильно рассечены головы, остальные отделались ушибами. Хором прочитали заупокойную молитву по несчастному Нортону, потом благодарственный молебен. В глубине души каждый из оставшихся в живых был благодарен присутствию духа у Блая, что очень помогло милосердию божьему.

Суровый урок принес свои плоды: теперь уж они не пристанут к неизвестному острову. Однако самым близким портом, где были европейцы, оставался все-таки Тимор в Нидерландской Индии. Блай торжественно взял на себя обещание довести туда своих людей.

— При условии полного повиновения. Покаянитесь в этом!

Все поклялись.

Порядок вахт, минимальный пищевой рацион, расписание рабочего времени экипажа — все было определено в точности. По выходе в открытое море началась, как и можно было ожидать, сильная качка. Чтобы уберечь продовольствие, приходилось непрерывно вычерпывать из баркаса воду. В море выбрасывали те немногие вещи, какие лишь с большой натяжкой можно было назвать лишними. 3 мая Блай подсчитал, что со времени поспешного отплытия с острова Тофоа они прошли 86 миль. Из крепкой веревки и тряпок смастерили подобие лага. Блай показывал пример выдержки, оставаясь у руля по восемнадцать часов подряд.

5 мая, в то время когда командир спал, четверо моряков закричали: «Земля!» Блай тут же протер глаза. Показался низменный остров, за ним другие острова.

— Это Фиджи, — сказал Блай.

— К какому острову будем приставать? — спросил Перселл.

Блай побагровел и почти закричал в ответ: после событий на Тофоа надо не останавливаться, а любой ценой обходить все острова. Ни один европеец их пока не исследовал, но, по словам капитана Кука, населены они были каннибалами. Никто не смел роптать. Острова остались позади. Потом встретились другие. От ночного холода, жажды, голодания, усталости люди теряли душевные силы, кое-кто начал тихонько жаловаться, но Блай все слышал. За каждой жалобой следовал суровый выговор.

Однажды на крючок, выброшенный позади баркаса, попался дельфин. У всех уже текли слюнки, и, когда животное сорвалось с крючка и исчезло, сам Блай крепко выругался. Несмотря на все, жизнь на баркасе была хорошо организована. При штормовой погоде вычерпывали воду, во время ливней старались собрать побольше дождевой воды, потом сушили на солнце вещи, жевали хлебные корочки, маленькими глотками пили воду, свой скудный дневной рацион. Спали, тесно прижавшись друг к другу. Естественные нужды отправляли через борт, стараясь держать баркас в чистоте. Блай строго следил за этим. Все его приказы исполнялись немедленно.

7 мая моряки, с силой налегая на весла, ушли от преследования туземных пирог. 8 мая погода снова была ясной, и командир решил побриться. Без воды и мыла. Вооружившись кое-как наточенным ножом, корабельный кок Смит исполнял роль цирюльника, оставляя иногда на щеках и подбородке Блая, стойко все переносящего, глубокие царапины. Примеру командира никто не последовал, все уже привыкли к своим бородам.

В тот же день Блай показал офицерам судовой журнал, где он аккуратно делал записи, не пропуская ни дня. На чистой странице капитан по памяти набросал карту:

— Вот место, где проходил, наверное, «Эндевор», между выступом Новой Голландии (так еще называлась тогда Австралия) и Новой Гвинеей. Это единственный проход, через который можно одолеть гряды рифов и достичь острова Тимор. Мне никогда не приходилось плавать в этих краях, но я слышал рассказы капитана Кука и запомнил все подробности.

Блай заставил офицеров выучить карту наизусть, «на случай беды», пояснил он. Однако никто теперь не мог даже вообразить, что они останутся без него. К вечеру 9 мая началась сильная буря, не стихавшая до полудня 12 мая.

— Мне кажется, что самое скверное осталось уже позади,—сказал Блай.

Чтобы все поверили в его оптимизм, он велел раздать по две ложки рому на каждого и по кусочку солонины. Ночью водяной смерч, а за ним ураган захлестнули и его оптимизм и баркас. Послушные дисциплине люди привычно вычерпывали воду, но каждый из них вверял свою душу богу. Ветер дул со скоростью 120 километров в час. Буря длилась всю ночь, целый день, еще одну ночь, но к утру 14 мая вновь наступило затишье и на горизонте показались острова.

— Капитан Кук говорил мне об этих островах,—сказал Блай.— Называются они Новые Гебриды.

Будет ли у них тут остановка? Никто не смел спросить об этом. Вблизи одного из островов Блай приказал спустить паруса. Улыбка озарила лица. Ступать по твердой земле, пить сколько хочешь воды и есть досыта! И вот эта сказочная мечта теперь сбывалась...

— Мистер Перселл,—обратился Блай к плотнику,—буря сильно пот-

репала грот. Постарайтесь привести его в порядок. Как только работа будет закончена, отправляемся дальше.

Перселл не двинулся с места. В первый раз плотник отказывался повиноваться. Молчание было томительным. Потом, все так же не двигаясь с места, Перселл заговорил. Он просил сделать остановку. От имени всех своих больных и обессиленных товарищей плотник требовал по крайней мере один день для отдыха. Блай встал со скамьи, страшный огонь блеснул в его глазах. Однако этот грозный порыв неожиданно стих перед обращенными к нему бледными, испуганными лицами.

— Кто согласен с Перселлом, поднимите руку!

Руку подняли два офицера и старшина. Но согласие светилось во всех глазах.

Блай размышлял. Все в тот момент притихли. Прошло две минуты.

Наконец Блай заговорил:

— Нет. К берегу не подойдем. Слишком велик риск.

Говорил он спокойным голосом, решимость его казалась непоколебимой. Перселл осмелился настаивать:

— Мы все слишком устали. Нам необходим отдых.

— Ты не имеешь права говорить от имени других,—ответил Блай.— Если ты действительно устал, я тебя высажу. Но только одного. Может, ты все-таки предпочтешь починить парус?

Плотник молча приступил к работе. Парус был уже почти готов, когда на берегу появилась кучка туземцев, кричавших что-то с явной угрозой. Силы Перселла удвоились. Туземцы уже садились в пироги, когда баркас смог поднять паруса, уплывая под градом стрел. Инцидент был исчерпан.

Не только усталость, но и страшная теснота на маленьком баркасе изматывала нервы моряков. Через несколько дней после случая с Перселлом офицер, раздававший еду, заметил пропажу довольно большого куска свинины. Блай допросил весь экипаж, обращаясь к каждому по очереди. Подозрение пало на кока Лэмба, но он отпирался, а прямых улик не было. Поскольку плетки тоже не было, наказания не последовало, но отношения между людьми испортились. 20 мая был солнечный день. Моряки увидели на поверхности моря нырявших за рыбой крачек.

— Значит, недалеко большая земля,—сказал ботаник Нельсон.— Возможно, это Новая Голландия.

— На Новой Голландии живут страшные дикари,—сказал Блай.

Совсем больной Нельсон стал говорить в каком-то полубреду. Со всеми научными подробностями он описывал всевозможные раковины, крабов, рыб, какие только можно было найти по берегам и в прибрежных водах материка, который командир считал проклятым. Остальные слушали его с жадным вниманием.

— Сегодняшняя порция хлеба,—перебил его Блай,—выдаваться не будет. Надо экономить продукты.

Протестовать никто не посмел. Кок Смит изловчился и схватил севшую в это время на баркас крачку.

— Кровь ее выпьет Нельсон,—сказал Блай.— Он самый больной среди нас.

Восемнадцать кусков кровавистого мяса и костей тянули по жребию: хирургу досталась голова, Блау лапа с перепонками. На другой день убили еще одну крачку, а днем позже сразу три птицы подкрепили силы изголодавшихся людей.

С приближением к экватору моряки стали страдать от жгучих лучей солнца. Из всяких тряпок, какие только у них были, Блай велел всем сделать чалмы.

— Покройте голову и каждые полчаса окунайтесь в море.

Уже довольно долго баркас шел вдоль рифов, на безопасном от них расстоянии. Гряда рифов казалась бесконечной и непрерывной. В каком же месте прошел через нее «Эндевор»? Ночью легли в дрейф. К утру ветер совсем затих, течение несло их на буруны.

— На весла!—приказал Блай.

Лишь у четверых хватило силы взяться за весла. Бросив руль, Блай тоже стал грести. И вот между рифами они заметили разрыв, за которым виднелась лагуна. Проход «Эндевора»!

При полном безветрии прошли через буруны. Лагуна, усеянная мелкими бесплодными островками, чуть дальше омывала два острова покрупнее, зеленых и лесистых. На одном из них они заметили песчаный пляж. Баркас мягко врезался в песок.

Шатаясь, словно пьяные, люди ступали по твердой земле. Самые бодрые перенесли больных, опустив их на теплый песок. Все, у кого нашлись силы, стали на колени, стянув с головы намотанные тряпки. Уильям Блай читал благодарственный молебен.

Первая настоящая еда после двадцати шести дней полуголодного существования казалась просто пиршеством. Сочные устрицы, сердцевина пальмы, которую, конечно, никто бы не додумался извлечь без указаний ученого Нельсона, а на десерт какие-то восхитительные плоды, несколько напоминавшие крыжовник. Родниковая вода была в неограниченном количестве, так же как и целительный сон.

На следующий день чуть окрепшие люди насобирали валежника и с помощью лупы капитана разожгли костер. В вынесенном на пляж котелке варились устрицы с сухарями и кусками сала. Была пятница 29 мая.

— Сегодня день Реставрации,—сказал Блай.— Я хочу назвать островок этим словом.

И по случаю хорошего настроения он позволил себе пошутить:

— Название это вдвойне заслуженно. Разве кто станет утверждать, что мы скверно восстановили тут свои силы?

Однако пришлось вытащить на берег баркас, пострадавший от шквалов, и Перселл получил приказ произвести починку. Он покорился, хотя и бормотал себе под нос проклятия и ругательства.

31 мая, когда Блай решил собираться в путь, моряки зароптали. Но у капитана словно был дар предвидения. Экипаж еще продолжал волноваться, когда появились туземцы с поднятыми копьями. После этого уже никого не пришлось уговаривать, что уходить надо побыстрее.

В последующие дни, проплывая мимо других островов, моряки замечали на их берегах темные силуэты обнаженных людей, нередко стоявших на одной ноге, упираясь в нее другой ногой, согнутой под прямым углом. Некоторые держали в левой руке какую-то штуку из дерева в виде треугольника. Моряки не могли понять, что это за странный предмет. Им ни разу не выпало случая увидеть летящий бумеранг.

Наконец Блай разрешил сделать еще одну стоянку в бухточке небольшого острова, казавшегося пустынным. И опять между капитаном и плотником вспыхнул спор.

— Покончим с этим раз и навсегда! — воскликнул Блай.

Он схватил нож и бросил Перселлу другой.

— Защищайся!

Шестнадцать изможденных зрителей не посмели вмешаться. Все стояли, затаив дыхание. Противники застыли на месте, в четырех шагах друг от друга. И тут Перселл бросил свой нож на землю. Он смирился и на этот раз. Блай принял его капитуляцию. Когда спокойствие было восстановлено, капитан сообщил, что баркас прошел 2390 миль, две трети расстояния, отделяющего остров Тофоа от Тимора.

12 июня вдали показался остров Тимор. Блай подходил к нему осторожно, помня утверждение Кука, что «часть острова» населена каннибалами. Тридцать шесть часов просматривали они берег и наконец при восходе солнца заметили форт, построенный наверняка не туземцами. Блая одолевало последнее сомнение:

— А что если, пока мы плавали, Англия с Голландией начали войну?

Как в таком случае отнесется к английским морякам голландский гарнизон? Но куда отступать? Выбора не было. Громким голосом капитан окликнул берег. Ни звука в ответ, ни единой души на берегу. Остальные моряки тоже стали кричать и прислушиваться. Никакого ответа. Берег был пустынным и безмолвным. Вдруг Нельсон показал куда-то пальцем: из-под деревьев вышел мужчина — смешная фигура в ночном колпаке. Блай окликнул человека:

— Эй! На берегу! Вы по-английски говорите?

Никакого ответа. Фигура на берегу исчезла. На баркасе теперь царил тревога. Что, если голландцы бросили форт, а этот оставленный ими ночной колпак напаял себе на голову какой-нибудь людоед? Может быть, даже туземцы отвоевали свой остров обратно.

Забавный часовой в колпаке появился вдруг снова. За ним следовал человек в морской форме. К морякам вернулась надежда. Начались переговоры на английском языке. Вскоре на берег вышел неожиданно проснувшийся голландский капитан, желая узнать, кто к ним пожало-

вал. Он разрешил им под свою ответственность пристать к берегу. Занималась заря. Когда более или менее здоровые моряки вышли из баркаса на берег, они уже оказались среди пестрой толпы любопытных, привлеченных сюда непонятным шумом и суетой. На берег выходили в порядке старшинства, больных несли на руках. Это была Купанга, столица Тимора. Голландцы оказали им гостеприимство, и в первую очередь губернатор Ван Эсте. Однако рассказам об одиссее англичан поверили не сразу.

В ожидании подходящего судна моряки отдыхали, лечились местными средствами, не очень эффективными. Нельсону уже ничто не могло помочь, организм его был слишком ослаблен. 20 июля 1789 года ботаник скончался. Когда шестнадцать моряков опускали его в землю, им показалось, что в глазах Блая блеснули слезы, хотя Перселл уверял, что это было просто от слишком яркого солнца.

Оставшиеся семнадцать человек отправились в Батавию, откуда можно было попасть в Англию. Для старшины Холла, для одного из коков и для Элфинстона этой мечте не суждено было сбыться: в Батавию доставили на носилках покрытые язвами мощи, и больше они уже не встали. Здоровые товарищи похоронили их. На родину вернулось только четырнадцать человек.

В графстве Кент Блай нашел свою жену. Мы ничего не знаем об этой встрече. Известно только, что в последующие дни капитаном владела лишь одна мысль: поскорее выйти в море и разыскать «своих» мятежников, чтобы передать их потом в руки палача. Но для начала капитану Уильяму Блау самому пришлось предстать перед военным судом, так как к потере судна Адмиралтейство всегда относилось строго. Несмотря на тяжкие улики Перселла, капитан был оправдан. И вот наконец Блай смог отправиться на поиски Флетчера и других мятежников. Он их не нашел. Отведя его руку, провидение само решило вмешаться, как мы сейчас увидим.

После того как Блай и его приверженцы были изгнаны с «Баунти», судно направилось к ближайшему острову Тубуаи, в 300 милях к югу от Таити.

— Обоснуем на нем колонию,— говорили восставшие,— и заживем как братья.

Высадившись на остров, они сразу увидели, что там не было самого необходимого, чего требовал их замысел,— женщин. Посовещавшись, решили вернуться за женщинами на Таити, выбрать самых привлекательных и обманом увезти на Тубуаи.

— Капитан Блай открыл замечательный, плодородный остров,— объявили они на Таити.— И вот он прислал нас сюда за женщинами, чтобы заселить этот необитаемый остров.

Им удалось уговорить женщин, а также некоторых мужчин, не из самых лучших. На Тубуаи, острове отнюдь не райском, все эти люди быстро почувствовали разочарование. Начались ссоры и потасовки. Флетчер был не в силах навести порядок, к тому же все решения

принимались теперь общим голосованием. Большинство высказалось за возвращение на Таити. Шестнадцать моряков вернулись туда с туземцами. Все они вскоре были перебиты в драках или, попав в руки английских властей, повешены.

Остальные мятежники долго на «Счастливом острове» не задержались, не без основания думая, что больше там потеряют, чем найдут. По-прежнему на шлюпе «Баунти» они взяли курс на юго-восток, и больше о них никто не слышал.

До того самого дня в 1808 году, когда капитан промыслового суденышка «Топаз», сделав остановку на острове Питкерн (1300 миль к юго-востоку от Таити), с удивлением встретил там седовласого англичанина, который сказал ему:

— Меня зовут Александр Смит. Я последний оставшийся в живых из всей команды Флетчера, помощника капитана «Баунти».

Остальные, объяснил он, давно перебили друг друга. Однако до этого трагического эпилога некоторые из них успели завести семью. До сих пор на Питкерне можно увидеть метисов, детей мятежников с «Баунти».

Невозможность мести еще сильнее ожесточила Блая. Кое-какое утешение он находил лишь в карательных экспедициях. Его послали, например, подавлять восстание английских моряков в устье Темзы. Он принимал участие в обстреле Копенгагена. В 1805 году его назначили губернатором Нового Южного Уэльса в Австралии. В то время столица Сидней была всего лишь исправительной колонией. Подопечные Блая, люди, выдавшие виды, не могли вынести установленного им режима. Снова вспыхнул мятеж. Поскольку все происходило на твердой земле и Блая нельзя было посадить в плавучую тюрьму, мятежники заключили его в крепость. Чтобы вызволить грозного капитана, потребовалось вмешательство присланного из Англии полка. Начальство Блая рассудило, что его карьера губернатора должна на этом завершиться. Он вышел в отставку и поселился в своем имении в графстве Кент, где и умер в 1817 году в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Крутой нрав, жестокость, отвага, надменные манеры, прямолинейность и нетерпимость — никто не может сказать, в какую сторону склонилась чаша весов, когда беспощадный Уильям Блай предстал перед Страшным судом. Вызывая восхищение немногих, ненависть большинства, он бесспорно остается героем одного из самых удивительных приключений Тихого океана.

VIII

Современные пираты

В воскресенье 30 мая 1965 года было еще совсем темно, когда командир «Доньи Паситы» второй раз напомнил своему помощнику, чтобы он поторопился с посадкой пассажиров.

— Мы всегда нарушаем расписание. Старик будет драть глотку.

Старик—это владелец парохода, управляющий компании Го-Тонг. Город Себу еще спал, но порт был хорошо освещен, и под мощными прожекторами блестели цветные кузова больших американских автомобилей, непрерывно исчезающих в кормовой части «Доньи Паситы». Остров Себу, самый населенный на Филиппинах, насчитывает вместе с соседними островками полтора миллиона жителей. Несмотря на сложный рельеф острова, там выращивают кукурузу, табак, сахарный тростник, кокосовую пальму, абаку—особый вид банана, дающий манильскую пеньку. Есть на острове угольные шахты. Большую роль в экономике играет рыболовство.

В городе Себу, расположенном с восточной стороны острова, больше 300 000 жителей. Это второй порт на Филиппинах по тоннажу и первый по числу судов. Здесь в 1521 году Магеллан устроил продолжительную стоянку и погиб неподалеку от Себу, у берегов островка Мактан.

В то воскресенье, 30 мая 1965 года, филиппинцы с бронзовой кожей разных оттенков и в яркой одежде, так же как и более скромно одетые китайцы (на Филиппинах их 400 000), поднимавшиеся в предрассветные часы на борт «Доньи Паситы», не вспоминали, конечно, о Магеллане, и едва ли многие из них вспоминали страшные битвы на суше, на море и в воздухе, что разыгрывались в тех краях во время второй мировой войны. Все они просто отправлялись в курортное местечко неподалеку на острове, собираясь провести воскресный отдых с семьей или подругой.

Посадка закончилась, убрали сходни, заревел пароходный гудок. «Донья Пасита» вышла из гавани и взяла курс на юг. В небе сиял яркий диск полной луны, освещаая спокойное море. Из репродукторов лилась музыка. Пассажиры заполнили бары и буфеты, пили и закусывали, хотя еще не рассветало. Заря в тропиках разгорается внезапно, быстро поглощая лунный свет.

«Донья Пасита» встретила на своем пути несколько грузовых судов, на которых горели лишь ходовые огни, потом ярко освещенный небольшой пароходик, три или четыре раза менявший курс, чтобы не сбить лодок рыбаков, так что вахтенный офицер посылал ему через мегафон проклятия. А дальше было только спокойное море, затянутое туманом.

Примерно через полтора часа после выхода из Себу где-то далеко впереди на море вдруг засветились два белых ярких огня, похожие на фары большого автомобиля. Вахтенный офицер на мостике чертыхнулся и велел позвать капитана.

— Взгляните,— сказал он,— это прожекторы, а не ходовые огни.

Большинство пассажиров не обратило внимания на его слова. Все с любопытством следили за приближавшимися огнями. Свет луны несколько померк от них, а на горизонте с северо-востока уже поднималось другое сияние: рассвет, который через минуту вспыхнет зарей, возвещаая приход нового дня. Но пассажиры не смотрели в ту сторону. Перемену они осознали лишь в то время, когда приближавшиеся мощные прожекторы вдруг разом погасли и на их месте на светлой поверхности моря появились темные очертания двух судов, продолжавших очень быстро идти вперед одинаковым курсом. На пассажиров это произвело гнетущее впечатление.

Полтора года назад, а именно на третий день рождества 1964 года, все филиппинские газеты поместили волнующие заметки о нападении на туристский пароход «Бэтс» в заливе Лейте. Его обстреляло какое-то пиратское судно, и бандиты пытались подняться на борт. Капитан, стараясь оттянуть время, вступил с ними в переговоры, а потом сам выстрелил по нападавшим, ранив двоих. Он сразу понял, что происходит, и, как только к ним приблизилось незнакомое судно, вызвал полицию из Лейте. Большой черный полицейский катер прибыл в то время, когда пираты, отказавшись от нападения, ушли в открытое море.

Возможно, пассажиры «Доньи Паситы» вспомнили этот случай, наблюдая, как приближаются к ним два быстроходных судна. Теперь они уже не казались такими темными, а еще через минуту, когда из-за горизонта брызнут лучи солнца, в их свете станет видно, что одно из судов синего цвета, другое желтого. Это были мощные катера. Две широкие струи у них за кормой смыкались друг с другом, а у форштевней высоко поднимались усы белой пены. Безмолвно, неподвижно стояли на палубе пассажиры. Кое-кто спустился в каюты.

Слово «пираты» никогда не выходило из употребления на просторах

Тихого океана, особенно в азиатской его части. После второй мировой войны присутствие американских войск в этих водах приостановило морской разбой, но потом он снова начался у берегов Китая и в обширном Филиппинском архипелаге. Нападать на американские пароходы, возившие свои грузы и туристов на остров Гуам, ни один из пиратов не отважился бы, но независимая республика Филиппины находилась в то время в сильном политическом брожении.

В небе плыл еще бледным призраком большой диск полной луны, но восходящее солнце уже высветило синеву моря. Оба катера, находившиеся теперь совсем близко, замедлили ход. Можно было разглядеть людей на палубах. Они были в синих джинсах и в синих или защитных рубашках, кое-кто в маскировочной одежде. У всех в руках автоматы или ружья. Женщины на борту «Доньи Паситы» начали плакать, мужчины старались их образумить. Впоследствии, когда корреспонденты газеты Себу брали у пассажиров интервью, те рассказали, какие в то время мысли владели ими: «Самое главное — не оказывать никакого сопротивления» — и еще: «Хотя бы капитан вызвал по радио полицию! Но поспеет ли она вовремя?» Никто из пассажиров не знал, что капитан уже десять минут вызывает полицию Себу, не получая никакого ответа. Как потом выяснилось, радио на судне было умышленно отключено, так что передающая антенна не посылала в эфир никаких сигналов. Никто не знал также, что в сейфе в каюте капитана лежит сумма в сто тысяч песо, предназначавшаяся для оплаты партии хлопка, закупленного в Масбате.

Катера еще сбавили ход, и синий, выписывая восьмерки, стал кружить около «Доньи Паситы». Чтобы не столкнуться с ним, капитан приказал остановить судно и даже дать задний ход. Катера очень медленно подходили с левого борта к пароходу.

Пришла ли в голову капитана пагубная мысль или его приказ был неверно истолкован, но только в это время вдруг заработали двигатели и за кормой забулрила вода. С синего катера ударила автоматная очередь. На мостике упали два матроса, на палубе три пассажира.

Послышались крики женщин, тут же смолкнувшие, и наступила полная тишина. На синем катере вновь завели моторы, чтобы подойти к пароходу. Матрос спустил трап.

Капитан решил не оказывать сопротивления, ничего другого ему ведь и не оставалось. На желтом катере пираты все еще стояли на палубе с ружьями и автоматами в правой руке, тогда как их товарищи с синего катера стали подниматься на борт «Доньи Паситы». Море вокруг было пустынным, кое-где серебряными молниями сверкали летучие рыбки. Луна совсем померкла. Матросы переносили раненых в медпункт.

Над палубой показался первый пират с автоматом в руках. Он остановился, направил оружие на стоявших поблизости пассажиров,

тогда как его товарищи поднимались друг за другом на корабль. Всего их было семь человек. Поднявшийся последним (это был, видимо, главный среди них) кивнул в сторону мостика и двинулся туда в сопровождении еще двоих.

Другие пираты, оставшиеся для острстки пассажиров на палубе у трапа, не были особенно свирепы на вид. Никто из них еще не вымолвил ни слова. Те трое, что направились к мостику, назад вернулись не скоро. Мало-помалу дети, оставшиеся на палубе, стали разбредаться в разные стороны, от них не отставали родители, и тогда кто-то из пиратов произнес несколько кратких, повелительных фраз, приказывая пассажирам очистить палубу. Пираты никого не подталкивали, достаточно было чуть пошевелить автоматом, чтобы все мужчины, женщины и дети мигом оказались внизу.

В барах и салонах пассажиры сидели сначала молча, прислушиваясь к тому, что происходит на палубе. Но ожидание было долгим, начались разговоры. Как там капитан и офицеры? Убили их уже пираты или только собираются убить, угоняя корабль бог знает куда? Где они начнут грабить «Донью Паситу», будут ли отбирать у пассажиров ценности и возьмут ли с собой заложников? В прошлом году пираты, появляясь в разных местах, увозили заложников, чтобы полиция не устраивала погоню. Полиция отступала, и заложники всегда возвращались живыми.

Ожидание все затягивалось. Пассажиры искали, куда бы спрятать свои бумажники и драгоценности. Иные пожимали плечами, предпочитая дать себя ограбить без сопротивления и не прибегая к хитрости. Несколько мужчин осторожно пробрались на палубу, чтобы узнать, как там обстоят дела, и, вернувшись, сообщили, что пираты охраняют все трапы. Временами слышны были шаги на палубе. Бармены закрыли буфеты и отказывались выдавать напитки, за исключением воды для детей.

Как расскажет потом на следствии капитан, он не признавался сначала, что на корабле находится сумма в сто тысяч песо, но затем, когда угрозы стали решительнее, пытался спорить, чтобы не отдавать пиратам всех денег. Это ни к чему не привело.

Похищение этих ста тысяч песо для пассажиров было в какой-то мере выгодно, так как пираты оставили всех в покое, не пытаясь отбирать кошельки и драгоценности. Снова послышались шаги на палубе, потом все стихло. Наконец на пиратских судах взревели мощные моторы, и постепенно шум их стал затихать вдаль.

Через несколько минут капитан объявил по радио, что пассажиры могут свободно передвигаться по кораблю, но что «Донья Пасита» должна идти обратно в Себу, так как пираты похитили огромную сумму денег. Необходимо сообщить обо всем полиции.

Упоминание о полиции вызвало громкое возмущение. Почему полицейские не пришли на помощь «Донье Пасите»? Ведь был уже подобный случай. Но раздавались и другие голоса, утверждавшие, что вмеша-

тельство полиции могло закончиться перестрелкой, а так все обошлось в общем благополучно, если не считать пятерых раненых, о которых теперь все уже забыли. К счастью, никто из них впоследствии не умер.

После ухода пиратов двум радистам на судне удалось обнаружить отключенный передатчик и связаться с Себу, поэтому, как только «Донья Пасита» прибыла в порт, перед нею оказался черно-белый полицейский катер.

— У пиратов были сообщники и в аппарате компании Го-Тонг, и на борту «Доньи Паситы».

Таково было твердое убеждение комиссара Мангубата, начальника полиции Себу. Из Манилы прибыли сыщики. Все моряки и офицеры парохода, так же как и служащие компании Го-Тонг, подверглись тщательному допросу, а потом за ними была установлена слежка. Не избежал подозрения сам капитан парохода и даже директор компании, так как у него была надежная страховка на случай всякого рода убытков, в том числе и грабежа его судов. Однако этот умный китаец очень хорошо знал, как отвести от себя подозрения. Результат первой части расследования равнялся нулю, и надо сказать, что вопрос о сообщниках так *никогда* и не выяснился.

Через несколько дней после нападения на «Донью Паситу» полиция вызвала человек пятьдесят пассажиров, выбранных наугад, и им стали показывать на экране фотографии рецидивистов. При демонстрации второй фотографии два коммерсанта из Себу одновременно воскликнули: «Этого я узнаю!» Оpoznанный человек руководил когда-то налетом на один из их магазинов. Сотрудник полиции записал два имени: Исабело Майор, Бонито Фабукар. Два бывших каторжника. Исабело Майор, главарь банды, был человек решительный и умный.

Во время этой беседы один из пассажиров заявил:

— Среди пиратов была женщина. Когда наш пароход остановился, я был как раз в туалете и через его открытый иллюминатор слышал, как кто-то на синем катере сказал: «Быстрее, мы выпускаем время». Я уверен, что это был женский голос.

У полицейских не было фотографии женщины, но они думали, что в налете на «Донью Паситу» могла принимать участие Ховита Галиндо, подруга Исабело Майора, женщина 31 года. 5 июня она была арестована. 13 июня арестовали еще троих подозреваемых людей. Как только возлюбленная Исабело Майора оказалась в их руках, полицейские через ее посредство начали переговоры с главарем банды, уговаривая его сдаться. Переговоры затянулись.

22 июня начальник полиции Себу получил по коротковолновому передатчику сообщение от своего коллеги из Лейте:

— Вновь появился один пиратский катер. Синий. Банда высадилась в Баррио-Силлон, на Бантаяне. На этот раз есть убитый: Бернабе Саденелло.

— Судовладелец?

— Так он себя именовал, хотя у него лишь четыре рыбацкие лодки. Люди Майора уложили его из автомата, так как он оказывал сопротивление, стреляя из револьвера. В стычке была ранена жена Саденелло и обе его дочери. Ограбив дом, где они забрали наличные деньги и драгоценности, пираты удалились. Стоимость всего похищенного еще не установлена, но она значительна.

— Ты уверен, что это люди Майора?

— Я был бы удивлен, если бы они вздумали продать или одолжить кому-нибудь свой синий катер. Я просил подкрепления из войсковых частей. Советую тебе сделать то же самое. Кончаю разговор.

Начальник гарнизона Себу дал полиции подкрепление. Двадцать человек были разосланы по четырем населенным пунктам на побережье.

Этих четырех отрядов по пяти человек оказалось слишком мало. 4 августа на пляжах двух городков на восточном берегу острова Себу высадилось пятнадцать человек, вооруженных автоматами Томсона. Действовали они уверенно и точно, бросившись прежде всего к полицейскому участку, где они обезоружили и связали всех людей. Затем ограбили почтовые отделения и ювелирные магазины и с наступлением темноты скрылись на двух моторных катерах, на этот раз неопознанных. Жители успели заметить лишь огонь выхлопных труб на удалявшихся катерах. Ни один солдат не вмешался.

Неделю спустя, 10 августа, на острове Палаван (к юго-западу от Мандоро), когда солнце только что скрылось за горизонтом после жаркого, душного дня, на набережной в Пуэрто-Принсеса, на восточном берегу, царило оживление. В магазинах уже зажглись огни, так как сумерки в тропиках всегда очень коротки. Гулявшие в это время на набережной две красивые четырнадцатилетние девочки (на вид им было восемнадцать), нарядные, хорошо причесанные (Дуся Отто и Фатима Маналоди), оказались вдруг в окружении прилично одетых мужчин, которые без лишних церемоний вынули пистолеты.

— Идите с нами и ни звука. Если не будете кричать, вреда вам никто не причинит. Через час вы будете на свободе.

Одна из девочек собиралась крикнуть, но тут же раздумала. Гуляющие проходили мимо, не обращая на них никакого внимания. Гангстеры вошли с заложницами в ювелирный магазин.

— Нам нужны драгоценности вот для этих девушек. Вы их знаете? Хозяин магазина, китаец, увидел револьвер и ничего не ответил. Бандиты уже опустошали витрины.

— Покажи свой сейф. Живо!

Они заставили отдать все деньги, какие только были в магазине.

— Привет. Если вы позвоните в полицию раньше, чем через три часа, эти девочки будут убиты.

Таким же образом бандиты действовали в других магазинах и частных домах. Налет их продолжался два с половиной часа, потом они

привели обеих девочек в гавань. Те чуть не умерли от страха, когда увидели огни мчавшихся к молу автомобилей. Это была полиция, которую в конце концов все же предупредили. Не причинив девочкам никакого вреда, пираты бросились к катерам и на предельной скорости скрылись в ночной темноте.

Через день министр внутренних дел созвал в Маниле всех начальников полиции Филиппин, пригласив также командующего военно-морским флотом и двух генералов. Спустя четыре дня на главных островах были приведены в боевую готовность вооруженные моторизованные отряды, державшие радиосвязь с морскими частями, которые прочесывали внутренние моря архипелага, а также море Целебес к югу от него и воды Тихого океана к западу и востоку от островов. Охранялись подступы ко всем портам.

22 августа четыре катера под государственным флагом и с полицейским знаком вошли в порт Замбоанга на полуострове того же названия (западная часть Минданао). На пристанях толпились любопытные.

— Теперь мы хотя бы под защитой!

А через минуту мнимые полицейские открыли огонь из револьверов. Как покажет потом расследование, стреляли они сначала в основном в воздух, чтобы нагнать страху. Но в это время в порт прибыли настоящие полицейские и стали стрелять в переодетых пиратов, так что через несколько минут уже было четверо убитых (два полицейских и два пирата) и несколько раненых. Но настоящим полицейским пришлось отступить под натиском бандитов, более многочисленных и лучше вооруженных. Налетчики разгромили телефонную станцию, ограбили многие магазины и богатые дома. Полицейская форма облегчала им задачу. Жителей охватывала паника оттого, что они не могли отличить нападающих от защитников. Целых три часа держали бандиты Замбоангу в своей полной власти, а по возвращении на катер унесли с собой трупы двух убитых товарищей.

На другой же день, когда еще не была определена общая стоимость похищенного, власти приказали начать расследование, чтобы решить, может быть, самый важный вопрос: где, когда и каким образом гангстерам удалось раздобыть полицейскую форму?

Расследование и впрямь не терпело отлагательств, так как через день после налета на Замбоангу точно таким же образом был разграблен город Лабасон на том же полуострове. Одетых в полицейскую форму пиратов удалось сосчитать: сорок один человек. Они захватили почтамт и ратушу, грабили дома и магазины. Операция продолжалась три часа. Добыча в наличных деньгах — 100 000 песо. Пятеро убитых, из них один бандит, труп которого налетчики забрали с собой. Они, конечно, всегда старались не оставлять после себя убитых, опасаясь, что их опознают.

Несмотря на всю дерзость и эффективность пиратских налетов, филиппинские власти не потеряли присутствия духа. Для розысков пиратов и защиты от них в действие были введены армия, флот и

авиация. Усиленно стали следить за магазинами, продававшими оружие и полицейское обмундирование. Радио Манилы предупреждало жителей об опасности, а временами кто-то посылал в эфир непонятные сообщения, какие во время войны передавали подпольные радиостанции. Они предназначались для Исабело Майора, уведомляя его, например, о том, где он может найти записку от своей возлюбленной Ховиты Галиндо, все еще находившейся в руках полиции. Все полицейские получили приказ стрелять в Исабело Майора при первом же его появлении, но переговоры все-таки продолжались. Чтобы остановить террор, все средства были хороши. Центральные власти не могли, конечно, обещать главарю пиратов безнаказанность, в случае если он сдастся, ему просто предлагали выбор между тюрьмой и риском быть продырявленным пулей во время перестрелки. Майор, очевидно, предпочел риск и даже захотел показать, что его люди могут действовать открыто, не пользуясь полицейской формой.

29 августа, через день после налета на Лабасон, два десятка пиратов в обычной одежде ограбили прибрежный город Тубай, заставив открыть сейф на почте и угрожая жителям карабинами и автоматическими пистолетами. Никто, однако, не был ни убит, ни ранен. Возможно, на Исабело Майора переговоры все же подействовали, и он решил не проливать лишней крови. Но ответные действия человека, за которым гонятся, заранее не предскажешь.

1 сентября вертолет Морского ведомства послал начальнику полиции острова Масбате сообщение: «С двух больших катеров высадились подозрительные люди». И далее точно указывалось место высадки — пустынный пляж у подножия лесистой горы. Высадившиеся, наверное, заметили вертолет и поспешили скрыться в лесной чаще. На сей раз полиция, однако, успела вмешаться. Ей удалось перехватить этих людей, когда они пробирались из леса к большой дороге с оживленным движением. Как было сказано в отчете, там произошла «кровавая стычка, длившаяся минут двадцать». Из десяти бандитов один был убит, шестеро сумели скрыться, трое захвачены в плен. В числе троих был Исабело Майор. Начальник полиции Масбате послал в Манилу радостное сообщение.

26 марта 1966 года Исабело Майор и еще семь человек из его банды предстали перед судом, и все были приговорены к пожизненному заключению. Обычно в европейских странах человек, осужденный на вечное заключение, рано или поздно оказывается на свободе. Однако в иных странах длительное пребывание в тюрьме не слишком улучшает здоровье. Мало вероятно, чтобы Исабело Майор смог когда-нибудь вернуться к своей пиратской деятельности.

Так, без сомнения, думали филиппинцы обоего пола и разного возраста, пившие вино и танцевавшие на террасе у моря в ночном клубе курорта Талисей на острове Себу, километрах в десяти от большого города с тем же названием. В ночном клубе было и

Манила, фактическая столица Филиппин. Население полтора миллиона человек, кварталы современной застройки, несколько университетов... Но Филиппинский архипелаг насчитывает одиннадцать крупных островов и более семи тысяч мелких. Это идеальное место действия для последних пиратов Тихого океана

несколько китайских пар, мужчины в белых смокингах, женщины в красивых, очень открытых платьях. Страх перед пиратами уже стал

Начиная с XVI века царьки и знатные лица на Филиппинах носили роскошную одежду, вывезенную из Китая. Приезжали на острова и купцы из Аравии

ослабевать повсюду на Филиппинах, но атмосфера ночного клуба в Талисее была особенно веселой и безмятежной. Ноябрьские ночи на Филиппинах необыкновенно хороши, лучше, чем весной, когда нередко проливные дожди и даже ураганы. Пальмы за террасой ночного клуба почти не шевелились. Оркестр играл главным образом слоу и танго. Когда он смолкал, было слышно, как плещутся у берега волны Тихого океана.

С другой стороны террасы через большие открытые окна была видна внутренняя часть хорошо освещенного помещения, где вокруг игорных столов теснились люди. У филиппинцев и китайцев азарт игроков в крови.

В два часа ночи на террасе появился метрдотель и провел к двум столикам поодаль от танцплощадки филиппинских офицеров, так как других свободных столиков не оказалось.

— Смотрите, это рейнджеры,—с восхищением шептали женщины.

Офицеры действительно были в щегольских черных мундирах этого корпуса и все недурны собой.

Они о чем-то говорили, оглядываясь вокруг, словно их не устраивали предложенные метрдотелем столики. В следующий миг все они выхватили из кобуры револьверы и стали стрелять. В воздух и в витражи по бокам террасы. Звон разбитого стекла сливался с криками женщин. Оркестр умолк.

Ни у кого из посетителей ночного клуба не было сомнений, что почта, ратуша и здание полиции уже в руках таких же мнимых рейнджеров. При этом никакого шума, ни единого выстрела. В километре от города к берегу пристали три лодки, и пираты в своей черной форме скрылись в темноте. Вступив в Талисей, они разделились на три группы, одна направилась к почте, другая к ратуше, третья к полицейскому отделению. План у них был отлично разработан, а арест Исабело Майора их нисколько не смутил. Они были хорошо обучены своим главарем и намеревались продолжить его дело.

— Не двигаться с места. Руки на голову.

Действовали налетчики очень уверенно. На террасе двое из них собирали в мешки из черной материи драгоценности и бумажники. В наступившей тишине было слышно, как звякают, падая в мешок, драгоценности. Только эти звуки да шум набегавших на берег волн нарушали тишину. В городе, казалось, был полный покой.

Другие пираты занимались тем же самым делом в игорном зале, где жатва была особенно обильной: содержимое кассы и игорных столов, бумажники и сумочки, драгоценности.

— Мы просто все тусы!—крикнул кто-то из мужчин.

Это был главный редактор газеты Себу. Удар рукояткой револьвера в челюсть. Он застонал, выплевывая зубы. Избиты или слегка ранены были все, кто пытался сопротивляться: китайский коммерсант, директор ночного клуба, привлеченный выстрелами полицейский, страж безопасности, кассир. Ни одна женщина не пострадала.

Уходя, пираты увели с собой как заложника директора курортного управления.

— Если нас не будут преследовать, мы отпустим его, как только окажемся на катере.

Полицейские были связаны и заперты в своем участке, и у пиратских лоцманов было достаточно времени, чтобы провести суда от места высадки в порт. По пути к порту пираты выстрелами из револьверов сбивали электрические лампочки на набережной. Когда все налетчики оказались в сборе, освободили заложника и поднялись на катер. Над спокойным морем зарокотали мощные моторы. Полиция и войсковые части прибыли только через полчаса.

Филиппинский архипелаг состоит из одиннадцати крупных и более чем *семи тысяч* мелких островов и островков. Как среди этого бесконечного множества всевозможных укрытий обнаружить пиратов? Тем более что на большей части этих островов нет ни ратуши, ни полицейского участка, ни почты. Ни одного представителя власти и никакой возможности связаться с кем-либо из них.

Туземцы некоторых островков живут первобытной жизнью, добывая себе пропитание рыболовством, охотой и даже собирательством, как в доисторические времена, а те, что живут ближе к крупным сельскохозяйственным островам, более развиты. В общем на архипелаге можно увидеть все ступени цивилизации. То же самое можно сказать и о многочисленных островах у северного побережья Борнео.

6 сентября 1965 года, в середине дня, рыбаки одного из этих островков, Малавали, чинили на берегу свои сети. Были они не в набедренных повязках, как их отдаленные предки, а в выцветших рваных шортах, знавших не одного владельца.

Один из них что-то сказал, показывая кивком головы на море против пляжа. Все посмотрели в ту сторону. На поверхности воды что-то двигалось, и это не была рыба. Там плыл человек. Он выбрасывал вперед руки, но плыл очень медленно, должно быть, сильно устал. Туземцы вскочили на ноги, двое из них столкнули в море пирогу и взялись за весла.

Привезенный на берег человек оказался филиппинцем. Он был в одних полотняных брюках, но подстрижен по-городскому и носил золотое кольцо. На левом плече у него зияла рана, посиневшая от морской воды. Опытный глаз сразу бы увидел, что это огнестрельная рана. Человек лишь сумел показать жестом, что приплыл с соседнего острова Страглер. Туземцы отвели его в ближайшую хижину и разожгли костер. Обессиленный, он тут же заснул. Проснувшись ночью, попросил воды и снова погрузился в сон. С раннего утра, присев на корточки у входа в хижину, его пробуждения ждал уведомленный рыбаками вождь деревни.

На Филиппинах существует три официальных языка: английский, испанский и тагильский—диалект северной группы индонезийских языков. Языки разных островов в сущности принадлежат к одной

группе, так что вождь деревни мог свободно вести разговор с этим необыкновенным пловцом. Человек подтвердил, что приплыл с острова Страгглер и что теперь он хочет есть. Туземцы накормили его рыбой и фруктами, и разговор продолжался.

— Сейчас мы пойдем с вами в полицию,— сказал вождь деревни.

У вождя был транзистор, подаренный ему начальником полиции Кудата, городка на северном берегу Борнео, так что он слышал о пиратах, бесчинствовавших с весны на архипелаге. Его нравственные законы ничего ему не говорили ни за, ни против пиратства, но он думал, что, если приплывший окажется пиратом, комиссар полиции Кудата с радостью заберет его и так или иначе будет благодарен ему, вождю деревни острова Малавали.

— В полицию?— переспросил незнакомец.

Он смотрел на вождя и на троих крепких парней, расположившихся у входа в хижину.

— Вы пират?— с надеждой в голосе спросил вождь.

— Нет, я торговец. И пираты как раз напали на мое судно. Они убили пять человек, а меня ранили.

— Так пойдемте в полицию.

Это, видимо, не привело человека в большой восторг, но выбора у него не было. Туземцы залепили ему рану пластырем из каких-то растений, дали старый рваный свитер и повезли на пироге в Кудат.

Начальнику полиции Кудата уже было известно, что на берегу острова Страгглер обнаружены два продырявленных пулями труп.

— Всего было убито шесть человек. На нашем судне из револьвера застрелили пятерых. Я и один мой родственник, раненые, выпрыгнули в море и поплыли. Он был ранен сильнее меня и утонул. У меня очень болит плечо, наверное, пуля застряла внутри. Хорошо, если б в больнице меня осмотрели врачи, а еще мне хотелось бы позвонить домой в Замбоангу.

— В Замбоангу отсюда позвонить нельзя, но вашу семью я извещу по радио, а вас отправлю в больницу Кудата.

— Больница здесь, наверно, совсем маленькая?

— Не хуже, чем в Замбоанге. Вас там осмотрят, а потом, как только будет возможность, отвезут в Замбоангу. Сколько было пиратов? И какое у них судно?

— Мне кажется, их было пять человек, и прибыли они на быстроходном катере.

— Какого цвета?

— Желтого. А нас было семеро на паруснике с подсобным мотором. Не знаю, что с ним стало.

— Наверно, пираты взяли его на буксир и увели с собой. Можете точно указать время, когда они на вас напали?

Комиссар полиции сам записывал ответы. Через некоторое время раненый вновь пожаловался на боль в плече. Комиссар еще спросил у него, какой груз был на паруснике, на что тот отвечал уклончиво.

— Ну ладно, разные товары, а конкретнее? Ведь вы единственный, кто спасся. Вы, конечно, собираетесь сделать заявление своему страховому агенту?

— У нас не было полной страховки.

Впоследствии этот вопрос несколько прояснился. На судне филиппинских «негоциантов» были контрабандные сигареты. Схваченные несколько позднее пираты признались, что взяли на судне 439 ящиков сигарет на сумму 7000 малайских долларов, или 2330 американских. Это были остатки банды Исабело Майора. Им даже не пришлось в голову перекрасить свой желтый катер, и они убили шесть человек без крайней необходимости.

Как видно из уголовной хроники Филиппин с 1964 по 1967 год, Исабело Майор стремился, чтобы налеты его были хорошо организованы, без лишних жертв, но после его ареста пираты стали действовать иначе, всегда с пролитием крови.

Возможно, это они совершили нападение на суда, плывшие в январе 1966 года с Борнео на Минданао. Агентство Юнайтед Пресс перепечатало статью корреспондента «Санди Таймс» в Джесселтоне, излагающую эти события.

Филиппинцы постоянно уезжали (уезжают и теперь) тайно, без паспорта, на восточное побережье Борнео и нанимаются там на работу. Через два-три года они вновь возвращаются на Филиппины, совсем или на время отпуска.

Люди, плывшие в январе 1965 года к острову Минданао, везли с собой сбережения за три года. Эти суда, залитые кровью, как после тяжелой битвы, без единого человека на них, были найдены в море. Все пассажиры бесследно исчезли.

К прежним сообщникам Исабело Майора присоединялись другие пираты, никогда его не знавшие. В банде, совершавшей налеты с моря на прибрежные городки островов Сан-Нарсисо и Карамоана, было уже пятьдесят человек. Хроника их преступлений дает еще одно свидетельство деградации — случаи изнасилования молодых девушек. Ни в полицейской, ни в военной форме, как во времена Исабело Майора, они уже больше не появлялись, так как были неспособны похитить ее в магазинах полицейского и военного обмундирования. И однако, как бы желая скрасить свою низость, они присвоили себе название «рейнджеры». В начале 1968 года полиция, армия, морской флот и авиация сумели наконец справиться с ними. Банда была уничтожена.

Может быть, Филиппины с их одиннадцатью крупными островами и тысячами мелких представляют собой слишком удобное поле деятельности для авантюристов, чтобы морской разбой мог исчезнуть там навсегда? В течение двадцати пяти лет он почти не прекращался на Филиппинах, так же как и постоянные политические волнения. Но затем произошло событие, которое многое может изменить: 23 сентября 1972 года по всей стране был провозглашен закон военного

времени. Полновластным правителем стал 55-летний президент Фердинанд Маркос.

За две недели было конфисковано более 400 000 ружей и пистолетов у их незаконных владельцев, распущены всякие организации полувоенного типа. Правительство уволило несколько тысяч служащих, обвиненных в должностных преступлениях, арестовало около пяти тысяч подозрительных людей, в том числе нескольких миллиардеров, являвшихся в какой-то мере главарями банд.

7 декабря в самом центре Манилы во время парада какой-то изувер три раза ударил кинжалом молодую очаровательную супругу президента, Имельду Ромуальдес Маркос, бывшую «мисс Манила». Она чудом осталась жива. «Преступление одиночки,— писали филиппинские журналисты.— За последние двадцать пять лет в Маниле никогда не было так спокойно».

IX

По волнам Тихого океана

1961 год. Президент Джон Кеннеди выглядел несколько взволнованным, когда он приколот на грудь Ширли О'Нейл, красивой восемнадцатилетней девушки, медаль «За смелость».

Год назад Ширли, студентка Сан-Францисского университета, купалась со своим приятелем Альбертом Коглером на пляже Бейкерс у Золотых Ворот. Оба они, отличные пловцы, преодолели мощные волны прибоя и поплыли дальше, Альберт несколько впереди. Вдруг Ширли услышала крик, и перед нею в воздухе взметнулась серая туша. «Послышался шум бурлящей воды, потом Альберт мне крикнул: «Спасайся, это акула!». Вокруг молодого человека уже была красная пена. Ширли не бросилась назад, а поспешила на помощь и хотела схватить приятеля за руку. «Но тут я поняла, что рука его висит на волоске». Обхватив Альберта за талию, она сумела доплыть с ним до пляжа. Однако, потеряв слишком много крови, он через два часа умер. Все это видел с наблюдательного пункта караульный береговой охраны, сержант американской армии. «Это было самое большое проявление смелости, какое мне только приходилось видеть».

Во всем мире акулы наводят страх на людей, но Тихий океан их особенно излюбленная обитель. Повсюду на калифорнийском берегу видны общественные и частные бассейны, так как большинство американцев боится даже думать о морских хищниках.

Страшные столкновения с акулами происходили во время второй мировой войны, поэтому американские морские ведомства выпускали брошюры, предназначенные для оказавшихся в море людей в случае гибели судна. Чтобы не вызывать сильного страха, опасность столкновения с акулами была преуменьшена: «Акула сама не бросается на человека, если он не ранен или не находится вблизи от раненого, во всяком случае сохраняйте хладнокровие и плавайте спокойно и т. д.».

В действительности же акулы числятся среди последних и очень редких животных, которые нападают на человека без всякой провокации.

В книге «Оставшийся в живых»* я описал смертельную схватку американцев и японцев у острова Гвадалканар. Среди кораблей, потопленных во время этой беспощадной битвы, был зенитный крейсер «Джуно», который после взрыва за двадцать секунд скрылся под водой—в 11 часов одну минуту утра 12 ноября 1942 года. Многие погибли сразу же во время взрыва, а чуть позднее на поверхности покрытого мазутом моря забарахтались люди. Человек сто.

Слой мазута достигал толщины пятнадцати сантиметров. Люди плыли к плотам, разбросанным кое-где на морской поверхности. Матрос Аллан Клифтон Хейнес сумел взобраться на один из плотов. Кругом плавало множество разных обломков, разлетевшихся при взрыве корабля, и среди них тысячи рулонов туалетной бумаги.

Непокаленные люди, сумевшие подняться на плоты, не опомнились еще от взрыва. Они потерянно смотрели вокруг себя и, казалось, не слышали ни криков, ни стонов раненых. Кто-то из моряков кричал: «Помогите, я не могу плыть! У меня оторвана нога». Его старались втащить на плот. Погода была пасмурная, море довольно спокойное.

Одеты люди были по-разному, многие почти голые, так как одежда на них порвалась при взрыве. Примерно половина моряков успели надеть спасательные жилеты.

На плоту, где находился Аллан Клифтон Хейнес, оказалось пятнадцать человек. Когда люди немного пришли в себя от потрясения, они заговорили все сразу, и начался оживленный разговор. Повсюду в море виднелся дым, и все надеялись, что за ними придут эсминцы.

Многие тяжелораненые моряки истекали кровью. Если кто-то умирал, минуту он оставался на плоту, а потом товарищи сталкивали его в море, чтобы взять к себе других, кому не хватило места на плотках. Трагические злоключения моряков с «Джуно» позволяют нам многое уяснить в психике и поведении людей, оказавшихся среди океана после катастрофы и столкнувшихся потом со страшным врагом.

«Как ни странно,—говорит Хейнес,—вторая половина дня промелькнула очень быстро в сумбурных разговорах». Люди говорили лишь о том, в какой срок придут к ним на помощь. Кто-нибудь один высказывал свою догадку, остальные выслушивали ее, горячо спорили и затем отвергали, потому что в это время еще кто-то высказывал другое мнение, и так без конца. К вечеру начался дождь, мелкий и довольно теплый. Плоты были еще не очень далеко друг от друга. На одном из них люди начали отгребать ногами воду позади плота, и он стал подвигаться вперед. Их примеру последовали другие. Хейнес с товарищами тоже начали грести, и тогда три плота сошлись вместе.

* G. Blond. Le survivant du Pacifique. Paris, 1949.—Прим. перес.

Ночь не принесла покоя, сначала потому, что на одном из плотов кто-то чуть ли не каждую минуту вскрикивал: «Корабль!» Все обращали взоры в ту сторону, куда он показывал, шумели, волновались. Но корабля не было. Возбуждение улеглось только к двум или трем часам, но остаток ночи оказался не легче из-за агонии умирающих. Одни просто стонали, но у других вырывались нестерпимые крики отчаяния. Только смерть приносила облегчение, и тогда крики смолкали. Временами еще раздавались возгласы: «Корабль! Корабль!» Но море было пустынным, и на того, кому почудился корабль, сыпалась брань.

13 ноября. Для всех страждущих приход нового дня всегда несет с собой облегчение, надежду. Для людей с «Джуно» это возрождение длилось лишь один миг. Мазут сделал свое дело, у всех началась боль в глазах.

Резкая, жгучая боль. И нечем было промыть глаза. От морской воды боль только усиливалась. Вытереть глаза тоже было нечем. Вся одежда, и крепкая и рваная, насквозь, до последней нитки, пропиталась мазутом, а кисти рук, как и все тело, покрылись черной лоснящейся пленкой, которая раздражает кожу и не смывается.

— Скоро мы все ослепнем!

Крик этот вызвал панику, усиленную к тому же сознанием, что долго такого жжения глаза не выдержат. Стали уже поговаривать о том, чтобы броситься в море и утонуть.

— А туалетная бумага, все эти кучи рулонов?

Гениальная мысль в данных обстоятельствах. На поверхности все еще спокойного моря плавали тысячи белых рулонов, выловить их было нетрудно. Сверху они были испачканы мазутом, но внутри, если развернуть, чистая, сухая бумага. Можно было наконец вытереть глаза, и призрак слепоты отступил.

Однако дело не ограничилось только глазами. Теперь у людей началась рвота, и они корчились в страшных муках. Как правило, всем потерпевшим кораблекрушение приходится вначале хлебнуть как следует воды, а тут пришлось хлебнуть мазута, и через какое-то время желудок дал себя знать.

— Мы все сдохнем от отравления.

Со вчерашнего завтрака все эти люди ничего не пили и не ели, если не считать мазута. Все были, конечно, в нервном состоянии, но еще не дошли до такого предела, когда уже никто ничего не соображает. Вспомнили же о туалетной бумаге, а теперь еще кто-то предложил:

— Нам надо выбираться из мазута. Плоты можно двигать, подгребая ногами. Даже если это будет очень медленно, все же мы уйдем от мазута и доберемся до чистой воды.

— Вы с ума сошли! — раздался другой голос. — В чистой воде на нас нападут акулы!

Существует более двухсот пятидесяти видов акул. Некоторые из них не более тридцати сантиметров в длину. Но и среди очень крупных акул

есть неопасные, например гигантская акула, которая часто встречается в Северной Атлантике и бывает иногда длиной от пятнадцати до восемнадцати метров. Питается эта безобидная акула планктоном и по глупости запутывается в сетях рыбаков. Опасные для человека акулы бывают различной длины, от полутора до семи с половиной метров, и относятся к трем десяткам разных семейств. Наиболее опасны белая акула, сильный, стремительный и беспощадный хищник весом нередко до четырех тонн, и причудливая акула-молот с головой в виде буквы «Т», на краях которой расположены свирепые глаза. Заметив жертву, это допотопное чудовище поднимается из полумрака морских глубин и начинает ходить кругами, с каждым кругом все приближаясь к жертве.

Моряки с «Джуно» в акулах не разбирались. Их пугало одно это слово, и, когда оно было произнесено, ни о чем уже больше не говорили. Никто даже не воспринимал стонов раненых.

На одном из трех державшихся вместе плотов находился лейтенант Бладгетт. Утром 14 ноября — на третий день — он объявил, что берет на себя командование:

— Когда потонул «Джуно», видна была земля. Мы находимся, наверное, в тридцати милях от Сан-Кристобаля, а может, и меньше. Надо приложить все силы, чтобы двигаться к земле. Сейчас мы свяжем наши три плота в одну линию с небольшими интервалами. Раненых расположим на двух последних. На первом плоту здоровые будут грести все вместе ногами. Будем двигаться хотя бы медленно, все лучше, чем оставаться на месте.

— А акулы? — раздалось несколько голосов.

— Акулы не нападают на живых людей, если их много.

Лейтенант воспринял буквально утешительные заверения брошюр для потерпевших кораблекрушение. На самом же деле хищные акулы бросаются на свою жертву, когда и как им заблагорассудится, ранен ли человек или совсем невредим, один он или вместе с другими. Никакого общения между акулами и человеком быть не может. Их маленький мозг расположен внутри хрящевого черепа, мускулатура непомерно развита, так как, лишенные плавательного пузыря, они должны непрерывно двигаться, чтобы не утонуть. Живучесть их невообразима и даже может вызвать отвращение. Случалось, что китобой, занятые разделкой кита, пришвартованного к борту, ловили акул, явившихся поживиться добычей. Им вспарывали брюхо, вырезали внутренности и снова бросали в море: хищники вновь устремлялись к китовой туше. Разъяренные акулы могут разорвать и сожрать друг друга. Случалось наблюдать, как раненые акулы съедают свои собственные внутренности.

Обоняние у акул исключительное. Быть может, именно из-за разлитого в море мазута ни одна из них и не появилась до сих пор вблизи моряков с «Джуно». Перебирая в море ногами, люди очень медленно двигали плоты вперед и вышли наконец к чистой воде. Акул не было.

Разговаривали моряки теперь гораздо меньше, так как их мучил голод и особенно жажда.

Утром 15 ноября, на четвертый день, над плотами на небольшой высоте пронесся в шуме моторов Б-17 («Летающая крепость»). Все повскакивали на ноги и стали кричать, махая руками. Самолет, разумеется, не мог сесть на воду, но он их заметил, он сообщил их координаты на один из кораблей. Напоследок самолет сбросил какой-то оранжевый предмет, закачавшийся на воде.

— Это надувная лодка!

Они видели на волнах оранжевый предмет, но как его достать?

— Можно до него добраться вплавь.

— А акулы?

Офицер решил, что за лодкой надо отправить троих людей на плоту.

Они надут ее и возвратятся обратно.

— А что мы с ней будем делать? — спрашивали люди. — Всех ведь туда не посадишь!

В конце концов в шлюпку поместили тяжелораненого офицера (лейтенанта Уонга) с двумя моряками. Взяв на буксир цепь плотов, они стали грести, чтобы помочь продвижению вперед, продвижению до смешного медленному. Усилия их были тем более ничтожны, что на море началось волнение.

Волны Тихого океана были темно-синего цвета, так же как и небо, и посреди неба сверкало беспощадное солнце. Люди теперь с сожалением вспоминали о пасмурной погоде, о дожде. Те, на ком оставалась жуткая, пропитанная мазутом одежда, были рады и такому прикрытию. Обнаженные люди сильнее других страдали от жажды, жгучее солнце обезвоживало их организм, они были беспомощны, словно младенцы. Некоторые стали умирать от отравления. Выжившие были в полном отчаянии, видя, как медленно продвигаются плоты.

— Тут ничего не поделаешь, пустимся вплавь!

Они собирались плыть, используя доски и рангоут, которые все еще виднелись почти всюду вокруг плотов.

— А акулы?

— Тем хуже для нас!

Самые нетерпеливые спустились с плотов и уплыли. Через час один из них вернулся обратно и сказал: «Нет, это невозможно». Остальные исчезли бесследно. Теперь на трех плотках оставалось не более пятидесяти человек, вместо сотни. К концу дня двое моряков, сидевших в шлюпке, предложили:

— Будет больше проку, если мы оставим вас и отправимся вперед за помощью.

Не дожидаясь ответа, они отвязали лодку и уплыли вместе с раненым офицером. Больше их никто не видел.

На смену знойному дню пришла холодная ночь, казавшаяся еще более холодной после такой жары. Напрасно люди на плотках жались друг к другу. Те, кто продолжал потихоньку перебирать в воде ногами,

крикнули, что море теплое, и тогда некоторые, стараясь согреться, опустились в воду. Они держались за плот, на поверхности оставались лишь голова да руки.

— Как хорошо!

— А акулы?

Тихий океан—излюбленное место акул. Тридцать видов из них нападают на человека без провокации. Если одна из этих убийц окажется рядом с вами, никогда нельзя знать, как она себя поведет. «Чем чаще мы видим акул,—писал Кусто,—тем меньше их знаем»

— Подыхать так уж подыхать. Тем хуже для нас!

Акул, впрочем, все еще не было. Теперь уже многие сидели в теплой воде, она согревала их и притупляла нестерпимую жажду. Луна была в своей первой четверти, и людей не угнетала беспросветная тьма. Волнение на море, к сожалению, усилилось, слышно было, как скрипят тросы, соединявшие плоты. Утром 16 ноября (пятый день) моряки увидели, что их плоты удаляются друг от друга. Тросы разорвались, и этой беде уже нельзя было помочь.

На плоту Хейнса было двадцать человек. Море теперь так разбушева-

лось, что грести ногами стало бессмысленно, оставалось только сидеть и ждать. Те, кто верил в молитвы, уже взывали безмолвно к небу. Утро того дня было слишком тягостным для людей, видевших издали, как взлетают на волнах другие плоты и, накренившись, падают вниз. В то утро низко над морем пролетело несколько самолетов. Они, конечно, заметили плоты, но покружились и улетели обратно. У людей сжимались кулаки.

— Оставили нас тут подыхать! Слишком дорого посылать за нами эсминец!

Хейнес думал про себя, что битва еще, наверно, не кончилась, раз за ними не приходят эсминцы. В тот день один из моряков лег вдруг ничком на плот и начал пить морскую воду. Несмотря на крики товарищей, он поглощал ее литрами, не в силах остановиться. Вскоре он умер.

К концу дня появились акулы. Сначала люди заметили одну, потом вторую, третью, четвертую. Их было много. Они не подходили совсем близко к плоту, а плавали около него кругами, показывая иногда свое белое брюхо. «Мы отгоняли их, вспенивая воду, но акул становилось все больше». Это заблуждение: акул нельзя отпугнуть всплесками воды. Просто те акулы не собирались еще нападать.

«Чем чаще мы видим акул,— писал Кусто,— тем меньше их знаем. Никогда нельзя предугадать, как поведет себя акула». Американский океанограф Леонард Энджел уверял, что никто не может сказать, почему одна акула разорвет человека, другая же только опишет в нерешительности круг, а третья равнодушно проплывет мимо.

Случалось видеть, как акулы выбирали среди купавшихся какую-нибудь одну жертву и преследовали только ее. В 1952 году в Калифорнии семнадцатилетний юноша плавал метрах в двухстах от берега, когда там появилась вдруг акула. Пловец стал махать рукой, этот знак был понят, и пятеро крепких ребят бросились на выручку, прихватив с собой надутую камеру, чтобы уставшему молодому человеку, травмированному видом акулы, было легче плыть, и, окружив его, направились к берегу. Акула ходила кругами вдали от плывущих и вдруг, бросившись вперед, вонзила зубы в несчастного молодого человека, смертельно ранив его.

Ночь с 16 на 17 ноября в районе Гвадалканара была такой холодной, что некоторые моряки на плоту Хейнеса, несмотря на близость акул, старались согреться в море. Они наивно думали, что успеют подняться на плот, если акулы подойдут ближе.

Акулы явились, и в большом количестве. В ту ночь они сожрали одного моряка. Когда в него вонзились акулы зубы, он закричал, пытаясь подняться на плот, но уже подоспели другие хищницы и разорвали его на части. Остальные моряки дрожали от страха, чувствуя, что теряют рассудок. Один из них вдруг заявил, что доберется до берега вплавь. Не успел он проплыть и двадцати метров, как акулы схватили его и скрылись в глубине.

Настоящее безумие охватило людей, ютившихся на плоту, окруженном акулами. Один из них заявил, что «Джуно» находится совсем близко в море, как раз под их плотом. Он его ясно видит и собирается нырнуть в воду, чтобы добраться до крейсера и взять там еду, питье и сухую одежду. Тогда и всем показалось, что они видят более или менее ясно огни под водой. Некоторые, в том числе и Хейнес, опустились в море, чтобы добраться до «Джуно». «Естественно, ничего я там не нашел. Тогда я опомнился, понял, что делаю, и перестал слушать их разговоры». По невероятной случайности ни одна акула не появилась во время этого безумного ныряния.

Наступило утро шестого дня, 17 ноября 1942 года. Ни одной акулы вблизи плота, и волнение на море улеглось. Небо по-прежнему ясное. Когда солнце поднялось высоко над головой, к мукам жажды добавились муки от солнечных ожогов. У обнаженных людей обгорали спина и плечи. Не в силах все это вынести, они говорили, что лучше уж было бы утопиться.

Моряки то впадали в протрацию, то становились нервными и раздражительными. Если кто-то кого-то случайно толкал, на него сыпалась брань и дело доходило до драки. Больно было смотреть на эту беспомощную схватку несчастных людей, едва державшихся на ногах. Иногда начинались лихорадочные рассуждения о том, что они будут делать, когда вернутся домой. Говорили о своих семьях, которым теперь не на что будет жить, и поэтому им нужно много работать. Они бы взялись за любое дело, коль уж придется зарабатывать себе на жизнь. Но плавать снова — ни за что!

— Если плот подойдет к какому-нибудь острову, я там и останусь, — сказал один из них. — Ноги моей больше не будет на корабле!

Остальным эта мысль очень понравилась. Они тоже останутся на острове и будут там делать все что угодно, но на судно — ни ногой. Никто уже не думал о судьбе своей семьи, которая три минуты назад так их волновала.

Настала ночь. Один из моряков, принимавших участие в общем разговоре, вдруг ясно увидел старшего канонира с «Джуно», который спокойно сидел под водой и подавал ему знаки.

— Я иду к нему.

Он не торопясь снял с себя спасательный жилет, потом одежду и прыгнул в воду. Никто его не остановил, никто не вымолвил ни слова. Мелькнуло белое брюхо акулы, и все исчезло. В ту ночь акулы сожрали еще двоих людей, гревшихся в море.

18 ноября, седьмой день. На плоту всего четыре человека. На море снова волнение, зато небо затянулось тучами и пошел дождь. Настоящее благословение для людей, умиравших от жажды. Дождевую воду удалось собрать в куски парусины.

В середине дня явилась чайка, покружила немного над морем и, приблизившись к плоту, села на его край. Во время второй мировой войны люди с погибших кораблей, очутившись в море в спасательном

жилете, с ужасом взирали на приближавшихся к ним чаек. Грაციозная чайка к человеку настроена не враждебно, ее можно даже порой приручить, но птица эта хищная, и в открытом море она не знает жалости, так как ищет себе пропитание. Люди, потерпевшие кораблекрушение, заметные издали в своих оранжевых жилетах, представляют для нее обильный свежий корм. Если они уже мертвы, расклевать их совсем просто. Если же еще живы, кричат и шевелятся, лучше всего выклевать им сначала глаза. Никакой опыт не закрепляется так быстро, как тот, что связан с добычей пищи. Этого требует инстинкт самосохранения. Во время морских сражений приходилось вылавливать в море людей с пустыми глазницами и растерзанным лицом. Смотреть на них было жутко.

Чайка, севшая 18 ноября 1942 года на плот моряков с «Джуно», не вызвала у них страха, их ведь было четверо, и все на плоту. Птица не только их не испугала, но сразу навела на мысль о том, как бы ее съесть.

Она уставилась на людей пристальным взглядом, в то время как двое из них стали подбираться к ней, очень медленно, открыв рот и судорожно глотая слюну, но со snоровкой первобытного человека. В этой птице была их жизнь. Они разом бросились вперед, и вот чайка в их руках, бьющийся и кричащий комок перьев. Они тоже кричали от возбуждения, поэтому у них дрожали руки, дрожали так сильно, что птица вырвалась и улетела. Тогда эти двое стали проклинать судьбу, а двое других сыпали их бранью. Люди изрекали самые жуткие проклятья и самую грубую брань, какую только могли придумать, размахивая руками и плача от ярости.

Покружив немного над волнами, чайка снова села на плот. Подобное поведение птицы можно было объяснить лишь тем, что она или очень утомлена, или ранена, но люди на плоту не задавались таким вопросом, они снова стали медленно подползать к ней на четвереньках. На этот раз они ее поймали и уже не выпустили. «Мы свернули ей шею и съели. Каждому досталось совсем немного, но мы все же поели».

В истории мореплавания встречается немало примеров, когда потерпевшие кораблекрушение проявляли невероятную изобретательность, чтобы поймать рыбу. Хейнес не объяснил, почему он и его товарищи не пробовали этого сделать. Правда, долгое время они думали, что к ним вот-вот подоспеет помощь, и, может быть, боялись, что лов рыбы еще больше привлечет внимание акул.

В тот день, когда они съели чайку, еще один самолет пролетел низко над морем и тоже сбросил надувную лодку, только слишком далеко: между лодкой и плотом были акулы.

И однако, с наступлением ночи четверо людей, несмотря на неотступный страх перед акулами, соскальзывали все же в воду и оставались там, держась за плот: в сравнении с холодным воздухом море им казалось теплым, и в воде не так хотелось пить.

19 ноября, восьмой день. На плот поднялись только трое. Четвертый утонул, а может быть, его незаметно схватили акулы. Для людей в таком состоянии это уже не имело значения. Трое, оставшиеся в живых: Хейнес и два матроса. Одного Хейнес называет Мексиканцем, имени другого он не упоминает.

Когда рассвело, этот матрос, совсем обнаженный, произнес, устремив взгляд в морскую даль:

— Примерно в миле от нас находится большое госпитальное судно, оно белого цвета. Нам надо бросить плот и плыть туда.

Он сказал это с такой уверенностью, что Хейнес и Мексиканец заколебались. Но Хейнес все же взял себя в руки:

— Я знаю только одно. Все, кто бросал плот, погибали, и мы погибнем, если оставим его.

Матрос замолчал. Ничего больше в тот день не происходило. Когда наступила холодная ночь, голый матрос потребовал, чтобы Хейнес отдал ему свою одежду. Хейнес отказался без всяких уверток: «В этом нет никакого смысла». К матросу вернулись галлюцинации, мучившие людей в ночь с 16-го на 17-е: в море, как раз под плотом, находится «Джуно», и на нем можно взять все что угодно...

Странная борьба развернулась на плоту в лучах лунного света. Хейнес и Мексиканец пытались удержать бредящего человека, но у них почти не было сил, тогда как безумие удвоило силы их товарища. Он вырвался у них из рук, прыгнул в море и поплыл. «Мы увидели в черной воде множество акул. Голый человек пытался отогнать их ударами кулака».

Вот одно из правил для купающихся у берегов Калифорнии: «Если акула окажется близко, ударить ее в рыло тяжелым предметом. Кулаком бить нельзя. Удар о ее шершавую кожу только рассечет вам руку до крови». Акула, от рыла и до хвоста, представляет собой настоящую терку. Кожа ее покрыта так называемой плакоидной чешуей, иначе говоря острыми шипами. Удар хвоста крупной акулы может быть сокрушающим. Зубы у нее (в несколько рядов по всей челюсти) острые как иглы, самые длинные могут разорвать крупную артерию.

Редко кто из купающихся, которым грозит нападение акулы, имеет в своем распоряжении «тяжелый предмет». Не было его, конечно, и у человека, спрыгнувшего с плота. В свете луны его спутники увидели только, как мелькнули черные спины и белые животы, услышали крик, и все смолкло.

20 ноября. На плоту двое. «Мне казалось, что это был седьмой день, но на самом деле это был девятый. Мы часами говорили о том, что с нами произошло, и, помнится, я подарил Мексиканцу свой нож».

Когда Хейнеса спасли, к нему вернулось сознание и память, и он смог рассказать обо всем пережитом. Но в тот, девятый, день голод, жажда, ставшая снова невыносимой, жара днем, холод ночью, ужасное положение осажденных среди океана помрачили их рассудок.

Два человека сидели по краям плота и болтали в воде ногами, воображая, что отгоняют акул. К счастью, своенравные хищники в тот день не появлялись. «А когда наступила ночь, мы вроде бы заснули». Проснулся Хейнес от стонов Мексиканца:

— Кто-то пырнул меня ножом в ногу!

— Как это пырнул? Здесь никого нет, кроме нас с тобой, и ты хорошо знаешь, что я отдал тебе вчера свой нож. Не мог же ты пырнуть сам себя!

— Мне больно, отведи меня поскорее к доктору.

«В бреду я бил ногами по воде, не соображая, что делаю. Мне казалось, что я веду Мексиканца к доктору. Тут он громко закричал и придвинулся ко мне. Тогда я увидел, что с ним случилось, понял, что его ранила акула. Я держал его на руках, но акула вернулась, ухватила его снизу и стала пожирать, высунувшись из воды. Удержать его у меня не было сил. Над водой показались другие акулы и утащили его вниз».

Как и почему не разорвали акулы Хейнеса? Был ли он в то время на плоту или в море, Хейнес не мог сказать в точности, да это и понятно. Он только помнил, что ночь казалась ему бесконечной, а к утру его уже охватил бред. Он видел под водой своих товарищей, звал их к себе, а они отвечали, что не могут бросить вахты. «Скажите по крайней мере, все ли на корабле в порядке?» — спросил он их. Да, все было в полном порядке. Хейнес спустился в воду, чтобы плыть к ним, но тут проблеск сознания вернул его на плот, и так повторялось два или три раза.

Примерно в середине дня сознание его совсем прояснилось. Выстоять, любой ценой выстоять — вот что ему необходимо, и прежде всего оставаться на плоту. Вскоре показался самолет, покругил немного над водой и улетел. «Тогда меня охватило отчаяние. Этот, конечно, тоже меня бросит! Я подумал, не принимают ли летчики меня за японца, ведь я весь черный». Он был черный от мазута. Однако самолеты прилетели снова и стали сбрасывать вокруг плота дымовые бомбы. Дым еще не рассеялся, когда на горизонте показалась мачта корабля.

Нужно самому пережить кораблекрушение, чтобы понять, чем могут быть эти примелькавшиеся, избитые слова: мачта на горизонте, дым из труб, идущий прямо на вас корабль. Волна неведомой жизненной силы распирает вам грудь, вы задыхаетесь. Состояния этого нельзя передать. Хейнес просто сказал — и лучшего придумать не мог, — что за ним пришла лодка, что его подняли на борт эсминца и отнесли в медпункт.

«Море таит немало сюрпризов для того, кто, находясь у самой поверхности воды, медленно движется вперед, не производя шума», — писал норвежский исследователь Тур Хейердал. Он хотел сказать, что такое плавание позволяет заметить множество всяких рыб. Мы

сейчас видели, что моряки с «Джуно», тоже плывшие у самой поверхности моря, не узнали его богатств, столкнувшись лишь с одними акулами. Ничего иного в их состоянии они и не могли заметить. Опыт Тура Хейердала и его спутников оказался плодотворным потому, что люди на плоту находились в условиях, которые можно назвать сносными.

Вспомним, что Тур Хейердал пустился через Тихий океан на плоту «Кон-Тики» для того, чтобы доказать правильность своей теории (она изложена в начале этой книги), утверждая, что Полинезия и остров Пасхи были заселены пришельцами с Американского континента. В незапамятные времена, говорит Хейердал, обитатели Перу отплыли на плотях, подгоняемых сначала течением Гумбольдта, а затем пассатными ветрами, и добрались до архипелагов Тихого океана. Чтобы доказать возможность такого плавания, Хейердал решил в точности повторить подвиг древних мореплавателей.

И прежде всего построить такой же, как у них, плот. Благодаря описаниям, оставленным первыми конкистадорами¹, видевшими эти плоты еще в действии, нетрудно было установить, что делались они из стволов бальсы. Бальса — быстрорастущее тропическое дерево с древесиной легче пробки. Ценой больших усилий Хейердал добился, чтобы в экваториальных лесах срубили бальсовые деревья и переправили их к побережью. Распиленные надлежащим образом бревна связали в плот без единого сантиметра металлической проволоки — ведь у древних перуанцев ее не было. Использовали одни лишь веревки, и это мягкое крепление, как потом оказалось, было не только достаточным, но и спасительным. Плот получил название «Кон-Тики», по имени главного божества, общего, как думает Хейердал, для цивилизаций инков и полинезийцев. Экипаж «Кон-Тики» состоял из шести человек.

— Профессиональных моряков я брать не хотел. О плотях они знали не больше нашего, а кроме того, мне не хотелось потом услышать, в случае если плавание будет успешным, что мы были просто лучшими матросами, чем древние строители плотов из Перу.

Однако одного моряка и радиста норвежец все-таки с собой взял. На «Кон-Тики» было две мачты с натянутым между ними прямым парусом, бамбуковая кабина, открытая с одной стороны, и рулевое весло. Запасы продовольствия и пресной воды были рассчитаны на год.

18 апреля 1947 года «Кон-Тики» вышел из порта Кальяо. Перуанский буксир провел его на 50 миль к северо-западу, то есть до течения Гумбольдта².

Незадолго до отплытия на плоту побывал морской министр Перу и пришел в ужас от того, что увидел. Он пригласил Хейердала к себе в министерство и предложил подписать документ, освобождающий перуанские власти от всякой ответственности. Как показали дальнейшие события, страхи его были напрасны.

Когда «Кон-Тики» остался среди океана один, начал дуть сильный юго-восточный пассат. Плот вел себя прекрасно. «Главная задача рулевого заключалась в том, чтобы держать парус надутым, подставляя корму ветру и волнам». Палуба находилась на высоте 30 сантиметров над уровнем моря, без всяких защитных бортиков, так что, если накатывала волна, рулевому, чтобы его не смыло, приходилось подскакивать и хвататься за бамбуковый шест. Вскоре у руля пришлось ставить двух человек, и они привязывались для безопасности.

Через несколько дней погода улучшилась. Временами она была просто великолепной, но, разумеется, нельзя было ожидать, что плавание через Тихий океан может обойтись без единого шторма. «Кон-Тики» встретился с ним в конце июля, через три месяца после отплытия. Сначала ветер вдруг совсем утих, и даже без барометра можно было понять, что атмосферное давление резко падает: среди этого затишья путешественники задыхались, словно вытащенная из воды рыба. А дальше все следовало своим чередом: порывы ветра со всех сторон, затем ветер принял одно направление (на этот раз южное) и с каждым часом все свежел и свежел, вздымая огромные, покрытые пеной волны. Пять дней и пять ночей никто из экипажа ни на минуту не сомкнул глаз.

Когда буря утихла, подсчитали потери: разорванный парус, сломанное кормовое весло, несколько пробоин в плоту. Повреждения устранили довольно быстро. Веревки, крепившие бревна, порядком ослабли, но не разорвались, их можно было подтянуть.

— Вот полюбуйтесь,—сказал Хейердал.—Если б это была проволока, она бы под напором волн перепилила или раздробила бревна. Хорошо, что мы не отступили от древних перуанских образцов.

Тут он был прав, хотя «Кон-Тики», конечно, отличался от древних плотов в том отношении, что его штурман мог почти ежедневно определять свои координаты с помощью секстана и хронометра, а радио позволяло держать связь с землей или судами и самолетами. Однако было бы грубой ошибкой представлять плавание на «Кон-Тики» как увеселительную прогулку. При штормовой погоде его пассажиры подвергались слишком жестоким испытаниям, но они никогда не падали духом, не чувствовали себя одинокими и беспомощными и не были в постоянной тревоге за свою судьбу, как потерпевшие кораблекрушение или некоторые одиночные мореплаватели.

«Кон-Тики» был отличным наблюдательным пунктом даже в то время, когда его команда и не думала о наблюдениях. «Не раз по ночам мы неожиданно вскакивали, потому что у самого плота из моря вдруг появлялись два круглых блестящих глаза и сверлили нас неподвижным взглядом, словно желая загипнотизировать». Нередко это были гигантские кальмары. Спор о наибольшей величине, какой могут достигать эти животные, остается открытым, так как самые крупные

из них обитают на глубине сотен метров (где на них охотятся кашалоты) или даже больше, поднимаясь к поверхности только в тех случаях, если им ничто не угрожает. Тур Хейердал и его спутники видели кальмаров «размером со среднюю комнату». Но когда плот приближался к ним, они скрывались под водой.

Исследователи на «Кон-Тики» взяли с собой в плавание хорошо подобранный запас продовольствия, однако от рыбы они никогда не отказывались

Путешественники видели и других крупных животных — «светящиеся призраки», которые медленно кружились около плота. Очевидно, это были гигантские скаты, фосфоресцировавшие в ночной темноте. Свет фонаря привлекал множество всевозможных рыб, а иная живность сопровождала плот и днем и ночью или селась на нем с нижней стороны, образуя живые заросли.

Днем и ночью на бальсовые бревна то и дело шлепались морские обитатели. Как-то среди ночи один из пассажиров проснулся от прикосновения чего-то липкого и подвижного. При свете фонаря он отодрал от шеи длинную тонкую сине-фиолетовую рыбу со стальным отливом. Извивалась она, словно угорь. Ихтиологи называют ее *Gempylus*, или змеиная макрель. До вторжения ее на «Кон-Тики»

эту обительницу больших глубин живой никогда не видели. Неожиданная гостья извергла вдруг из себя двух белых большеглазых рыб двадцати сантиметров в длину, несколько искромсанных, но все же наконец опознанных. Это тоже были гости с больших глубин, и притом редчайшие. «Кон-Тики» превращался в плавучий океанографический музей.

Когда плот следовал через районы, излюбленные летучими рыбами (моряки с «Джуно» в такие места не попали), они так часто падали на палубу, что каждый день обеспечивали путешественникам рыбное блюдо к обеду. Вообще питание не составляло для них проблемы, летучие рыбы вместе с пойманными на удочки служили хорошим добавлением к имеющимся продуктам.

Сложнее было с питьевой водой. Тур Хейердал решил последовать примеру древних перуанцев и держать воду в толстых бамбуковых трубках, привязанных под плотом. Таким образом она не занимала места на плоту и оставалась прохладной. Но через некоторое время все запасы воды на «Кон-Тики» приобрели дурной вкус. Исследователи собирали дождевую воду и распределяли по литру с четвертью в день на человека. Потом они догадались, что поить их может сам океан.

Мы уже видели, как, напившись морской воды, умер моряк с «Джуно». Не в силах больше вынести жажды, он стал пить воду в огромном количестве. Неразумно и слишком поздно. Ален Бомбар, переплыв в одиночку Атлантику, доказал, что морскую воду пить не опасно, если пить ее умеренно и вовремя, не дожидаясь полного истощения и обезвоживания организма.

Нельзя сказать, что Тур Хейердал и его спутники утоляли жажду морской водой, но они с умом ее использовали. «Когда наступает настоящая тропическая жара, можно без конца поглощать теплую воду, пока тебя не затошнит, и все равно не напьешься. Организм нуждается тогда не в жидкости, а в соли. Среди старательно подобранных продуктов, взятых нами с собой, были и таблетки соли, которые полагалось принимать в самые жаркие дни, так как вместе с потом из организма удаляется соль. Мы пережили такие дни, когда совсем не было ветра и солнце испепеляло плот. Добавляя к нашей норме пресной воды от 20 до 40 процентов морской, мы с удивлением заметили, что эта солоноватая смесь хорошо утоляет жажду. Привкус морской воды долго оставался у нас во рту, но никакого недомогания мы не испытывали. И это позволяло нам значительно увеличить суточную порцию воды».

Тур Хейердал напоминает также, что пригодную для питья воду можно получить из сырой свежей рыбы, если пожевать ее, проколоть или просто выдавить из нее лимфатическую жидкость.

Ален Бомбар на своем «Еретике» использовал для этого сокоотжималку и пил рыбий сок сколько влезет. Исследователи на «Кон-Тики», видимо, не ввели это в свою практику.

Больше всего, по их словам, они испугались встречи с китовой акулой. Пятнадцать метров в длину, то есть почти два автобуса, сложенные вместе. «Рост ее был такой, что, когда она принялась кружить около плота или под ним, голова ее показывалась с одной стороны, а хвост высывался с другой». Карусель эта длилась около часа. Напряжение на «Кон-Тики» было так велико, что мореплавателям казалось, будто акула осаждает их целый день. Возможно, если бы они знали, что китовая акула питается планктоном и мелкой рыбешкой, тревога их не была бы такой сильной. Возможно. Однако никакие доводы рассудка не оказывают такого воздействия, как близость чудовища, и всегда ведь можно опасаться его неожиданного каприза, сокрушительного удара хвостом.

В скором времени появилось другое чудовище, не вызвавшее, однако, страха. «Мы вздрогнули, услышав, как позади нас что-то запыхтело, будто лошадь плыла, и вот на нас пристально смотрит огромный кит. Он в такой близости, что нам видна вся внутренность его дышала, сиявшего, как лакированный башмак. Странно, право же, слышать это дыхание среди моря, где все живые существа не имеют легких и плавают в полном безмолвии, подрагивая жабрами. Настолько странно, что нас вдруг охватывает жаркое сочувствие к нашему троюродному брату, который, как и мы, отважился уйти так далеко в море». Впечатление выражено прекрасно. При виде крупного кита возникает одновременно и ощущение Космоса, что объясняется его величиной (синий кит: длина до 30 метров, вес 150 тонн), и дружеское участие вот из-за этого самого дыхания.

Путешественникам на «Кон-Тики» приходилось видеть вблизи и более мелких акул, чем китовая, несомненно опасных. Они даже ловили их на крючок и убивали. В отличие от несчастных моряков с «Джуно» эти люди были в нормальном состоянии, хорошо оснащены, и им бы не пришлось в голову отпугивать акул, взбалтывая воду ногами.

В их распоряжении была шлюпка, на которой они отъезжали от плота, если хотели его сфотографировать. Из осторожности отплавывали они совсем немного и только при хорошей погоде. В такие дни Тихий океан вполне заслуживал названия, данного ему Магелланом. «Кон-Тики» плыл по выпуклой водной поверхности идеально синего цвета, такого же синего, как небо, с которым она сливалась до такой степени, что мореплавателям порой казалось, будто плывут они через просторы какой-то пустой синей Вселенной.

Теперь, как и в давние времена, близость земли возмущается появлением птиц с суши, при виде их пассажиры на кораблях приободряются, так же как и потерпевшие кораблекрушение. Но опытные мореплаватели знают, что часто именно в этот момент им может грозить большая опасность.

В ночь с 29 на 30 июля исследователи заметили землю. Это был островок Пука-Пука (архипелаг Туамоту). Они убрали парус, но течение стало уносить их на север, так что подойти к берегу было

невозможно. 2 августа на горизонте появился остров Ангатав. Девяносто семь дней прошло с тех пор, как «Кон-Тики» покинул берега Перу. Из-за переменчивых ветров, течений и коралловых рифов плавание теперь осложнилось. Когда исследователи ступили наконец на островок вблизи Рорайа в архипелаге Туамоту, плот их почти разбился. Сердечная, дружеская встреча с туземцами немного утешила их, а затем они были отправлены на Таити. Благодаря неукротимой энергии Тура Хейердала плавание на «Кон-Тики» вызвало интерес во всем мире. Надо признать, что это была блистательная победа.

Х

Неудачи отважных

Эрик де Бишоп отправился в путешествие с намерением утвердить теорию, противоположную теории Тура Хейердала:

— Полинезийская цивилизация совершенно самобытна, зародилась она на самих тихоокеанских островах и стала распространяться потом на восток и на запад. Я собираюсь доказать, что Тихий океан можно переплыть на плоту и в том, и в другом направлении. Мой путь — из Полинезии в Южную Америку и обратно.

Эрик Бишоп добавил вполне справедливо, что путь с запада на восток гораздо труднее.

— Пересечь океан на плоту в противоположном направлении при попутном ветре или хорошем бакштаге, как это сделал «Кон-Тики», было нетрудно и показало только, что плот может держаться на воде, а это и так всем известно. Я же хочу показать, что на плоту можно не только плыть при попутных ветрах и с хорошо изученными течениями, но и идти против переменных ветров и неведомых течений. Вот что я называю плаванием.

В своей жизни он уже успел наплаваться по морям и даже пережить немало приключений. Воспитанник иезуитской школы, юнга на корабле, ходившем вокруг мыса Горн, лейтенант дальнего плавания, командир минного тральщика, затем пилот морской авиации, садовод в Провансе, личный консультант китайского генерала, капитан джонки, французский консул, капитан каботажного плавания в Полинезии. И список этот еще неполный.

В 30-х годах Эрик Бишоп совершил путешествие из Папэте в Канн вокруг Австралии и мыса Доброй Надежды на двойной полинезийской пироге. Как и знаменитый одиночный мореплаватель Слокам, плавать он не умел.

— Я и не хотел учиться. Был уверен, что, как только научусь, сразу же утону после этого.

Суеверие? Вызов судьбе? Дальше мы увидим, что некоторые поступки этого мореплавателя были совершенно необычны. Однако, когда его спросили, почему он для своего путешествия выбрал плот, а не двойную пирогу, на которой ему так хорошо плавалось, ответ его был весьма разумным:

— В прошлые времена при массовых переселениях плавания не могли происходить на пирогах, даже на самых крупных. Только плот позволял забрать всех женщин, детей и животных, а также взять в дорогу большое количество продовольствия и пресной воды.

Сам Бишоп плавал до той поры на всевозможных судах и суденышках, но на плоту ему еще плавать не приходилось. Однако о плотях у него было собственное мнение, в особенности о «Кон-Тики», который он считал просто смешным.

— Он представляет собой все что угодно, только не океанский плот. Почему? Да потому, что на нем отсутствуют гуары.

Если вы не полинезиец, вы, конечно, можете и не знать, что такое гуара. Гуара — это деревянная планка длиной 6,5 метра при ширине 10 сантиметров, которую опускают с плота вертикально в воду на разную глубину, чтобы устранять боковой снос. Это не совсем киль, так как для плавания необходимо несколько параллельных гуар со сквозными отверстиями, куда вставляют колышки, закрепляя гуару на желаемой высоте. Располагаются они во всю длину плота, от носа до кормы. Эрик Бишоп так объяснял их действие:

— Гуары служат одновременно и килем и рулем. Когда опускают носовую гуару, судно придерживается к ветру, когда ее поднимают, оно уваливается под ветер. С кормовыми гуарами все происходит наоборот. При умелом маневрировании они позволяют не сбиваться с курса, то есть дают возможность управлять без руля.

Впоследствии, однако, экипаж плота «Таити-Нуи» узнает на опыте, что объяснения эти были не во всем верны. «Таити-Нуи» — название плота, который осенью 1956 года начали сооружать по заказу Бишоп на острове Таити. Подобно плотам древних полинезийцев, строили его из бамбука. Крупные стволы, в шесть-семь раз превышавшие рост человека, скреплялись только деревянными штифтами и веревками из волокна кокосовой пальмы, без применения металла. Посередине бамбуковой платформы по всей ее длине были проделаны «люки», через которые спускались эти самые гуары. Иного руля не было. Паруса на плоту были сплетены из волокон пандануса.

Вот состав экипажа Эрика Бишоп:

Френсис Корван, тридцать лет, член одной из самых уважаемых на Таити семей, шотландец с примесью французской крови по материнской линии, превосходный моряк, охотник за акулами и черепахами.

Мишель Брэн, моряк, бывший помощник капитана трехмачтовой шхуны «Птица островов», принадлежавшей Компании фосфатов в Океании. Всего несколько дней назад он женился на очаровательной молодой китаянке.

Ален Брэн, его брат, моряк с семнадцати лет; на Таити прибыл из Африки на маленькой шхуне; в то время, когда Бишоп решил его взять с собой, был лейтенантом в порту Макатеа.

Хуанито, молодой отважный чилиец, жаждущий приключений.

«Таити-Нуи», длина 12 метров, ширина 4,2 метра, имел две мачты с мощными парусами. Посередине плота возвышалась большая каюта, далеко не примитивная, удобная и даже водонепроницаемая. Это было и жилое помещение, и склад для продуктов. Там же поместили хорошую приемопередаточную радиоустановку, кинокамеры, фотоаппараты, навигационные и метеорологические приборы.

Плот вышел в плавание 8 ноября 1956 года с рейда Папезте при хорошей, ясной погоде, спокойном море и отличным ветре. На плоту все было в порядке, кроме здоровья капитана. Отважный 65-летний исследователь, страдавший катарам, эмфиземой легких и хроническим бронхитом, перенес всего несколько месяцев назад сильное воспаление легких. Однако все эти болезни нисколько не повлияли на него, не смягчили его крутого нрава, который очень ясно просвечивает на страницах его путевого дневника, озаглавленного «Курс на восток» и изданного в 1958 году.

Первые пять месяцев путешествия прошли благополучно, без особых испытаний, помимо тех, какие несет с собой долгое плавание. Плот шел со скоростью трех узлов (5,5 километра в час), при тихой погоде меньше, а когда ветер был не попутный, ложился в дрейф, так как гуары, вовсе не заменявшие руля, не позволяли даже менять галсов. Эти трудности раздражали Эрика Бишопа гораздо меньше, чем всякие несущественные пустяки. Он злился, например, если Мишель Брэн слишком часто включал свой радиопередатчик, стремясь связаться с молодой женой, с которой они только что расстались. Постоянные замечания Бишопа отравляли атмосферу. На шестом месяце плавания (апрель 1957 года) напряженность возросла до такой степени, что сам Тихий океан решил вмешаться. Целую неделю свирепствовала буря.

Все конфликты предстали тогда вдруг в своем истинном свете: мелкие, ничтожные, не стоящие внимания. В реве ветра уже не слышно было никаких пререканий. «Таити-Нуи» поднимался на гребни водяных гор, а затем со страшным скрипом летел вниз, огромные волны вдруг захлестывали его, и тогда казалось, что паруса, мачты и даже каюту унесло в море. Но нет, все было на месте. Зато после одной такой бурной ночи обнаружилось, что под платформой разошлись стволы бамбука, некоторые из них были сломаны, так что виднелась их полая середина, изъеденная древоточцами. Сколько времени они еще продержатся?

18 мая Бишоп, уверенный, что наиболее пострадавшие стволы долго не вытянут, послал две радиogramмы своему чилийскому другу, почетному консулу. Вот вкратце их содержание: «Намереваюсь сделать остановку на острове Хуан-Фернандес, чтобы заменить на плоту часть

бамбука. Прошу на помощь буксирное судно, так как подойти к Хуан-Фернандесу на плоту очень трудно». Далее следовали его координаты. У чилийских берегов шторм свирепствовал еще сильнее, чем там, где находился «Таити-Нуи». Но закон моря требует оказать помощь любому судну, терпящему бедствие. Из Вальпараисо навстречу буре вышел чилийский фрегат «Бакедано».

В среду 21 мая в сотрясаемой ветром каюте «Таити-Нуи» Мишель Брэн поймал сообщение с «Бакедано»: «Направляемся к вам точка подтвердите местонахождение». Брэн передал: «34° 28' ю.ш., 89° 7' з.д.». На следующий день, 22 мая, в 4 часа 42 минуты утра по местному времени (Вальпараисо) в слегка утихшем море появился фрегат. Люди на плоту видели, как он все увеличивается, подходит ближе, замедляет скорость. До плота уже доносится запах дыма. При самом малом ходе, чтобы подпирать волну, с фрегата спускают баркас. Едва он коснулся воды, гребцы взялись за весла. Эрик Бишоп очень внимательно за всем наблюдал:

— Что это за тип в белом халате?

Это был санитар. Радиостанция Парижа, получив тревожные вести из Чили, сообщила на своих волнах, что на «Таити-Нуи» есть раненный. Бишоп был вне себя от ярости и не мог этого скрыть. Вскоре все люди с плота перешли на фрегат. Несколько подкрепившись, они почувствовали себя бодрее.

— Я просил,— напомнил Эрик Бишоп,— чтобы буксир отвел нас на Хуан-Фернандес.

— У меня есть на этот счет инструкции,— ответил чилийский капитан.

Команда «Таити-Нуи» вернулась на свой плот, его взяли на буксир и окружили спасательным поясом. «Бакедано» дал малый ход вперед.

Буксировка судна в открытом море при малоблагоприятной погоде не имеет ничего общего с вытягиванием на прицепе застрявшего на дороге автомобиля. Крейсерская скорость фрегата 13 узлов (33 километра в час), и при плохой погоде такое судно едва ли может держаться своего курса, если скорость падает ниже шести узлов. Зато «Таити-Нуи» был рассчитан для очень медленного плавания: при шести узлах он зарывался носом, уходя под воду метра на три, так что каюта оказывалась полузатопленной.

Стараясь во что бы то ни стало спасти плот, чилийский капитан шел со скоростью в три узла. Руль при этом почти переставал действовать. По радио капитан известил чилийское Адмиралтейство о создавшемся положении. При трех узлах буксировка до Хуан-Фернандеса продлилась бы неделю, если только за это время буксир и плот оба не погибнут и если при такой скорости у фрегата хватит горючего. Адмиралтейство ответило: «Операция слишком дорогая и опасная. Бросайте плот и примите на борт его экипаж». В то же время Адмиралтейство связалось с Парижем, спрашивая, согласно ли французское правительство оплатить буксировку, практически бесполезную. Ответ пришел отрицательный.

Узнав обо всем этом, Эрик Бишоп заявил своему спасителю, что буксировку оплатит он сам, Бишоп. Бросить свой плот так близко от цели для него невозможно.

— Ладно,—сказал чилийский капитан.

Он не хотел, чтобы о нем говорили, будто отступить его заставила опасность. Безрассудная буксировка началась снова. В десять часов утра, 24 мая, лопнул буксир.

Здесь следует несколько оговориться. Историю трудной буксировки мы знаем из двух описаний: Эрика Бишопа, уже цитированного, и Мишеля Брёна («Трагическая судьба «Таити-Нуи». Париж, 1959).

По словам Бишопа, когда «Бакедано» стал маневрировать, чтобы перебросить другой буксир, он подошел слишком близко и толкнул плот, сильно повредив и такелаж, и платформу. Бамбуковые стволы рассыпались и стали уплывать в разные стороны. Короче говоря, плот был в таком скверном состоянии, что его теперь уж наверняка придется бросить, из-за того, говорит Бишоп, что фрегат неумело сманеврировал.

В рассказе Мишеля Брёна это выглядит по-другому. Лопнул не буксир, а сломался деревянный брус, на который он был накручен. Буксир пока держался на спасательном поясе, охватывающем плот. Предупрежденный сигналами, «Бакедано» остановился. Укрепили буксир, пропустили тросы под плот, чтобы не разошлись стволы бамбука. И в 12 часов, через два часа после происшествия, буксировка возобновилась.

Никакого намека на столкновение плота с фрегатом.

25 мая ветер снова набрал силу, волны стали выше, и буксировка — при двух с половиной узлах — становилась просто безрассудной. От «Таити-Нуи» один за другим отрывались стволы бамбука, и крупные, и мелкие. В воскресенье, 26 мая, в 8 часов 25 минут буксир опять оборвался, и закрепить его при таком волнении нечего было и думать.

Моряки «Бакедано» проявили немалую смелость и терпение, так же как и ловкость, переправляя с плота на судно исследователей и самое ценное их имущество. Для этой операции потребовалось более семи часов. Наконец фрегат смог идти своей обычной скоростью. К 15 часам 30 минутам раздробленные остатки «Таити-Нуи» скрылись из виду.

В Вальпараисо Эрику Бишопу и его спутникам устроили торжественную встречу не как спасенным от гибели, а как победителям. Глаза строптивого путешественника увлажнились:

— Двадцать лет назад мне оказали такой же прием в Канне.

В тот раз он прибыл в Канн с острова Таити на двойной пироге «Камилоа» со своим приятелем, бретонцем Татибуэ. Теперь, когда смолкли торжественные приветствия, Бишопу пришлось отправиться в больницу, что опять привело его в бешенство, так как ему не терпелось засесть поскорее за книгу о плавании «Таити-Нуи» через

океан. Диагноз врачей был, однако, категоричным: острое воспаление легких.

Спасенные мореплаватели часто навещали своего капитана. Однажды они с волнением сообщили ему замечательную новость:

— Судостроители Конститусьона предлагают построить судно для возвращения на Таити. Они сделают его специально для вас и совсем бесплатно.

Конститусьон—небольшой порт к югу от Вальпараисо, известный своими судостроительными верфями.

— Что же это будет за судно?

— Деревянный парусник. Они на них специализируются.

— А вы согласились бы вернуться на Таити на парусном судне? Вы что, с ума сошли или задумали погубить мою репутацию? Плот, только плот, и ничего больше! Странствие началось на плоту и закончиться должно на плоту. Если дарители из Конститусьона не хотят строить плот, пусть они убираются ко всем чертям!

Рабочим и инженерам верфей прежде всего хотелось угодить отважным мореплавателям. Они согласились построить плот. Называться он должен просто—«Таити-Нуи II». Наблюдать за его сооружением будет Ален Брён, тогда как Эрик Бишоп, выписавшись из больницы, засядет за свою книгу.

В Чили бамбук не растет, иначе Эрик Бишоп потребовал бы, вероятно, снова построить плот из бамбука, несмотря на малоутешительный опыт «Таити-Нуи». Оставалось только дерево. Тур Хейердал выбрал для своего «Кон-Тики» дерево, которое использовали строители самых древних индейских плотов,—бальсу. Вывезти крупные стволы бальсы из горной экваториальной сельвы¹ (только там ее можно найти) было бы делом трудным, долгим и дорогим, к тому же Бишопу меньше всего хотелось кого-то имитировать.

Платформу «Таити-Нуи II» сделали из кипариса. У этого дерева очень большой удельный вес, и поэтому плавучесть его меньше, чем у других деревьев. Однако кипарис был выбран еще за одно качество: за очень плотную древесину, которая почти не намокает.

«Таити-Нуи II» мало отличался от своего предшественника. Длина 12 метров, ширина 4,2 метра, две мачты, несущие кливер, грот, бизань. Такая же каюта, как и на «Таити-Нуи», где разместится вся команда.

Пока строился плот, Эрик Бишоп собрал пресс-конференцию:

— Плот будет без руля. Его отлично заменят гуары.

И он объяснил механизм действия этих плоскостей. Их было шесть в носовой части плота и четырнадцать в кормовой. Но под конец поставили все же и руль.

— Но мы будем пользоваться им только при подходе к берегу, когда необходимо очень быстро маневрировать, чтобы никуда не врезаться.

На самом же деле рулем пользовались потом при каждой перемене галса, так как одного действия гуар было недостаточно.

Подобно «Кон-Тики», «Таити-Нуи II», поднимаясь к северу, чтобы

попасть в полосу благоприятных пассатных ветров, дующих с востока, использовал течение Гумбольдта, этот настоящий водяной конвейер. Мишель Брэн не принимал участия в плавании: тоска от разлуки с молодой женой заставила его сесть на пароход и вернуться на Таити. Обязанности радиста и старшего помощника перешли к его младшему брату. Кроме того, в состав экипажа были включены французский океанограф Жан Пелиссьер и его друг Ганс Фишер, чилиец немецкого происхождения, и, конечно, верный чилиец Хуанито, назначенный коком. Бишоп чувствовал себя еще неважно.

13 апреля 1958 года «Таити-Нуи II» вышел из Кальяо. Там во время стоянки на плоту был установлен радиопередатчик. На другой же день Ален Брэн испробовал этот аппарат. Никакого ответа на его позывные, что-то было явно не в порядке. Но настроение экипажа от этого не ухудшилось, а Эрик Бишоп даже обрадовался: в прошлое плавание Мишель Брэн слишком раздражал его разговорами с женой и с разными радиолюбителями.

Погода стояла прекрасная, при спокойном море дул ровный попутный ветер. Единственной неприятностью было слишком сильное погружение плота из-за большого удельного веса кипарисовых бревен, настолько сильное, что вода покрывала пол каюты.

— Это нам ничем не грозит, кроме неудобства,—сказал командир.— В худшем случае зайдем на Маркизские острова и попросим, чтобы нас проводили до Таити.

Это было небольшим отступлением от намеченной программы, но оно ничего не изменило бы в том, что по-прежнему стремился доказать Бишоп: Тихий океан можно переплыть на плоту в обоих направлениях.

С 26 мая погода стала портиться, и в последующие дни ветер достиг 30, 40, затем 50 узлов. Несмотря на то что действие парусов усилилось, плот не становился легче, совсем наоборот. К середине июня его носовая часть постоянно была погружена на полметра под воду, корма немногим меньше. Иными словами, плотом было все труднее и труднее управлять. И все сложнее жить на нем.

— Перейдем на крышу каюты,—сказал Эрик Бишоп.

Ничего другого и не оставалось, особенно для слабого здоровьем командира. На плоской крыше каюты команда соорудила для него небольшое укрытие, куда поместили также продукты, морские карты и навигационные приборы, чтобы они не намокли. Поселившись там, Бишоп уже почти не вставал. Командование он передал Алену Брэну.

Полузатопленная подводная лодка с парусами—вот во что превратился «Таити-Нуи II» к концу июня. Ни один моряк в мире не сумел бы как следует управлять таким снарядом.

Очень скоро пришлось выбить боковые стенки каюты, потому что вода, скапливаясь в ней, создавала «водяной корпус», делая плот неустой-

чивым. Через несколько дней пришлось убрать заднюю мачту, так как ее парус грозил перевернуть «Таити-Нуи II». Ален Брэн, опытный моряк, определил по солнцу координаты: не имея возможности безошибочно держаться курса, они прошли вдали от Маркизских островов, «проскочили» их. С каждым днем плот все сильнее погружался в воду и становился от этого все неустойчивее. Чтобы не опрокинуться, убрали фок-мачту.

Ни мачты, ни паруса. Неподвижный предмет на поверхности моря. Кто может спасти «Таити-Нуи II» на таком пустынном пути? Кто заметит этот ничтожный предмет, крохотную кабинку, почти залитую водой? Всю ночь Ален Брэн пытался оживить свой передатчик и послать SOS. Брат его Мишель, вернувшись на Таити, вставал каждую ночь около трех часов и пытался поймать «Таити-Нуи II». И в ту ночь, когда Ален отчаянно пробовал наладить свой передатчик, Мишель стоял у приемника. Ни звука. И Ален не слышал никакого ответа. Ниоткуда. И все же он не падал духом.

— Нам надо во что бы то ни стало продвигаться вперед.

Да, только ветер мог спасти этот беспомощный плот, подгоняя его к западу. Вместо фок-мачты поставили мачту поменьше, укрепив на ней один парус.

20 июля. Подводная лодка с парусом едва ползет на запад, каждую минуту грозя перевернуться.

Пять небольших, 50-литровых, бочек прикрепили к четырем брускам — получился поплавок. С платформой его соединят срезанные мачты. Несколько дней упорного труда, руки в воде, ноги в воде, и вот хитроумный аппарат готов. Полузатопленная подводная лодка с балансиром и маленьким парусом, посудина ни на каких морях не виданная, медленно плывет на запад.

— Идем прямо к островам Самоа. До одного из них мы уж наверняка доберемся.

Теперь для «Таити-Нуи II» опасность перевернуться миновала, но он продолжал погружаться в воду, с каждым днем все глубже. Что же, стволы кипариса пропитались водой, несмотря на свою репутацию? Нет. Разумеется, нет. Однако в тропических морях любой кусок дерева, пробыв какое-то время под водой, покрывается ракушками, водорослями, рачками, моллюсками и тяжелеет. Бальсовое дерево, несомненно, выдерживает лучше этот груз, который мало-помалу губил стволы кипариса. Что же делать?

Мы знаем случаи, когда люди, выброшенные во время кораблекрушения на берег, строили из обломков своего корабля лодку и спасались на ней. Но во всей истории мореплавания мы найдем очень мало примеров — может быть, всего только один и есть, — чтобы в открытом море люди на тонущем плоту сумели построить своими силами и средствами другой плот, перейти на него и продолжать плавание. Именно это и было сделано на «Таити-Нуи II». Моряки начертили план и представили его на суд Эрику Бишопу, который все еще лежал

в своем укрытии на крыше каюты. Немоощный, но не терявший ясности рассудка, капитан одобрил план, и вот посреди океана 1 августа 1958 года люди принялись за дело.

Новая платформа должна была держаться на центральном поплавке и двух балансирах. Сверху маленькая пристройка того же назначения, что и каюта «Таити-Нуи II», в ней поместят больного капитана, приборы и продукты.

Для центрального поплавка взяли пять 200-литровых бочек из-под пресной воды. Его и сделали в первую очередь, потом, привязав к буксирному тросу, стали возводить на нем плот номер три. Иными словами, его строители работали, плавая в воде.

Балансиры — 50-литровые бочки — соединялись с центральным поплавком перекладинами, которые и составили платформу. Разумеется, совсем отяжелевшие кипарисовые бревна для нее не взяли, на это пошел эвкалиптовый рангоут, остатки срубленного такелажа. Для крепления использовали ванты и бакштаги, для настила постепенно отдирали доски с большого плота.

Трудились почти две недели в совершенно невообразимых условиях. Большой плот, за исключением каюты, был теперь весь на метр под водой и с каждым днем опускался еще глубже. Всякий раз, когда пловцы-строители возвращались после работы на маленьком плоту, им негде было даже обсушиться. День за днем мокли они в воде. Ночью и при возрастающем волнении на море работать они не могли, и это было самое трудное время. В голову лезли всякие мысли: если буксир не выдержит, маленький плот для них потерян, а что будет с ними на большом плоту, уже на три четверти разобранным и все глубже уходящим под воду?

Как только море чуть успокаивалось, сразу приступали к работе. На спасательном плоту была возведена небольшая, наклоненная вперед мачта с косым парусом.

— Руль тоже нужен, — сказал Ален Брэн.

Сооружение и установка этого механизма были самым трудным делом.

Люди работали на обреченном «Таити-Нуи II» по грудь в воде.

А что, если появятся акулы?

Я уже привел слова командира Кусто: «Невозможно предугадать, как поведет себя акула». И никаким образом нельзя определить, появятся ли вообще акулы. У них нет ни постоянных путей миграций, ни излюбленных мест. Мы уже видели осажденный акулами плот, видели, как эти хищницы преследуют людей. Люди на затопленном среди Тихого океана «Таити-Нуи II» не могли, конечно, не думать об акулах. Но из двух рассказчиков этой одиссеи (Ален Брэн и Жан Пелиссьер) ни один о них не упоминает. По воле providения, акул не было. Появись они там, рассказывать о них было бы некому. Люди, работавшие под водой, неизбежно оказались бы в их страшной пасти.

Наконец 12 августа «Таити-Нуи III» (никто его так, конечно, не

называл, все говорили просто «маленький плот») был закончен. В сравнении со своим большим гибнущим собратом это было удивительное сооружение. Чудо из чудес для тех, кто видит его теперь...

13 августа люди еще раз перебрались вплавь с большого плота на малый. Но это уже был последний раз. Затем, осторожно выбирая буксир, они подвели малый плот к большому, чтобы забрать Эрика Бишоп и вместе с навигационными приборами перенести его в маленькую кабину. Перенесли также все продукты и питьевую воду. 14 августа буксир был отцеплен. Люди на малом плоту уже не видели остатков разломанного «Таити-Нуи II», только каюта качалась еще на морской поверхности, словно пьяная. Потом и ее скрыли волны.

Погода не улучшалась, она и до конца останется такой же неблагоприятной. Когда шторм усиливался, огромные волны обрушивались на маленький плот, но он хорошо держался и не уходил под воду. Две недели оставалось еще до конца плавания.

Две тяжкие недели, и не только из-за бурного моря. Изнуренные, издерганные люди страдали уже от голода и жажды. Сильные дожди позволили пополнить запасы пресной воды. Но каждый раз распределение пищи вызывало пререкания и даже ссоры и обиды. Особенно сдали нервы у двоих путешественников, и Ален Брэн старался их успокоить. Каждый день он давал отчет о пройденном пути командир, все еще не выходявшему из кабины.

— В среднем мы идем со скоростью в два узла. Ветер гонит нас к острову Пенрин. Попробуем пристать к нему.

Бишоп с ним согласился. Пенрин—остров в Полинезии, к югу от архипелага Лайн. Ален Брэн старался держаться этого курса, но течения сносили их тихоходный корабль. Он прошел в сорока милях от Пенрина.

Вместе с Эриком Бишопом Ален Брэн еще раз сверился с картой. В Тихом океане прямо перед ними было разбросано много других островов, но при малейшей неудаче плот мог все время проскакивать между ними и пристать наконец где-нибудь случайно, когда никого уже не будет в живых.

— Нет,—твердо решил Ален Брэн.— Мы должны обязательно попасть на остров Манихики или на Ракахангу!

От Манихики их отнесло течением к югу. Однако потом Ален Брэн увидел, что они приближаются к атоллу Ракаханга. Он почти не отходил от руля.

— Остается миль пятьдесят.

Такое расстояние плот проходил примерно за сутки. 29 августа до желанного острова оставалось не более десяти миль, и к вечеру он наконец появился среди океанского простора, чуть возвышаясь над водой.

Кольцо зелени с полоской очень светлого песка окружало спокойные и

прозрачные воды лагуны. Снаружи его окаймлял поясok белой пены прибоя. С самолета при свете яркого тропического солнца атолл кажется настоящей драгоценностью.

Наши путешественники увидели Ракахангу не с самолета, а с маленького плотa у самой поверхности моря в сумерках ненастного дня. Они знали, что остров окружен рифами и что подходить к нему надо против ветра, иначе он может остаться в стороне. Потом, надо было найти проход между рифами, а это трудный маневр.

Уже темнело, когда плот, подгоняемый волнами, приближался к острову, то очень медленно, то немного быстрее. Ален и Хуанито поспешно мастерили плавучий якорь, чтобы выбросить его в последний момент и ослабить толчок при посадке на мель.

Уже совсем стемнело. Люди на плоту зажгли электрические фонарики.

Шум прибоя становился все слышнее.

В 21 час 30 минут Ален Брэн закричал: «Буруны!» В свете фонарей из ночной темноты выступила белая полоска пены. Хуанито держал руль, Брэн стоял на носу, наклонясь вперед и показывал рукой:

— Вон там! Видишь?

Хуанито увидел темное пятно в полосе бурунов: проход. Плот устремился к нему. Тремя взмахами Ален Брэн выбросил плавучий якорь, спустил парус. Море бешено ревело на подводных скалах. Соединив сплетенные руки, Жан Пелиссьер и Ганс Фишер вдвоем держали Эрика Бишопa. На большой волне плот взлетел вверх, наклонился под углом 45 градусов и опрокинулся, ударившись о выступ рифа. От сильного толчка его пассажиры кувыркoм полетели в воду. Помятые, ушибленные, они друг за другом выползали к берегу.

— А где же капитан?

Эрик Бишоп застрял между бочками и оказался под перевернутым плотом. Вытащить его оттуда было нелегко. Люди старались изо всех сил. Наконец донесли его до берега. Он был недвижим.

Белый коралловый пляж с кокосовыми пальмами по краям выглядел уныло в свете луны. Склонившись над своим капитаном, промокшие моряки до самого утра пытались оживить его, производя искусственное дыхание. Все было напрасно. Когда плот опрокинулся, Эрик Бишоп получил смертельный удар по голове.

Так завершилась эта печальная эпопея. Три плотa, три крушения.

Эрик Бишоп был похоронен сначала на Ракаханге, но потом его спутники перевезли прах своего капитана в Папеете.

Лучше всего сказать об этих людях словами известной назидательной формулы: честь неудачам отважных.

ХІ

От неба до морских пучин

Что бы вы ни собирались говорить о Тихом океане, вам прежде всего нужно сказать о его величине. И потом вам опять придется вспомнить о ней, и так без конца. Это она определяет силу и направление его ветров и течений, особенности его климата, характерные черты островитян и жителей побережий. А какое воздействие она может оказывать на тех, кто отважился ринуться в эти безбрежные просторы, мы уже видели и увидим дальше.

Своеобразие Тихого океана невозможно выразить одним эпитетом. Он весь в контрастах. Он может быть грозным, опасным, разрушительным, а в иные минуты таким неожиданно кротким, что вполне заслуживает названия, данного ему Магелланом.

Водная масса Тихого океана—ни с чем не сравнимый термостат, накапливающий тепло и медленно его отдающий, так что на большинстве его островов климат великолепный. Теплые, ласковые ночи, небо в огромных звездах, танцы под звуки укулеле—все это не миф. Название «Новая Кифера» придумано не только из-за красоты туземных женщин, пиришеств, танцев и любви. Ничего этого не было бы при иной атмосфере. Еще недавно мы с вами видели, как негя теплой ночи держала в своей власти посетителей ночного клуба на берегу океана перед нападением пиратов.

И однако, Филиппины—один из архипелагов, страдающих от циклонов. Величина Тихого океана обусловила режим его ветров. К северу от экватора существует полоса штилей, наводившая некогда страх на парусники. Там почти всегда стоит изнурительная духота. Плотный пар висит над морем—облачное кольцо, говорят моряки,—и заволакивает горизонт. В странном рассеянном свете мерцает гладкая поверхность моря. Редко в такие дни неустойчивый шальной ветерок всколыхнет это оцепенение, и опять все застынет.

Восходящее движение воздуха в полосе штилей вызывает постоянный приток туда воздушных масс с севера и с юга из зон высокого давления; вращением Земли они преобразуются в пассаты. Происходит перемещение колоссальных воздушных масс от поверхности моря до ледяных высот, где дуют антипассаты.

Не встречая на своем пути никакого препятствия, циклоны (в западной части Тихого океана и в Китайском море они называются тайфуны) достигают скорости внутреннего вращения 180 километров в час. В то или иное время почти все архипелаги испытывают их опустошительное воздействие, и, пожалуй, одни лишь Гавайские острова благодаря устойчивости местного антициклона относительно защищены от ураганов.

Эти опасные вихри, как и огромные расстояния, не благоприятствовали первым перелетам через Тихий океан, но энергия и упорство человека одолели его необозримые просторы. И впервые за их покорение взялась женщина, пока не нашла там свою смерть.

В предыдущем томе* я рассказал об очаровательной американской летчице, внешне очень похожей на Линдберга, Амелии Эрхарт, которая 20 мая 1932 года, никогда прежде не совершая ночных полетов, первой из женщин перелетела через Атлантику. Покорив этот океан, летчица решила одолеть и Тихий. 11 января 1935 года она вылетела с Гавайских островов одна на борту «Локхида» и через 18 часов приземлилась в городе Окленде в Калифорнии. Она была первым человеческим существом, совершившим такой полет в одиночку.

После этого Амелия Эрхарт поступает на службу в университет Пердью, и ее соотечественники подумали, с некоторой жалостью к ней, что она намерена вести теперь более оседлый образ жизни. Но вот в конце 1936 года распространился слух, что Амелия Эрхарт собирается совершить кругосветный перелет, следуя *по линии экватора*.

Пускалась она в свое небывалое приключение на этот раз не одна: по предложению авиакомпании «Панам» с нею должен был лететь Фред Нунан, считавшийся лучшим штурманом в Соединенных Штатах. Последнюю модель самолета «Локхид-Электра» предлагал университет Пердью.

2 июня 1937 года Амелия и ее штурман вылетели из Майами и, достигнув экватора, повернули на восток. В конце июня они были в Лаэ на Новой Гвинее. Следующий отрезок — третий от конца — 4000 километров беспосадочного перелета над Тихим океаном. Приземлиться они должны были на Говард-Айленд, плоском островке размером три на полтора километра, специально оборудованном для этой посадки американским морским министерством. Никто в Америке, видимо, не удивлялся, что Амелия Эрхарт пользуется такими привилегиями. Объясняли это ее популярностью.

* Ж. Блон. Великий час океанов. Атлантический. М.: «Мысль», 1978.— *Прим. перев.*

2 июля 1937 года летчица и ее штурман продолжали свой полет на восток. В намеченный час на Говард-Айленд они не прибыли. Не было их и в последующие дни.

Уже велись их розыски внушительным числом судов и самолетов. 18 июля розыски были официально прекращены, и в печати появилось сообщение: самолет упал в море, и, видимо, его следует считать погибшим.

Это явно правдоподобное заключение было принято всеми единодушно. В некоторых книгах говорилось о «загадке гибели Амелии Эрхарт». Кое-кто придерживался такой точки зрения: кругосветный перелет служил только предлогом. Амелия Эрхарт была послана со шпионским заданием на Марианские острова, где тайно сооружали свои базы японцы, собираясь выступить против Соединенных Штатов. Амелия и ее штурман совершили вынужденную посадку на острове Сайпан, где были схвачены японцами и казнены. В доказательство этих утверждений приводились волнующие документы и факты. С момента окончания официальных розысков — 18 июля 1937 года — армия, морской флот и министерство иностранных дел хранили об этом полное молчание.

История островов и побережий Тихого океана знает немало страшных катастроф: не только от циклонов, но также от цунами и землетрясений. Водяная стена, разрушившая в 1724 году Калью в Перу, была высотой 27 метров. При землетрясении 1868 года в Арике (Чили) поднялась волна, затопившая низменные районы Литатона на Новой Зеландии, в 11 000 километров от места землетрясения. Недавние подземные толчки в Центральной и Южной Америке послужили для газет поводом вспомнить еще более ужасные катастрофы, постигшие в 1922 году Чили, а в 1923 году Японию.

Толчки произошли на морском дне. Ложе Тихого океана словно злой великан, которому снятся во сне кошмары, малейшие его содрогания ужасны. С восточной стороны Гавайских островов поднимаются необычные подводные горы конической формы, вершины которых будто срезаны ножом. Это древние вулканы. На Гавайском архипелаге есть и действующие вулканы. Есть они также и на некоторых островах Меланезии и на Новой Гвинее.

В восточной части Тихого океана, у самого побережья Америки, тянется подводная горная цепь, и с обеих сторон ее кражей расположены самые неустойчивые зоны в земной коре, подверженные расколам. В районе Сан-Франциско, как утверждают ученые, можно опасаться в более или менее отдаленном будущем такой же (или даже еще более серьезной) катастрофы, какая произошла в 1906 году¹. Однако подобная перспектива, видимо, не страшит жителей Калифорнии. Да и все мы в той или иной мере разве не живем на вулкане?

Тихий океан, как и другие океаны, наиболее глубок не в средней своей части. Глубокие впадины расположены несколько в стороне. Самая глубокая из них находится к востоку от острова Гуам: 11 000 метров. Это на 2000 метров больше высоты Эвереста.

В 1905 году швейцарец Огюст Пикар, студент-физик двадцати одного года, придумал аппарат для погружения на большие глубины. Реализацию своей идеи он пока отложил, поскольку у него не было средств и в голове теснилось множество других планов. В 1932 году он стал вдруг знаменит, поднявшись в стратосферу до высоты 16 000 метров на воздушном шаре, и после этого вернулся к проекту батискафа. Сконструировал его Пикар в 1948 году (на средства Государственного фонда научных исследований); первый аппарат такого типа был назван FRNS-2. В 1953 году в Триесте он сконструировал вместе с сыном, ставшим его сотрудником, второй батискаф — «Триест», а первый передал французскому Морскому ведомству, где его реконструировали и назвали FRNS-3. Впоследствии был создан еще один батискаф, «Архимед», но нас теперь интересует только «Триест».

Батискаф не подвешен на тросе, он опускается и поднимается самостоятельно. Его основная часть — стальной шар с очень толстыми стенками (от 9 до 15 сантиметров), с диаметром внутренней части 2 метра, где помещается два человека. Чтобы батискаф не шел ко дну, как камень, к нему привязан уравнивающий поплавок, который опускается вместе с ним с заданной скоростью благодаря хитроумному устройству — баку с бензином, свободно сообщающемуся с морем. Вся система снабжена балластом из свинцовой дроби. Опустившись на дно или на заданную глубину, балласт сбрасывают простым выключением электрического тока. Таким образом устраняется риск застрять на большой глубине.

Профессор Огюст Пикар и сын его Жак спустились на глубину 3150 метров в заливе Каstellамар в Италии. В 1956 году во время поездки в Соединенные Штаты Пикар заинтересовал своим проектом видных представителей американского морского ведомства, и они на следующий год подписали с ним контракт. Для испытания «Триеста» в итальянских водах прибыли американские ученые разных отраслей знания, и наконец в августе 1958 года батискаф был доставлен в Сан-Диего, в штате Калифорния. По новому договору американцы брали на себя уход за батискафом с оплатой всех дальнейших опытов. Вдобавок Соединенные Штаты финансировали научно-исследовательскую лабораторию в Швейцарии.

В восточной части Тихого океана в материковый склон глубоко врезаются большие подводные каньоны. Каньон Монтерей против берегов Калифорнии по размерам не уступает Большому каньону Колорадо: глубина 1800 метров, длина 800 километров. Первые

погружения «Триеста» проводились как раз в этих местах. Участие в них принимал сам Пикар, но официально командиром батискафа был назначен лейтенант американского флота Уолш; он руководил и всем коллективом ученых.

Батискаф опускался в районе Сан-Диего; особое внимание ученые уделяли скорости звука в воде на разных глубинах. Те, кто находился внутри стального шара, наблюдали через иллюминаторы в рассеянном свете кварцевых ламп главным образом за медузами и планктоном. В бортовой книге записывались малейшие подробности, замеченные во время погружения: «Видели превосходную угольную рыбу около 30 см длиной, два больших глаза».

Высшие власти американского морского флота имели и другие виды на «Триест» помимо безобидных погружений. Им хотелось исследовать самое глубокое в мире место — Марианскую впадину. Проект этот был назван «Нектон» — «по названию морских животных, способных самостоятельно плавать» в противоположность планктону. Планктон американскими океанографами был изучен уже достаточно.

Члены группы «Нектон», в первую очередь Жак Пикар и лейтенант Уолш, прибыли на остров Гуам в середине октября 1959 года. Это были моряки разных специальностей, военнослужащие, океанографы, биологи, фотографы, электрики, механики.

В разобранном виде «Триест» перевозило специальное грузовое судно «Санта-Мариана», на Гуаме его собрали вновь, и в первых числах ноября начались пробные погружения: 1500, 7000, 7025 метров.

19 января 1960 года члены группы «Нектон», собравшиеся на Гуаме, отплыли на буксирном судне «Уонданк», которое должно было доставить «Триест» к месту погружения — над впадиной Челленджер. Этот недалекий рейс был долгим и малоприятным. 23 января Жак Пикар и лейтенант Уолш заняли места в стальном шаре. Погружение началось в 8 часов 23 минуты. Жак Пикар заранее определил скорость погружения:

— До 8000 метров — 1 метр в секунду, потом до глубины 9000 метров — 60 сантиметров в секунду и далее 30 сантиметров в секунду до самого дна.

Вот краткая сводка записей в судовом журнале:

9 ч. Глубина 240 м.

9 ч. 01. Глубина 300 м. Темнота почти непроглядная. Пикар зажег впереди прожектор. Видно огромное количество взвешенного в воде материала.

9 ч. 20. Глубина 735 м. В поле зрения лишь незначительное количество фосфоресцирующего планктона. Температура морской воды 10°. Холод вторгся в кабину. Двое ее обитателей переменяли одежду, намокшую во время посадки. Съели плитку шоколада.

10 ч. 20. Глубина 4100 м. Время от времени подводный мрак прорезают редкие точки фосфоресцирующего планктона. И ничего больше.

- 11 ч. 30. 8250 м. Пикар снижает скорость спуска до 60 см в секунду.
11 ч. 44. 8800 м. Высота Эвереста. В свете прожекторов видна совершенно прозрачная вода. Спуск продолжается более медленно.
12 ч. 56. На измерителе глубины появляется черная линия. Это дно, которое находится в 80 м ниже батискафа.
13 ч. Слабый свет, идущий снизу, и вдруг около иллюминатора промелькнуло маленькое животное (2—3 см длиной). «Кажется, красная креветка».

До дна остается семнадцать метров, восемь метров, пять метров. Его уже ясно видно. «Сложено оно легкой и светлой осадочной породой, обширная пустыня цвета слоновой кости; это явно диатомеи». (Диатомеи — одноклеточные водоросли с кремневыми панцирем; их остатки скапливаются на дне морей, образуя слой диатомового ила.)

- 13 ч. 06. «Триест» мягко касается дна. Манометры показывают давление в 1156 атмосфер; учитывая соленость моря, его среднюю температуру, сжимаемость воды и силу тяготения на данной широте, такое давление соответствует глубине 10 916 м.

Исследователи решили пробить там полчаса, чтобы провести намеченные наблюдения, в том числе измерение скорости циркулирующей на этой глубине воды (очень холодной, она поступает от полюса), измерение атомной радиации, если она там существует. В кабине холодно: ниже десяти градусов, никакого отопления устроить в ней было нельзя. Исследователи согревались двумя «отличными грелками».

Время тянется в этих холодных глубинах. Правы ли те, кому они издавна представлялись пустыней? Нет, не совсем, поскольку неожиданно «в поле зрения появилась красивая темно-красная креветка». Еще через несколько минут они увидели рыбу. «Очень напоминает рыбу-соль, около 30 см в длину и 15 см в ширину. Два больших глаза. Для чего они ей в этой абсолютной темноте?» Ученые по крайней мере поставят этот вопрос, над которым можно долго размышлять.

Сбросив балласт на дно моря, «Триест» начал подъем (он был чуть быстрее, чем спуск) и в 16 часов 56 минут вышел на поверхность. Группа «Нектон» возвратилась на остров Гуам, куда за Жаком Пикаром и Уолшем пришел специальный самолет, доставивший их прямо в Вашингтон. В Белом доме им был оказан горячий прием, а через несколько дней Жак Пикар получил письмо от президента Эйзенхауэра:

«Дорогой господин Пикар. Для меня было особой радостью иметь случай вручить вам в прошлый четверг орден, как признание вашего замечательного вклада в то дело, которое Соединенные Штаты осуществляют для науки в области океанографии. Как гражданин Швейцарии, страны, вызывающей восхищение всего мира своей любовью к свободе и независимости, вы заслужили благодарность всего американского народа за то, что так много сделали для развития этой важной области науки. От всей души желаю вам

дальнейших успехов. Ваш Дуайт Эйзенхауэр. 9.2.1960». Две креветки, одна большеглазая рыба. Эта скудная жатва была, конечно, не единственным результатом «операции Нектон». Производились и другие наблюдения, были собраны и другие сведения, не получившие гласности, но, может быть, и оправдавшие «благодарность всего американского народа». То обстоятельство, что пассажиры «Триеста» увидели в глубине океана так мало живности, вовсе не значит, что в других местах ее не может быть гораздо больше. Очень глубокие впадины, конечно, могут не нравиться морским животным; известно, впрочем, что самая обильная фауна — у материкового шельфа. Как бы там ни было, «Триест» установил непревзойденный рекорд и удостоился награды за исследование Тихого океана. Изобретатель его Огюст Пикар дожил до этого успеха. Ученый умер в 1962 году.

В то самое время, когда американское морское ведомство так щедро финансировало исследования на батискафе, два геофизика морской Службы научных исследований, Гордон Лилль и Карл Алексис, создали организацию, названную ими не без юмора Американским смешанным обществом (сокращенно Амсок), целью которой было изучение «любого проекта, если он необычен». Проект, которым Амсок в скором времени занялся, действительно заслуживал такой оценки.

Шестьдесят лет назад хорватский геолог Андрей Мохоровичич, изучая сейсмограммы землетрясения 1909 года, заметил, что сейсмические станции, расположенные на расстоянии нескольких сот километров от места катастрофы, отметили два последовательных ряда волн, хотя толчок был один. После долгих размышлений и исследований он пришел к выводу:

— Волны, вызванные одним и тем же толчком, достигли сейсмической станции двумя различными путями внутри земного шара. Те, что достигли станций первыми, прошли через глубинные плотные слои, где звук распространяется с наибольшей скоростью. Вторые, преодолевшие то же самое расстояние, шли через верхние, менее плотные слои и поэтому с меньшей скоростью. Разница между тем и другим путем так велика, что я нахожу для этого только одно объяснение: на глубине нескольких километров от поверхности свойства земного шара меняются резким скачком.

Выдающиеся геологи размышляли над этим утверждением, сличали данные и наконец сделали выводы, что наша планета, начиная от поверхности, имеет следующее строение: осадочный слой, более или менее мощный, но никогда не превышающий нескольких километров; твердый слой, возможно базальтовый или гранитный, сиаль; слой, как поверхность раздела, впервые открытый Мохоровичичем и поэтому названный поверхностью Мохо; ниже идет мантия,

простирающаяся до глубины 2900 километров; под нею жидкий слой, состоящий, как полагают, из расплавленного железа и никеля, мощностью от 2000 до 2200 километров; наконец, твердое центральное ядро диаметром около 2500 километров. Естественно, чем дальше от поверхности, тем менее точны предположения. Но еще до второй мировой войны ученые сумели убедиться в существовании поверхности Мохо и мантии под ним. А ведь мантия — самый мощный слой, составляющий более 84 процентов всего объема Земли. И о нем нам ничего не известно.

— Собственно говоря, мы почти ничего не знаем о том небесном теле, на котором живем. Если бы удалось пройти через поверхность Мохо и достичь мантии, мы бы смогли по величине радиоактивности узнать возраст и происхождение Земли, происхождение океанических бассейнов и морской воды, причину землетрясений и наверняка узнали бы истину о перемещении материков и даже о происхождении жизни на нашей планете.

Такое мнение высказали в 50-х годах геологи, физики, геофизики, биологи и другие ученые, объединенные Американским смешанным обществом. Их энтузиазм еще возрос, когда в марте 1957 года Вальтер Мунк и профессор Гарри Гесс подвели примерный итог геологическим сведениям, собранным за последние годы во всем мире:

— Поверхность Мохо располагается не параллельно поверхности Земли: под океанами она ближе к нам, чем под материками. В некоторых местах она находится всего в семи километрах от дна океана, тогда как под материками она расположена на глубине тридцати или сорока километров. Именно под морями мы должны пробиться через поверхность Мохо и достичь мантии.

Должны пробиться. Убежденность двух ученых была такова, что в сентябре того же года в Торонто по инициативе Амсока собрался Международный геодезический и геофизический съезд и вынес решение: «Срочно изучить возможность и стоимость бурения поверхности Мохо». Так как речь шла о бурении скважины (по-английски *hole*) в слое Мохо, операция получила название проекта *Mohole*.

Энтузиазм ученых рос с каждой их встречей. В «Сайеншл Америкен» была напечатана статья Баскома: «Поскольку скважина пройдет через время и пространство первоначальной жизни на земле, вполне возможно, что будут обнаружены следы этой жизни». Иными словами, бур, проникая все дальше и дальше в осадочные породы больших глубин, будет исследовать прошлое планеты и человечества. В общем речь шла об очень волнующем исследовании.

Чтобы пробурить скважину под водой, изыскателям нефти нужно несколько лет. Первая поисковая скважина в Северном море в 1965 году достигла глубины 4520 метров, то есть бур, опущенный на дно моря, проник в подводный грунт более чем на четыре километра. С затратой очень больших средств можно пробурить и более глубокую

скважину даже в твердых породах: в Техасе одна наземная скважина имеет глубину более 8000 метров.

Если разведчики нефти производят бурение по краю материкового шельфа на глубинах 200 метров или чуть больше, то для того, чтобы достичь Мохо, необходимо бурить дальше в открытом море. Геофизики определили, что в районе Гавайского архипелага Мохо лежит на глубине всего 4800 метров от морского дна. Однако выше этого дна—4500 метров водной толщи океана. Вот что говорил о проекте Вальтер Мунк:

— Прежде всего необходимо подвести судно, производящее бурение, к намеченному месту и установить его там совершенно неподвижно. Глубина не позволяет нам использовать якоря и цепи, но наши специалисты по электронике нашли другое средство. Держать корабль в нужном положении будут четыре буя с подводными ультразвуковыми радиопередатчиками и радиолокаторами на поверхности, а электронная машина, приводящая в действие боковые винты, будет исправлять малейшие смещения. На дно спустят трубу с буром, и начнется бурение. Наверное, оно будет долгим. На рекордную скважину в Техасе потребовалось два года. Учитывая большое научное значение нашей задачи, такая длительность не должна нас останавливать.

— А не придется ли нам за время работы менять бур, и может быть, не один раз?

Мунк допускал, что это возможно и даже, наверное, так и будет.

— В таком случае сумеем ли мы при большой мощности водного слоя снова ввести бур в начатую уже скважину?

Это была важная техническая трудность, но ее сочли преодолимой. Заменяют же нефтяники свои изношенные буры. Большая глубина океана, на какой придется работать, конечно, усложнит задачу, но это лишь технические трудности, при наличии необходимых средств вполне преодолимые.

А средства были отпущены немалые. Государственный научный фонд объявил, что выделяет полтора миллиона только для электронного оборудования, обеспечивающего устойчивость судна. Строительство бурового судна финансировали четыре нефтяные компании. В марте 1961 года начались пробные бурения. Пять скважин глубиной по 315 метров были пробурены в 30 километрах от берега, против Сан-Диего, на глубине 930 метров. Затем судно направилось по Калифорнийскому заливу вдоль мексиканского побережья и остановилось в 65 километрах к востоку от острова Гваделупа. Глубина океана в этом месте 3000 метров.

Опустили буровую трубу, и бурение возобновилось. 28 марта 1961 года, при скорости ветра 50 километров в час и высоте волн до 4 метров, глубина скважины в подводном грунте достигла 70 метров. 1 апреля—166 метров, и наверх была поднята «колонка» 12 сантиметров длиной; она состояла из «двух кусков темно-серого

базальта, один из них с блестящей поверхностью». Бурить стало труднее, проходили не более 60 сантиметров в час. За последующие двадцать один час прошли только 13 метров, и буровая машина остановилась. Пробные бурения прекратили. До поверхности Мохо было еще очень далеко.

— На большем судне мы сможем добраться до него за три года при расходах 20—25 миллионов,— заявил Вальтер Мунк.

Судно было возвращено нефтяным компаниям. Ученые принялись разрабатывать новую программу бурения. Длилось это долго, так как не было согласия.

— Можно ограничиться менее глубоким бурением. Ведь изучить верхний слой осадочных пород тоже очень интересно.

Но геофизики, одержимые мыслью просверлить слой Мохо и достичь мантии, не хотели ничего снимать в первоначальном проекте. 18 августа 1966 года палата представителей привела обе стороны к согласию, отказав Государственному научному фонду 108 голосами против 59 в выдаче 19,7 миллиона долларов, необходимых для завершения проекта *Mohole*. Представитель Среднего Запада говорил, в крепких выражениях, о том, как нелепо было бы «швырнуть двадцать миллионов долларов в дыру на дне моря». Эффектная «программа Аполло» по исследованию космоса сильно потеснила подводные исследования. Но фанатиков океана ничто не могло привести в уныние.

— Город наш богатый из богатых. И край наш богатейший в мире. Так говорят жители Ла-Хольи, очень красивого местечка на берегу моря, в четверти часа езды от Сан-Диего.

В воскресные дни автомобили заполняют стоянки на пляжах Ла-Хольи с самого раннего утра. Из них высыпают загорелые парни и девушки со светлыми волосами, часто уже облаченные в прорезиненные комбинезоны. Она платят за прокат досок для серфинга, установленных на воде, и бегут к морю.

Своим богатством Ла-Холья обязана главным образом тому, что в ней находится университет Скриппса, или просто Скриппс, как там говорят. Это имя наверняка не стало бы известно потомству, если бы Е. У. Скриппс, владелец газеты в Сан-Диего, не подписал в 1903 году чека на имя Уильяма Риттера, профессора зоологии в Беркли, совершавшего в то время свадебное путешествие.

— Мне бы очень пригодились пять тысяч долларов,—сказал он Скриппсу,—чтобы купить судно и организовать здесь лабораторию морской биологии.

Университет Скриппса стал бастионом океанографии. Его сотрудники должны приходить на работу ровно в 8 часов утра. Кабинеты и лаборатории открыты с 8 до 17 часов, а некоторые доклады и исследования происходят и в более позднее время.

В списках запланированных работ, вывешенных в вестибюлях, можно прочесть, какие именно исследования намечаются на ближайшие сроки. Например: «Данные о скорости и выдыхании под водой мегалоптера (горбатого кита), сопровождающего судно», «Обычные скопления свинца в снегах Гренландии», «Восстановление численности северного морского слона», «Особенности каротиноидного обмена веществ у фламинго Анд». На другой стене читаем: «В среду в 12 часов 15 минут лекция Теодора Эннса по морской биологии: «Выделение мочи почками акулы».

Университет располагает флотом из восьми специальных судов вместимостью от 99 до 2079 тонн. Одно из них, «Альфа Хеликс» (512 тонн, длина 40 м), представляет собой плавучую лабораторию. Как и в университете, на нем ведутся научно-исследовательские работы, название которых вызывает иногда улыбку («Сила, развиваемая гигантским петушком-тапесом, чтобы захлопнуть раковину», «Максимальная скорость передвижения краба-привидения», «Биение сердца у морского слона в разных условиях»), но которые, по мнению руководства университета, все будут использованы в свое время в торговле, промышленности, науке и военном деле. На борту «Альфы Хеликс» в распоряжении ученых библиотека с последними литературными новинками, и не было еще ни одного плавания, в котором они не организовали бы своего оркестра.

Возглавляет ученых на «Альфе Хеликс» биолог Пьер Схоландер, швед по рождению, полный 68-летний человек. У океанографов он приобрел большую известность своими работами, среди прочих: обмен веществ у тюленей и ламантинов, атеросклероз и образование холестерина у лососей, нервные волокна кальмара. Часто он работает в содружестве с Робертом Элснером, доктором философии 53 лет, ставшим специалистом в области электроники. Элснер изобрел полезные приборы для биологических наблюдений, сам он занимается дрессировкой тюленей и дельфинов, чтобы иметь возможность лучше изучить мускульную силу этих животных при нырянии.

С 1966 года в Тихом океане, в 60 километрах к западу от Сан-Франциско, на глубине 3850 метров, стала действовать подчиненная университету Скриппса подводная геофизическая станция. Она регистрирует главным образом земные толчки и ядерные взрывы, посылая всю информацию на берег по подводному кабелю. Упомянутый уже Вальтер Мунк использует аппаратуру этой станции для изучения морских приливов и измерения расстояний, пробегаемых волнами. Недавно он засек достигшие станции волны, вызванные бурей в Индийском океане. Чтобы иметь представление о пройденном ими расстоянии, взгляните на глобус.

— Океанография,— говорит Мунк,— едва только зарождается. Изучение океана даст нам такие знания, о которых мы теперь не имеем ни малейшего представления.

В университете Скриппса был разработан и сконструирован буй

«Монстр», стоящий на якоре во Флоридском проливе, для постоянно-го измерения скорости и температуры Гольфстрима. Такие же буи разбросаны в разных местах Тихого океана, некоторые в 4000 километрах от береговой станции, куда они каждые шесть часов посылают по радио свои данные: осадки, температура и влажность воздуха, температура и соленость воды, скорость и направление ветра, длина и направление морской зыби, высота волн и прочие сведения, о которых ученые не всегда говорят открыто, несомненно из-за возможности использовать их в военных целях.

Тихий океан, он так необъятен и нередко грозен, так величествен, когда пролетаешь над его пустынными просторами, и вот оказывается, что каждую минуту почти все эти просторы обзреваются, измеряются, просматриваются, прослушиваются. Правительство Соединенных Штатов, очевидно, не думает (несмотря на отказ поддерживать проект *Mohole*), что огромные суммы, которые тратятся на эти исследования, пропадают даром. Собранные сведения о ветрах, течениях, температуре и о всех настроениях Тихого океана могут обернуться однажды огромной и непосредственной выгодой². Например, осуществление грандиозного проекта, впервые предложенного еще одним сотрудником университета Скриппса, Джоном Изааксом: буксировка айсбергов из Антарктики в Калифорнию. Самый богатый в стране штат сильно страдает от недостатка воды: для полей, для промышленности, для нужд городов ее с каждым днем требуется все больше и больше. При нынешних ценах на пресную воду в Калифорнии «маленький» айсберг будет стоить 200 миллионов долларов.

В некоторых роскошных гастрономах Токио можно купить лед для прохладительных напитков из берегового припая Гренландии. Доставленный на самолете, он стоит в двадцать раз дороже промышленного льда. Покупают его из снобизма, так как на этикетке стоит надпись: «Возраст — две тысячи лет». Американский проект преследует более утилитарные цели.

Недавно этот проект был поддержан научно-исследовательским объединением «Рэнд корпорейшн» и Государственным научным фондом. Доставленный из Антарктики лед (чистый, без бактерий) смог бы на 50 процентов обеспечить потребность Калифорнии в пресной воде. Доставка айсбергов обошлась бы очень дешево, буксировку будут производить парусные суда, пользуясь научными данными о ветрах и течениях Тихого океана. На ум приходит одно возражение:

— Айсберги будут двигаться слишком медленно и растают.

Не забывайте, что девять десятых объема айсберга находится под водой. Только верхушка требует защиты от солнца. Авторы американского проекта предлагают для этого огромные пластиковые мешки. Проект их с самого начала казался более надежным, чем *Mohole*, и они считают его рентабельным.

Шествие через Тихий океан полярных айсбергов открыло бы новую главу в великих морских событиях, которые никогда не кончаются.

XII

Одержимый морем

Ни одно событие в науке и технике, каким бы значительным оно ни было, не может сравниться с событиями человеческой жизни. Приключения других людей трогают нас до глубины души, так как в своем воображении мы всегда ставим себя на их место, даже если в действительности неспособны последовать их примеру. Наше волнение при виде первых людей, шагающих по Луне, относится не к чуду технического успеха, а к судьбе космонавтов, их смелости: нас преследует мысль, вернутся ли они обратно.

Вот почему, рассказав о грандиозных и важных, конечно, для человечества проектах, я хочу показать под конец человека в его схватках с опасностями и яростью моря, в схватках в одиночку — и навстречу этим битвам он шел по своей воле.

— Я ему говорила, что на «Кон-Тики» было шесть человек и никто из них во время шторма не сидел без дела. Но все было напрасно. Ничего нельзя было сделать, он хотел отправиться один. Я знала, что меня ждут страдания.

Так говорила мне Тедди Уиллис, невысокая женщина, грациозная и очаровательная. За ее спиной в окне я видел Эйфелеву башню. Это было в 1956 году, я жил тогда на набережной Сены. Рядом с Тедди сидел ее муж, Уильям Уиллис, человек 63 лет с открытым лицом и ясными глазами. Не очень высокий, но мускулистый, прямой и гибкий. Я восхищался его прямой, как струна, спиной, и сам Уиллис — Билл, как звали его близкие люди, — вызывал у меня восхищение по многим причинам. Я был горд и счастлив принимать его в своем доме.

Миниатюрная Тедди не была тщедушной. В 1948 году их с мужем захватил ураган в Карибском море на маленьком шлюпе длиной 9,3

метра. В самый разгар бури Тедди сказала: «Надо привязаться друг к другу. Я не боюсь умереть, ты за меня, Билл, не беспокойся. Но когда придет последний час, я хочу быть рядом с тобой. И мне хотелось бы умереть минуты на две раньше тебя, чтобы не оставаться наедине с акулами». Все это она говорила спокойным тоном секретарши,

Уильям Уиллис с женой Тедди. В 1954 году, в шестьдесят один год, Уиллис впервые в одиночку пересек на плоту Тихий океан

называющей телефонный номер. Но позднее, когда муж сообщил ей о своем намерении переплыть в одиночку Тихий океан на плоту, она запротестовала: «Это безумие». Уильям Уиллис все же отправился в путешествие и успешно его завершил.

В 1954 году Уильям Уиллис повторил подвиг «Кон-Тики» и даже превзошел его: он был один на плоту и одолел большее расстояние, чем Тур Хейердал. От Перу до Самоа он прошел путь в полтора раза длиннее, чем «Кон-Тики».

Имя Тура Хейердала известно всему миру. Но кто во Франции знает имя Уильяма Уиллиса? И кто знает, как назывался его плот? Очень немногие. Мало того, даже в Соединенных Штатах имя это не очень

известно, несмотря на то что Уиллис — американец и газеты говорили о нем в то время, когда он плавал на плоту, и после его смерти. О рекламе Уильям Уиллис никогда не заботился.

Нужно посетить Киннелон в штате Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка, и толкнуть дверь, на которой прибита простая медная

*Уиллис на борту
«Семи маленьких
сестер». Через
девять лет
семидесятилетний
мореплаватель
второй раз
переплывает Тихий
океан (18 500
километров за 204
дня) на другом
плоту, с названием
«Возраст не
помеха»*

дощечка, начищенная до блеска: «Клуб путешественников». Это был самый недоступный клуб в Соединенных Штатах, а может быть, и во всем мире. Там было много необычных трофеев: экзотическое оружие, модели судов, фотографии и географические карты. Вот там об Уильяме Уиллисе помнят все и память его чтят. Там я и узнал подробности о его безрассудной и славной кончине.

Уильям Уиллис отправился в плавание не для того, чтобы побить рекорд «Кон-Тики», и не для доказательства какой бы то ни было теории. Он сам написал, зачем ему нужно было такое путешествие. Я опасаясь длинных цитат, но эту хочу здесь привести. Она показывает

нам взгляд на жизнь самого замечательного искателя приключений в Тихом океане.

«Меня всегда одушевляла глубокая вера в Природу, убежденность, что если вести жизнь суровую и согласную с тем, что я считаю законами Природы, то можно еще больше приблизиться к ней, набраться от нее силы. Такой путь был для меня путем счастья, я шел по нему с самого детства, и годы утвердили меня в мысли, что я не ошибся. А теперь, когда я еще полон сил, душевных и физических, мне хочется испытать высшее испытание, какое каждый человек в то или иное время должен взять на себя. Я хочу пройти через тяжелый труд, непрерывный, без отдыха, питаться только грубой, скудной пищей, подвергаться ударам стихий, пройти через ужас одиночества и жить, как солдат в бою, под постоянной угрозой смерти».

За свою жизнь Уильям Уиллис испробовал профессии лесоруба, металлурга, акробата, борца, был охотником на Аляске, официантом, каменщиком. И разумеется, моряком: убирал паруса на высоких мачтах парусников, огибавших мыс Горн. К тому же он еще и поэт. Французский издатель, напечатавший его книгу о плавании на плоту, подписал договор, не видев рукописи, просто потому, что читал когда-то сборник поэм Уильяма Уиллиса — “Hell, Nail and Hurricanes” («Ад, град и ураганы»), изданный в США.

Уильям Уиллис родился в Гамбурге и провел там свою молодость. Я задал ему вопрос, не этим ли объясняется его призвание моряка.

— Разумеется. Ни отец мой, немец, ни мать, чешка, по соленой воде никогда не плавали, но в четыре года я бегал около моря в Гамбурге. Большой порт, где теснились суда, меня очаровал. Однажды, когда мне было пять лет, я забрался в лодку, отвязал причальный канат и взялся за весла. Но они были слишком велики для моих маленьких рук, и меня стало уносить приливным течением. Предупрежденный докерами и моряками, на выручку мне пришел полицейский катер. В пятнадцать лет я нанялся на четырехмачтовое судно, отправлявшееся в Южную Америку. Таким образом было положено начало. Долгие годы потом я не плавал, но море оставило след в моей душе.

И вот в 1951 году явилась мысль переплыть в одиночку на плоту Тихий океан.

— Я очень хорошо понимал, что говорить обо мне будут гораздо меньше, чем о людях с «Кон-Тики», даже совсем мало, и прежде всего потому, что я вернусь из плавания после того, как уже очень много поговорят о них. Но для меня это не имело значения. Я просто хотел подвергнуть себя испытанию.

После эксперимента «Кон-Тики» трудно было не понять, что лучшее дерево для постройки плота, предназначенного для долгого плавания, — бальса.

Уильяму Уиллису нужны были стволы диаметром 80 сантиметров, а лесорубы экваториальных лесов не давали бальсе достичь такой толщины, чтобы легче было ее вывозить. Поиски оказались долгими и

трудными. На жалком, маленьком, взятом напрокат самолете, который нырял в воздушные ямы, Уиллис летал высоко над лесом и наконец нашел, что ему требовалось. Срубленные деревья сплавом были доставлены по рекам в Гуайякиль, где 2 августа 1954 года началось сооружение плота.

— Я вовсе не собирался копировать древние плоты, так как мне нужен был плот, которым мог бы управлять один человек.

Главная техническая необходимость — не рулевое весло, а настоящий руль.

— Мне нужно было обычное рулевое колесо, соединенное с классическим пером руля. Его я и велел сделать и установить.

Впоследствии это приспособление показало, что, несмотря на зловещие пророчества многих моряков, оно отлично сбивало большие волны, идущие с кормы.

Бальсовые бревна, как и на «Кон-Тики», крепились веревками. Плот Уиллиса имел десять метров в длину, шесть в ширину, на нем было две мачты и бушприт, из парусов — грот и кливер. На палубе маленькая закрытая каюта. Нос несколько заострен.

Что касается питания, Уиллис решил взять с собой не научно рассчитанный набор продуктов, а *мачику* и *распадуру*.

— Мачика — распространенный продукт питания индейцев Анд. Это мука из жареной кукурузы. В нее добавляют немного воды, скатывают в шарик и глотают. Не нужно ни пекчи, ни кастрюлек. От этой пищи у вас появляется сила лошади. Индейцы едят мачику непрерывно, когда переносят через горы, в разреженном воздухе, свои непомерные грузы. А распадура — это неочищенный сахар. У меня была уверенность, что с мачикой и распадурой я хорошо продержусь.

Печку Уиллис все же взял с собой, «чтобы жарить рыбу». Запасы пресной воды: 450 литров в спаянных друг с другом бидонах. Зеваки, наблюдавшие, как строят плот и готовятся к отплытию, качали головами: «Этот еще ненормальнее, чем те, с «Кон-Тики». Собирается плыть один, а это ведь невозможно». Существуют люди, которых слово «невозможно» только подстрекает еще сильнее.

Я знал нескольких одиночных мореплавателей, и, почему бы не сказать прямо, все они были не так уж симпатичны. Фаланга этих необычайно смелых людей насчитывает несколько нелюдимых мизантропов со сложной психикой, склонных иногда к ипохондрии. А более открытого, более общительного и душевного человека, чем Уиллис, я редко встречал. Ни малейшей позы, ни тени скрытности. Этот человек отправился в плавание один просто потому, что считал такое испытание благотворным для себя.

11 июня 1954 года готовый плот стали поднимать на борт грузового судна, чтобы доставить его в Кальяо. Помогая при этом маневре, Уиллис уперся в форштевень буксира, грозившего задеть плот. «Я напрягал все свои мускулы и чувствовал, как разрываюсь под кожей. Я вошел в каюту, чтобы осмотреть себя, и обнаружил, что у меня

образовалась грыжа. Но я решил не говорить об этом жене и вообще никому: ничто не должно меня больше задерживать».

— Я ждала его в Калье, — рассказывала Тедди. — Мы с ним провели четыре дня в гостинице. 22 июня после завтрака, когда мы снова на минутку поднялись в номер, я заставила его дать слово не плыть до Австралии, и он обещал мне остановиться на Самоа. И тут я ему поверила. Поверила чуть больше, чем прежде. Потом мы вышли, и целых два часа нас терзали фотографии и журналисты, протягивая нам микрофоны. Мы должны были произносить прощальные слова. Эту сцену прощания они заставили нас повторить несколько раз. У меня уже не было сил, но я все же выдержала. И вот плот стал удаляться.

— У нее еще хватило сил улыбнуться мне, — сказал Уильям Уиллис.

Как и «Кон-Тики», плот «Семь маленьких сестер» был выведен на буксире на шестьдесят миль от берега, до течения Гумбольдта. Плот свой Уиллис назвал в честь созвездия Плеяд — так оно называется у греков.

На плоту путешественник все же не был один. Он увозил с собой двух животных: черную кошку Мики и попугая Эки. Мики то сидела на привязи, то свободно разгуливала по бальсовым бревнам. У Эки была клетка, откуда он мог выходить. Попугай охотно усаживался на верхушку мачты.

«Лодку можно оснастить таким образом, — писал Уиллис, — что человек один сумеет управлять ею из кокпита при любых обстоятельствах. С плотом дело обстоит иначе: при каждом маневре мне приходится быть одновременно всюду. Я должен рассчитывать свои движения исключительно точно и быстро».

Этот испытанный мореплаватель очень скоро заметил, что его плот замечательно выдерживает плавание, даже при малоблагоприятной погоде. Он поднимался на волну, совершенно не кренясь. Вначале больше остальных пассажиров страдала кошка, которая слишком часто становилась мокрой от набегавших волн, но она старалась защищаться и вскоре приноровилась к обстановке. Для нее Уиллис взял с собой в плавание консервы, а для попугая — кукурузные початки и бананы.

Несмотря на ловкость и мореходный опыт, Уильяма Уиллиса терзала необходимость поспевать сразу всюду: «Я никогда не мог сосредоточить все свое внимание на руле: надо было постоянно следить за компасом и за парусами. Чтобы выполнить самое простое дело, я должен был возвращаться к нему раз десять, потому что всякий раз мне приходилось прыгать на руль, как только плот отклонялся от курса».

Участники больших одиночных гонок пользуются теперь автоматическим рулем. Он приводится в действие лопастью, на которую давит ветер и которую можно отрегулировать. Таким образом, их судно не сбивается с курса, если ветер не меняет слишком резко направление. Для плота при его медленном движении и более трудной управляемо-

сти такой руль не годится, так что Уиллису приходилось все время упорно бороться со сном. Несколько раз за время плавания сон одолевал его, и он должен был ему сдаться. Как мы увидим, Уиллису еще несколько раз, уже по другим причинам, приходилось бросать руль, и тогда плот двигался сам по себе. Но все остальное время он никогда по-настоящему не спал. Как только ветер немного свежел, он был в полном рабстве у своего руля в нескольких метрах от прибежища, и чем ненастнее была погода, тем дольше он там оставался. Состояние бодрствования с короткими минутами сонного забытья и внезапным пробуждением — вот какой режим установился у него под конец.

«Я хочу пройти через ужас одиночества». Стоит только выговорить эти слова, и вы уже будете сыты ими по горло. Казалось, все предметы на плоту понимали, что и они должны участвовать в испытании. То, что печка отказывалась действовать, было еще полбеды, а вот неполадки с хронометром — настоящая беда. У него были с собой еще только карманные часы, приемлемые для повседневной жизни, но слишком неточные для вычисления долготы. Жаль, что я не спросил у этого человека, говорившего, что он прежде плавал почти всегда матросом, где и когда он научился навигационным расчетам. Последовательный ряд определений места, который он приводит в своей книге и который можно выверить по карте, показывает, что плыл он очень точно. И все же я рискнул спросить, не получал ли он иногда свои координаты по радио. При этом вопросе Тедди Уиллис подняла плечи:

— Радио? Видели бы вы это радио! У его радиоустановки не было батарей, только маленькое динамо. Одной рукой надо было вертеть рукоятку, а другой работать ключом. Аппарат мог и принимать сообщения, но только на пяти килогерцах. Билл ведь ни разу не принял ни одного сообщения, а из тех, что послал, принято было только одно: накануне его прибытия на Самоа.

— Ну тут я не виноват. Я был бы доволен, если бы Тедди время от времени получала вести обо мне.

14 июля 1954 года. Уильям Уиллис миновал Галапагосские острова и вошел в полосу пассатов. «Не отрывая рук от руля, я наблюдал за ветрами, облаками, волнами, их формой и направлением, изучал их со всей сообразительностью, на какую был способен. Ощущение ветра на лице уже само по себе говорило о погоде. Ветер был моим Евангелием, облака и волны несли улыбку или гнев моей судьбы».

Заходящее солнце бросает красные отблески на гигантские волны, на западный склон каждого вала. С другой стороны они темные, почти черные. Настает ночь. Для страдающих бессонницей, будь то на море или на суше, ночь всегда кажется длинной. Уиллис на это не жаловался. Иногда он пел, иногда вел воображаемые разговоры с давними приятелями: «Что ты там делаешь, Уильям, один на этих бревнах? — Это не для того, чтобы изумить вас, друзья. Я совершаю

плавание благодаря тому, что узнал от вас, старые радиолюбители, и эта хитроумная одиссея только продолжение вашего дела».

Каждое утро — завтрак каменного века. Столовая ложка муки, разведенная в чашке в таком количестве воды, чтобы получилось густое тесто. Днем, когда позволяли обстоятельства, Уиллис снова ел мачику, а в трудных условиях или в борьбе со сном сосал сахар. Кошка и попугай не были его единственными спутниками. Появился еще один — Длинный Том.

Это была трехметровая акула, бурая с белыми по краям плавниками, замечательный образец акульего рода. Акулы временами рыскали вокруг плота, а затем исчезали. Но Том никогда не покидал своего поста. «Вначале его присутствие меня немного стесняло, потом я привык к нему. Я понимал, что, если упаду в воду, то окажусь в его пасти прежде, чем успею намокнуть».

Никто не может предсказать поведения акулы. 12 июля произошел случай, который мог бы составить прекрасный эпизод, если бы это снималось на киноленту. Утром Уильям Уиллис, стараясь поймать дельфина, свалился в море и через двадцать секунд уже был в шестидесяти метрах от плота. К счастью, он не выпустил из рук леску, закрепленную другим концом на плоту. Дециметр за дециметром, страшась каждую секунду увидеть, как рвется леска, в которой была его жизнь, он сумел подтянуться до своих бальсовых бревен и забраться наверх.

— А Длинный Том? Где он был в это время?

— На меня он не бросился. Меня хранила судьба.

Каждый раз, говоря о серьезных трудностях, из которых ему удалось выпутаться, Уиллис повторял эти слова: «Меня хранила судьба». Я не спросил его, верующий ли он человек, но, судя по всему, что он говорил, писал и делал, он был по крайней мере деист, а все писавшие о нем после его смерти журналисты много говорили о его духовности. Книгу о своем путешествии через Тихий океан он озаглавил «Боги были милостивы».

Милостивы, но не отвели ни одного испытания. 19 июля стонущий, полуживой Уиллис лежал, скорчившись, на своем плоту. Непонятно почему, без явных внешних причин, его вдруг схватила нестерпимая боль в солнечном сплетении. Как раз тот случай, когда вы вызываете врача и он не может понять, что с вами такое, но делает вам успокаивающий укол и звонит в клинику.

Уиллис, человек выносливый, привыкший к тяжелому труду и лишениям, называет главу, где рассказан этот случай, «Агония». Почти сутки длились титанические муки. Волны захлестывают плот, надвигается ночная тьма. «Я все надеялся, что боль возрастет до такой степени, что я потеряю сознание, и тогда мышцы расслабятся». Нет. С наступлением утра Уиллис нашел еще в себе силы, чтобы доползти до каюты, открыл аптечку. Морфия в ней не было, только аспирин. Уиллис взял горсть таблеток, размочил их в воде и проглотил.

Никакого эффекта. Со стоном он крутит рукоятку радиопередатчика, другой рукой выстукивает сообщение. Никто не принял его SOS, и он сам не знает, был ли он действительно послан.

«Я считал себя человеком очень сильным, а был лишь маленьким и ничтожным. Я видел, как распадается мое тело, словно вещество, никогда не имевшее настоящей реальности, как пепел на ветру. Кому я причинил вред на земной поверхности? Незримые грехи... Может быть, я согрешил в своих помыслах? Намерения для меня значат то же, что и поступки, они даже важнее поступков».

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Не могло это быть следствием грижи, о которой вы говорили? — спросил я.

— Не думаю. Врачи не видят связи. Мне кажется, это была не просто физическая боль. Причина ее таилась в моей душе.

— Вы считаете, что были за что-то наказаны?

— Возможно. Может быть, не желая того, я нарушил один из законов Природы.

— Вы имеете в виду дельфинов?

— Да.

Уильям Уиллис уже говорил мне об этом. Как и на «Кон-Тики», его меню разнообразили летучие рыбы, падавшие на плот. Но он еще ловил на удочку дельфинов. Хотя первый дельфин утащил его в море, он ловил их потом все время.

— Я ел их сырую печень, очень питательную и богатую витаминами. Правда, когда я убивал дельфинов, у меня были угрызения совести. Я слышал их дыхание, такое же, как у нас. Но, отрубая им голову, я никогда не разбивал черепа, зная, что их мозг удивительно похож на человеческий.

— А летучих рыб есть не грех?

— Они падали ко мне на плот, словно дар Природы. И я видел порой, как все вокруг их пожирают. Они выпрыгивают из воды и летят по воздуху, чтобы спастись от дельфинов, которые преследуют их под водой, и тогда парящие над волнами буревестники бросаются на них и уносят в клюве.

Проследим по карте путь «Семи маленьких сестер» через необъятный океан. Почти на середине пути, между Галапагосскими и Маркизскими островами, рядом с точкой определения места в полдень 6 августа вписано два слова: «Без воды».

Четыреста пятьдесят литров воды при отплытии. Однако соленые волны постепенно разъедали места спайки бидонов, и пресная вода стала вытекать. Осталось всего тридцать шесть литров. Уиллис сразу продумал несколько решений:

1. Ограничить потребление воды одной чашкой в день и остановиться на Маркизах вместо того, чтобы идти к Самоа. Это решение было им отвергнуто.

2. Выдавливать воду из пойманной рыбы. Решение частичное, так как

«мне приходилось проводить целые дни, не видев ни одной рыбы».

3. Пить морскую воду.

«Плавая на судах, я часто выпивал по чашке морской воды, чтобы заставить действовать кишечник. Четыре года назад, плавая на танкере порта Суэц, я каждый день выпивал четверть литра морской воды, чтобы бороться с воздействием бензиновых паров. Я был уверен, что ее можно пить, по крайней мере по чашке в день, без всяких последствий».

Уиллис пил ее без вреда для себя, сохраняя пресную воду для мачики. Набирать воду он старался в то время, когда поблизости не было акул — исключая Длинного Тома, на которого по-прежнему можно было положиться. «На ночь он уходил на полтора-два метра вглубь, но днем снова оказывался близ поверхности. Я с удивлением думал, что же он ест и когда ест. То, что я ему бросал, не позволяло набить как следует брюхо. Несомненно, он без вреда для себя мог поститься целый месяц. Спал он, плавая. Прямо перед его ужасной зубастой пастью всегда плавали три рыбы-лоцмана, сантиметров пятнадцати в длину, и порой задевали его. Длинный Том не обращал на них внимания». Приближались к плоту и киты. Уиллис видел их в такой же близости, как Тур Хейердал и его спутники, слышал, как дышат эти гигантские морские лошади.

Если, находясь в открытом море, вы видите при восходе солнца, что небо приобретает медный оттенок, пусть это вас насторожит заранее. 1 сентября. Плот находится теперь прямо к северу от Маркизского архипелага. Исчезли летучие рыбы, меньше стало дельфинов, стаи морских птиц улетели к югу — к земле. Днем погода остается ясной, но при закате солнца горизонт затягивается тучами цвета серы. Быстро наступает тропическая ночь, и почти сразу разыгрывается шторм.

Уильям Уиллис чувствует себя теперь хорошо. Одной рукой он крепко держит руль, и дождь, что хлещет прямо в лицо, ему скорее приятен: это ведь пресная вода. Шквал набегаёт за шквалом, вырываясь из темноты ночи длинной черной стеной в то время, как начинает завывать ветер. Уиллис успевает подумать: «Лучше бы убрать теперь грот». Он даже успевает отдать фал, закрепленный рядом с рулем. Парус спускается на один метр, потом хлопает и рвется. Начинается свистопляска.

Когда буря набирает силу, рев ее уже не смолкает, хотя временами становится глуше, и на этом основном фоне выделяются другие звуки, исходящие от неба, от моря и от той скорлупки на море, которой вы вверили свою жизнь. Среди всей этой кутерьмы Уильям Уиллис, старый моряк, чувствовал себя совершенно свободно и уверенно, различая голоса стихий, следя почти на самой поверхности бурного моря за курсом своего большого плота, идущего под одним кливером,

и похоже, что этот парус будет держаться. На стрелку компаса падает свет маленького фонаря, крохотный отважный язычок пламени, чудесный символ человеческой воли. «Если бы мы продолжали так плыть, мне не о чем было бы беспокоиться, буря могла бушевать хоть неделями, скорость, с какой пена неслась вдоль плота, показывала, что мы не теряем времени».

Шторм еще усилился, плот великолепно прыгал по волнам, снасти выдерживали напор ветра. Когда наступил рассвет, Уиллис увидел бегущие под ясным небом волны. Они и впрямь были высоки, как горы. Время от времени Уиллис отправлял в рот горсть сахара, чувствуя под тощей рукой свое исхудавшее лицо. «От меня остались только кожа да кости. Это хорошо, говорил я себе, избавься от своей плоти, от плоти прожитых лет, полумертвой, обреченной рассыпаться в прах, начини все сызнова, создай себе новую плоть, девственную плоть, свежую кровь, плоть и кровь путешествий».

Трое суток, словно живое изваяние, простоял он так у руля, питаясь горсткой сахара, утоляя жажду брызгами. Невероятное возбуждение снимало усталость. При свете солнца море, все еще бушевавшее, уже не казалось таким темным и непроницаемым, напротив, плот теперь скользил среди хрустальных гор. И в этой прозрачности Уиллис видел, как мелькали совсем рядом с ним, а иногда и выше него страшные пасти акул. Акулы поднимались и опускались вместе с волнами, безучастные, а на какой-то краткий миг, может быть, по-братски близкие, вовлеченные в космическое движение, которое пьянило человека, влюбленного в море.

5 сентября. На спокойной синей поверхности океана, чуть вздымаемой волнами зыби, на плоту у руля сидит человек, орудует иглой и поет. Уильям Уиллис привел в порядок снасти и теперь чинит свой грот. Поет он потому, что пересек меридиан острова Раройя из архипелага Туамоту, иными словами, только что побил рекорд «Кон-Тики», пройдя то же самое расстояние на двадцать восемь дней быстрее. В плавание он пустился не для рекордов, но факт есть факт, рекорд он побил, один на своем плоту. И плывет теперь дальше.

— 9 сентября вы упали с мачты, пытаясь высвободить снасть, застрявшую в блоке.

— Упал я всего лишь с трехметровой высоты, но ударился головой и потерял сознание. Пришел в себя ночью, снова потерял сознание и очнулся, когда уже солнце стало нагревать мне голову. Я был зол, потому что потерял целые сутки, а до конечной цели было еще шестьсот миль.

1600 миль, около 3000 километров. Чтобы пройти это расстояние, Уильяму Уилису понадобилось чуть больше трех месяцев. Питался он летучими рыбами и рыбой, пойманной на крючок, своей знаменитой мачикой и время от времени ел немного сахара. Жажду утолял морской водой, иногда собранной в парусину дождевой водой, которую он пил с наслаждением, но при этом всегда с благодарностью

думал о морской воде—без нее он умер бы от жажды. В своей книге Уильям Уиллис рассказывает о прекрасной погоде, о менее прекрасной погоде, о плохой погоде, но о бурях упоминает лишь мельком. Как будто ярость моря была бессильна перед этим тощим телом, обветренным, пропитанным солью, перед твердыми, как железо, мускулами, перед волей, выпестованной отрешением: «Подвластный всем капризам моря, приятным или неприятным, я жил наедине с Природой, вел нормальную жизнь человека, которая все время порождает порядок и радость существования». Можно ли на самом деле назвать эту жизнь нормальной? Считают ли боги, что этот одинокий человек чувствует себя очень счастливым и начинает проникаться гордостью? Может быть.

2 октября. Палящее солнце, мертвый штиль. На пустынной поверхности Тихого океана— «Семь маленьких сестер», и этот застывший плот сам кажется пустынным, если не считать неподвижного попугая в клетке, подвешенной к мачте, и черной кошки, растянувшейся в скудной тени каюты. За рулем никого. Можно подумать, что душа Уильяма Уиллиса устремилась прямо вверх, к высокому синему небу над океаном, а его тело, разорванное на куски, пребывает под синей гладкой поверхностью в желудках акул. Но нет, одинокий мореплаватель жив. Впервые с момента отплытия он укрылся в каюте. Лежит там неподвижно, закрыв все входы и выходы, чтобы в каюту не проникали солнечные лучи. Уильям Уиллис потерял зрение.

Накануне, 1 октября, определяя полуденную высоту солнца, он потерял зрение сначала на восемьдесят процентов, а чуть позднее и все целиком. Во время этой милосердной отсрочки он успел спустить и закрепить паруса, насыпать зерен в клетку попугая и положить рядом с кошкой хороший кусок рыбы. Потом он вошел в каюту и закрыл ее.

— Глаза мои, утомленные солью, солнцем и недостатком сна, не смогли выдержать напряжения при работе с секстаном. Несколько лет назад у меня были неприятности с глазами из-за взрыва на борту торгового судна. Вернувшись в Нью-Йорк, я услышал прогноз врача: «Можете ослепнуть на оба глаза». В течение нескольких недель мне пришлось лечиться. На плоту я думал, что это пройдет, что несколько дней в полной темноте приведут меня в равновесие. Слепота меня не пугала, так как я знал, что море впереди свободно, даже слепой я смог бы в конце концов пристать к берегу.

— Вы правда так думали?

Во взгляде Уиллиса я прочел некоторое удивление из-за слова «правда», которое у меня вырвалось. Ответила мне Тедди.

— Можете ему поверить, он действительно так думал. Это какое-то безумие. Но он опять-таки оказался прав.

8 октября к Уиллису возвратилось зрение, а через три дня на горизонте показался островок Тау из архипелага Самоа. Вот тогда мореплаватель и послал то единственное сообщение на землю,

которое было принято: «Плот 7Н TAS в 25 милях от Тау. Прошу помощи для высадки. Точка. На плоту все в порядке. Уиллис».

Следующий день — 12 октября, годовщина прибытия Колумба на американский островок, которому он дал название Сан-Сальвадор. Счастливое предзнаменование, думал Уиллис. Но земля откажется принять этого человека, который так долго обходился без нее. Остров Тау опоясан подводными скалами, коралловые рифы окружают его, словно крепостные стены. Подойти было невозможно, несмотря на двенадцатичасовые маневры. После Тау еще один остров оказался недоступным. Потом еще один.

Спасение пришло наконец с моря в виде американского судна береговой охраны, которое приняло сообщение и разыскивало плот среди островов. Сообщив на землю по радио о своей находке, оно на буксире повело плот к Паго-Паго, куда они прибыли 15 октября в 1 час 30 минут ночи. Там на причале в ярком свете прожекторов покорителя Тихого океана ожидала толпа туземцев, стоявших безмолвно и неподвижно, с венками из цветов в руках.

«Волнение, захлестнувшее и меня и их, поднималось до темных гор, обрамлявших эту сцену. Я стоял онемевший, парализованный среди ничем не нарушаемой тишины, смиренно склонив голову в благодарность за прием, какой они мне устроили. Плот вошел в полосу света и пристал к берегу».

Через несколько дней в самолете, летевшем в Нью-Йорк, Тедди рыдала, крепко обнимая своего мужа:

— Ожидание было ужасно. В следующий раз я отправлюсь с тобой.

— Ты думала, что я погиб? — спросил Билл.

— Нет, ты мне сказал, чтобы я не беспокоилась. Но другие считали тебя погибшим.

Рассказывая мне все это, Тедди мужественно улыбалась.

— Зато потом все было замечательно, — сказал я. — Вы стали знамениты, вас всюду приглашали, фотографировали, брали у вас интервью.

— Минутная вспышка. Чтобы оставаться на виду, этого нужно желать.

— Ваш муж написал книгу, которая стала бестселлером.

— Нет, не настоящим бестселлером. Она вышла после книги Хейердала, и потом, Билл себя ничем не утруждал.

Такая разница кажется мне несправедливой, как из-за самого подвига, так и литературных достоинств книги. Правда, человек получает то, чего он по-настоящему хочет, а мы видели, чего хотел Уильям Уиллис. Тедди, мне помнится, добавила:

— Я знаю, он поплывет еще раз, и я снова буду страдать.

— Нет, страдать ты больше не будешь, — возразил Билл и с нежной улыбкой обнял жену за плечи. Однако он не сказал, что больше не поплывет один.

И он поплыл снова. В 1963 году американские журналы вновь заговорили об Уильяме Уиллисе, сообщая, что этот семидесятилетний человек еще раз переплыл в одиночку Тихий океан на плоту,

названном «Возраст не помеха». С собой в плавание он взял только двух котят.

Я воспроизвел первое плавание Уильяма Уиллиса через Тихий океан потому, что он написал о нем книгу и потом я сам смог поговорить с ним об этом. Чтобы воспроизвести второе плавание (10 000 морских миль, то есть 18 500 километров за 204 дня), у меня недостаточно данных, так как Уильям Уиллис не считал нужным писать о нем. Этот подвиг не был для него поводом получить гласность или даже провести исследования. Это вновь было испытание самого себя. Безумие своего рода? Да, если учесть, что у этой бесконечной связи с морем была невинная жертва — Тедди. Тедди не жаловалась. Она всегда принимала с героической улыбкой эту сумасбродную семейную жизнь втроем.

В 1966 году Уильяму Уиллису исполнилось 73 года, и он решил, что теперь уже слишком стар, чтобы отправляться в океан на плоту. И тогда он задумал — все так же в одиночку — переплыть Атлантический океан с запада на восток на судне. Крохотном, едва больше четырех метров в длину, но настоящем судне с палубой, оснащенном таким образом, чтобы один человек мог управлять им из кокпита. Но тут боги решили, что были достаточно милостивы, и сделали предостережение: после двухмесячного плавания Уильям Уиллис, тяжело больной, был подобран в море и доставлен обратно в Соединенные Штаты. Через год он снова вышел в плавание, все на той же скорлупке, названной «Малышкой». Он проплыл две трети расстояния, когда его подобрало рыболовное судно, на этот раз почти без сознания, но он еще нашел в себе силы, чтобы возражать против своего спасения: «Оставьте меня в покое, я могу плыть дальше». Домой его все-таки вернули.

1 июня 1968 года. Фотографы и журналисты толпятся на пристани Монток (восточная оконечность Лонг-Айленда, вблизи Нью-Йорка), чтобы посмотреть на третье отплытие Уильяма Уиллиса на восток.

Биллу *семьдесят пять лет*, внешне это уже не тот человек, которого я знал. Более длинные, чем прежде, волосы совсем поседели, так же как усы и борода, которые он теперь носит. Но вид у него все же атлетический. Он поднял руку, улыбаясь фотографам. Его улыбка и свет, что озаряет все его лицо, вызывают у всех присутствующих одну и ту же мысль: одержимый.

Тедди нет среди этих людей, собравшихся на пристани. Она больше не в состоянии выносить прощания на людях. В маленькой квартирке, в доме 12 на 72-й Восточной улице, скоро опять начнется ее бесконечное ожидание. В пятый раз.

18 сентября 1968 года. Советский траулер из латвийского порта Лиепая медленно пробивался навстречу ветру под 55° северной широты, в 400 милях к западу от берегов Ирландии. В 9 часов 30

минут утра вахтенный матрос позвонил на капитанский мостик:
— Прямо впереди палубное судно.

Капитан уже засек предмет радиолокатором и поднес к глазам бинокль. У этого маленького судна, действительно очень маленького, был какой-то странный ход. Вернее, никакого хода, оно двигалось по течению, без мачты, без паруса, часть его такелажа свисала в беспорядке. Подобный вид судна имеет точное название в морском лексиконе — потерявшее управление.

Через полчаса два моряка с траулера поднялись на борт суденышка. Никого. Сломанную мачту унесло в море, кокпит на треть залит водой. Ясно, что этот ялик — на корме выведено его название «Малышка» — потрепан как следует бурей. В соответствии с морскими правилами латышские моряки тщательно все обследовали.

Ящик с сигнальными ракетами пуст, все ракеты использованы. Ясно, что находившийся здесь человек звал на помощь, только никто его не заметил. Судовой журнал немного подмок, но прочитать его можно. Последнее определение места сделано 20 июля, два месяца тому назад, указана только широта. Долготы нет: должно быть, у мореплавателя стали или разбились часы. Вот другие записи в журнале, помеченные той же датой: «Мое судно попало в шторм. Потеряно почти все продовольствие. Нет ни пищи, ни сигнальных ракет».

Предметы, найденные в ящике: фотоаппарат, бинокль. Секстан исчез. В том же ящике тетрадь с записями, предназначенными, очевидно, для статьи или книги, с такой заключительной фразой: «Море — царство смелого человека».

Под тетрадью американский паспорт номер 22757, выданный в Нью-Йорке 19 марта 1968 года на имя Уильяма Уиллиса.

Латвийский капитан велел поднять суденышко на борт траулера, потом для очистки совести немного обследовал этот район в поисках других вещей или трупа. Но чего можно было ожидать по прошествии двух месяцев?

Несколько позднее в дом 12 по 72-й Восточной улице явились два представителя полиции Нью-йоркского порта. С большой осторожностью они сначала сообщили миссис Уильям Уиллис о том, что в Атлантическом океане обнаружено потерявшее крушение маленькое судно. Она тяжело вздохнула, прежде чем ответить:

— У меня нет вестей с самого отплытия. Я только надеюсь, что судно, о котором вы говорите, не принадлежит моему мужу.

В кармане одного из этих людей лежал паспорт Уильяма Уиллиса. Другой полицейский решился наконец вытащить из своего кармана измятую бумажку, исписанную рукой Билла. Записка без даты, которую человек, одержимый морем, собирался передать с первым встречным кораблем: «По прибытии в ближайший порт будьте добры послать известие обо мне моей жене. Сообщите, где я находился в день нашей встречи, и скажите ей, что я совершенно здоров и полон оптимизма».

Послесловие

Вторая книга созданной Жоржем Блоном серии «Великий час океанов», посвященная Тихому океану, отличается от многих популярных изданий подобного рода своеобразием содержания и большой информативностью. В каждой из двенадцати глав книги автор отдает должное отважным и одержимым капитанам, первыми проложившим пути в Тихом океане, открывшим эру его познания, первыми осваивавшим далекие острова и материки. Да и как не назвать одержимыми людей, которые на несколько лет уходили из обжитых мест в неизвестность на судах, какие сейчас не выпускают дальше чем на десять миль от берега! Нетрудно себе представить, каков бы сейчас был ответ моряка, которому предложили бы двух-трехлетнее путешествие на корабле, имеющем всего 38 метров в длину, водоизмещением 360 тонн — и при этом численность команды более 200 человек! Я привел размеры одного из самых крупных судов, а обычно плавание совершали на кораблях водоизмещением до 100 тонн, т. е. чуть больше, чем у современных катеров. А ведь всю команду надо накормить и, главное, напоить пресной водой, которую везли на кораблях за тысячи миль. Если к этому добавить ужасные жилищные условия и не менее ужасное санитарное состояние судов, то можно себе представить, какой волей, мужеством и отвагой должны были обладать люди, рисковавшие отправиться в многолетнее плавание, из которого часто вообще не возвращались. Конечно, отправляясь в подобное путешествие, которое в наше время по праву считается авантюрой, и капитаны и команда в большинстве случаев преследовали меркантильные цели, но все равно отваги участникам этих походов было не занимать.

Жорж Блон обращает внимание читателей на героические характеры великих капитанов и в то же время подчеркивает, что одержимость

человека, самые захватывающие и, вероятно, самые трагичные в книге.

Читатель найдет в книге не только описание трудностей, с которыми были связаны открытия в Тихом океане, но и рассказ о приключениях на островах и в океане. Запоминаются самый знаменитый в мире

Современные жилища папуасов в деревне Бонгу на Берегу Маклая в Новой Гвинее. В этой деревне несколько лет прожил великий русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай, память которого местное население чтит до сих пор

мятеж на корабле «Баунти», происшедший в начале прошлого века, и целая глава детективного содержания, посвященная современным пиратам, грабившим суда и целые города на Филиппинах всего лишь десять лет назад, и подробно изложенные малоизвестные нашему читателю факты гибели американского крейсера «Джуно», потопленного японцами в 1942 году, с описанием психологии и поведения команды в океане после катастрофы.

В книге содержатся малоизвестные факты, в том числе касающиеся нашего соотечественника Гаврилы Прибылова, именем которого названы острова в Беринговом море. Так, в нашей литературе*

* М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения, т. 1. М., 1947.

указывается, что Прибылов практически случайно открыл «свои» острова, а Ж. Блон пишет о восемнадцати попытках обнаружить острова, на которых находились и находятся до сих пор громадные лежбища морских котиков (к сожалению, Ж. Блон не указывает источников, которыми он пользовался при составлении главы, посвященной открытию Гаврилы Прибылова). Также относительно малоизвестны читателю жизнь и путешествия монахов Лоайсы и Урданеты, иезуита Ксавье, Альваро Менданы и Изабеллы де Баррето.

Наибольшее внимание в книге уделяется жизни и деятельности французских исследователей: Бугенвиля, Лаперуза, д'Антркасто, Дюмон-Дюрвиля, что вполне естественно, учитывая национальную принадлежность автора. При этом французские мореплаватели в изображении автора выглядят более мягкими, человечными и добрыми людьми, нежели представители других национальностей. Вряд ли это соответствует действительности, ибо в условиях того времени, при случайном и пестром составе команды, как пишет сам Блон, со стороны капитана необходима была строгость, а зачастую и жесткость, чтобы держать в повиновении большую группу ничем в сущности не объединенных людей.

Значительный пробел книги, предлагаемой читателям,— почти полное отсутствие в ней имен русских исследователей, которые наряду с Куком и Лаперузом внесли огромный вклад в открытие новых земель и освоение просторов Тихого океана. Уже в первой четверти XVIII века Витус Беринг установил существование пролива между Азией и Северной Америкой, обследовал побережье Камчатки, открыл некоторые острова в Алеутской гряде, описал Курильские острова и берега Северной Японии, первым обследовал побережье Северо-Западной Америки. Исследования А. И. Чирикова в значительной степени дополнили сведения, полученные Берингом, особенно по части обследования американского побережья. И это было сделано до плавания Лаперуза в северной части Тихого океана.

Ж. Блон упустил из виду результаты первой русской кругосветной экспедиции 1803—1805 годов под командованием И. Ф. Крузенштерна и его помощника Ю. Ф. Лисянского. Во время плавания на судах «Надежда» и «Нева» было открыто несколько неизвестных островов в Тихом океане, описаны остров Пасхи, Сахалин, Курильские острова, остров Кадьяк и др. В 1816 году лейтенант русского флота О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» открыл в архипелаге Туамоту острова Румянцева, Спиридова, островную цепь Рюрика, группу островов Крузенштерна, в восточной части Маршалловых островов — острова Кутузова и Суворова, острова Нового Года, Румянцева, Чичагова, Аракчеева, Траверсе, Крузенштерна, Гейдена и залив Коцебу на Аляске у полярного круга. Позднее, в 1823—1826 годах, Коцебу открыл в Маршалловом архипелаге группу островов Беллинсгаузена, острова Эшшольца и Римского-Корсакова. Русским мореплавателям Ф. Ф. Беллинсгаузену и М. П. Лазареву принадлежит честь

открытия Антарктиды и 29 неизвестных островов в Полинезии и в архипелаге Туамоту. А ведь далеко не каждому мореплавателю удастся открыть целый материк!

Не упоминаются в книге Ж. Блона и другие русские исследователи Тихого океана, такие, как Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель. Не упомянуты в ней и всемирно известные исследования Новой Гвинеи, Малакки, островов Тихого океана и Австралии, предпринятые Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем.

Отсутствие сведений о русских географических открытиях в Тихом океане, естественно, является большим недостатком книги. Но, несмотря на это, читатели прочтут ее с удовольствием. Вместе с героями книги они как бы окажутся в далеких сказочных странах, узнают много нового, испытают невероятное количество опасностей и тревог. Удовольствию от чтения книги в немалой степени способствует хороший литературный язык изложения, в чем, несомненно, большая заслуга переводчика.

*Доктор географических наук
профессор Л. Г. Никифоров*

Комментарии

I

¹ Площадь Тихого океана равна 179 679 тыс. км², что составляет половину площади Мирового океана и более $\frac{1}{3}$ поверхности земного шара. Объем водной массы равен 723 699 тыс. км³.

² Языки народов Океании (кроме папуасских) входят в малайско-полинезийскую группу языков. Языки папуасов не обнаруживают родства ни с какими другими языковыми семьями.

³ Наиболее древнее население Океании — папуасы антропологически принадлежат к различным типам восточной ветви негро-австралоидной большой расы. Предки папуасов — выходцы из Юго-Восточной Азии. В результате смешения с более поздними пришельцами из Юго-Восточной Азии произошли современные меланезийцы, в антропологическом отношении близкие к папуасам. Предки полинезийцев также выходцы из Юго-Восточной Азии и Индонезии и антропологически сильно отличаются от папуасов и меланезийцев. Среди них преобладают относительно светложелтые типы, возникшие при смешении австралоидных и монголоидных элементов. Расселение микроне-

зийцев также происходило из Индонезии через Филиппинские острова и было связано с переселением полинезийцев, с которыми микронезийцы близки антропологически, по культуре и языкам.

⁴ Много интересных сведений об острове Пасхи можно найти в недавно вышедшей книге: Ф. П. Кренделев. Остров Пасхи. Геология и проблемы. — Труды Геологического ин-та Бурятского филиала СО АН СССР. Новосибирск, 1976.

⁵ Брахицефалы (*brachys* — короткий, *kephale* — голова, греч.) — люди, у которых ширина черепа больше 0,8 его длины; долихоцефалы (*dolichos* — длинный, греч.) — люди, имеющие сравнительно узкую и удлинненную форму головы.

⁶ В 1970 г. на Гуаме насчитывалось 88,5 тыс. человек, в том числе 38,5 тыс. американских военнослужащих. Гуам — главная военно-морская и военно-воздушная база США на Тихом океане.

⁷ Так его принято называть. Подлинная португальская фамилия Фернана Магеллана — Магальянш (здесь и далее русская транскрипция имен, фамилий и географических названий да-

ется по трудам известного советского историко-географа И. П. Магидовича).

⁸ Корабли флотилии Магеллана следующие: «Тринидад», водоизмещением 110 т, «Сан-Антонио» — 120 т, «Консепсьон» — 90 т, «Виктория» — 85 т и «Сантьяго» — 75 т; в их экипаже было 265 человек.

⁹ Согласно записям Франсиско Альбо, кормчего на судне «Виктория», эти острова находятся в водах Южной Полинезии и Микронезии и названы Сан-Пабло (16°15' ю. ш.) и Тивуронес (11°15' ю. ш.). Магеллан и Альбо довольно точно определяли широту места, но, поскольку правильно исчислять долготу в те времена еще не умели, найти на современных картах указанные острова очень трудно.

¹⁰ 6 марта 1521 г. Магеллан открыл три острова из группы Марианских, названные сначала «островами Латинских Парусов» из-за треугольных парусов на лодках аборигенов. Во время стоянки у самого большого острова, очевидно Гуама, аборигены взбирались на корабли и хватали все что попало, вплоть до шляпки. Чтобы вернуть лодку, моряки Магеллана высадились на берег, сожгли несколько десятков хижин и убили 7 человек. После этого острова были переименованы в Воровские.

¹¹ В книге И. П. Магидовича «Очерки по истории географических открытий» (М., 1957) указывается, что флотилия Магеллана остановилась у острова Камигин, расположенного к северу от Минданао.

¹² Очень характерна следующая фраза Пигафетты: «Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться в лодки» (И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957).

¹³ В упоминавшейся уже книге И. П. Магидовича этот случай описан иначе. Капитанами были избраны

Дуарти Барбоза и Хуан Серрано. Жуан Лопиш Карвальо сначала был только кормчим «Консепсьона».

¹⁴ Тот самый Хуан Серрано, который был избран одним из капитанов.

¹⁵ Из 54 членов экипажа «Тринидада» вернулись на родину только три матроса и Гонсало Гомес Эспиноса.

¹⁶ Видимо, автор спутал два созвучных названия островов — Тидоре и Тимор. В конце января 1522 г. лоцман-малаец привел «Викторию» к острову Тимор, который она и покинула 13 февраля 1522 г.

¹⁷ На островах Зеленого Мыса отстали еще 13 человек (12 испанцев и один малаец), арестованные португальцами по подозрению в том, что они попали на Молукку восточным путем, нарушив тем самым монополию Португалии (см. примечание 2 к главе II).

¹⁸ И три малайца, попавшие на корабль в Индонезии. Кроме того, следует учесть еще четырех человек из команды «Тринидада» во главе с Эспиносой, возвратившихся на родину в 1526 г.

II

¹ Реконкиста (от *reconquistar* — отвоевывать, исп.) — возвращение испанцами и португальцами земель, захваченных в начале VIII в. арабами и берберами (названными позднее маврами) на территории Пиренейского полуострова. Реконкиста велась с VIII по XV в. под религиозными лозунгами борьбы христиан против мусульман. В это время были заложены основы исключительного могущества католической церкви в Испании и Португалии.

² После первого плавания Колумба через Атлантический океан и открытия им «Западной Индии» (Багамских островов, Кубы и Гаити) португальцы встревожились. По их мнению, были нарушены права, предоставленные Португалии римскими папами Николаем V и Каликстом III в 1452—1456

гг. и подтвержденные папой Сикстом IV в 1481 г., на владение землями, открытыми к югу и востоку от мыса Бохадор, «вплоть до индийцев». Кастильская королева и португальский король стали отстаивать свои права на земли за океаном. Папа Александр VI Борджиа (Родриго Борха), который был одной из самых мрачных фигур на папском престоле из-за многочисленных убийств, в 1493 г. произвел так называемый первый раздел мира. Через два месяца после возвращения Колумба специальной буллой (торжественным актом) папа предоставил кастильской короне права на земли, которые будут открыты «против западных частей и на океане» и не принадлежат какому-либо христианскому государю. Следующим днем, 4 мая, официально датирована новая папская булла, в которой кастильским королям даруются в вечное владение все острова и материи к западу и югу от линии, проведенной от «арктического полюса до антарктического полюса». Несмотря на то что такую линию невозможно было провести, папское решение легло на основу договора, подписанного в г. Тордесильяс 7 июня 1494 г.

³ Самый большой корабль, «Санта-Мария-де-ла-Виктория», водоизмещением 300 т, «Санкти-Эспиритус» — 200 т, два корабля водоизмещением более 150 т каждый и три малых судна — 60—80 т каждое (в том числе «Парраль»).

⁴ Сейчас он называется остров Джайлоло.

⁵ Новый командир Торивьо Саласар достиг Гуама, но умер на пути к Филиппинам. Заменивший его капитан — баск Мартин Инигес де Каркисано достиг Минданао, а оттуда повел «Санта-Марию» к Молуккам. Во время этого перехода из 145 членов экипажа 40 человек умерло от голода и цинги. На острове Тидоре, куда корабль прибыл в начале января 1527 г., испанцы стали строить укреп-

ления с помощью местных жителей, ненавидевших португальцев. Атаку португальцев удалось отбить, но корабль пришел в совершенно негодное состояние. Вскоре умер и Каркисано, и капитаном стал Эрнандо де ла Торре. Под его командой моряки держались, ожидая помощи из Испании. Одно из малых судов, «Парраль», под командой Нахеры достигло Филиппин и потерпело крушение к югу от Минданао. Часть экипажа спаслась на островке. Несколько уцелевших моряков были подобраны через полтора года испанским кораблем «Флорида» под командой Альваро Сааведры. В конце марта 1528 г. Сааведра пристал к острову Тидоре, но оказать существенную помощь людям с корабля Лоайсы не мог из-за малочисленности своей команды. «Флорида» решила вернуться в Мексику и просить помощи у Кортеса, но во время этого плавания Сааведра умер, а его заместитель вынужден был повернуть обратно и с большим трудом добрался наконец до Хальмахеры, куда к тому времени португальцы прогнали испанцев. В итоге на Хальмахере 60 испанцев все же попали в плен к португальцам, многие из них умерли, а оставшиеся в живых 16 человек были отправлены в Европу в 1534 г. Только восемь из них в 1536 г. добрались до родины. В их числе был прославившийся позднее кормчий Андрес Урданета, который через три года после возвращения стал монахом-августинцем.

⁶ «Общество Иисуса» — орден иезуитов, наиболее реакционная и воинствующая организация католической церкви, созданная в 1534 г. И. Лойолой и утвержденная в 1540 г. римским папой Павлом III. Орден был учрежден для борьбы с Реформацией и укрепления неограниченной папской власти. Построен на основе строжайшей дисциплины и беспрекословного повиновения пожизненно избираемому и несменяемому генера-

лу ордена («черному папе»). Орден был исполнителем самых преступных планов папской политики. В 1773 г. римский папа Климент XIV был вынужден формально закрыть орден, однако в действительности он продолжал существовать и существует до сих пор (по данным католической печати, в 1946 г. насчитывалось 28 тыс. членов ордена).

⁷ Синтоизм — религия, возникающая в Японии при первобытнообщинном строе. Многие обряды и представления были впоследствии заимствованы ею из буддизма. С 1868 по 1946 г. синтоизм был государственной религией Японии. Главное в синтоизме — поклонение многочисленным духам, которые олицетворялись в животных, растениях, душах предков и т. д.; связь между людьми и божествами осуществляется через императора (микадо) — потомка богини солнца и ее представителя на земле.

Буддизм — религия, проповедующая избавление от страданий путем нравственного самоусовершенствования и отказа от желаний, достижение высшего просветления — «нирваны». Зародился в Индии, где в III в. до н. э. был провозглашен официальной религией. Распространен в Японии, Китае, Непале, Бирме и других странах.

Конфуцианство — учение древнекитайского философа Конфуция. Согласно конфуцианству, судьба человека определяется «небом», и то, что люди делают на «благородных» и «низших», не может быть изменено. Младший должен безропотно подчиняться старшему, нижестоящий — вышестоящему. На протяжении многих веков это учение было господствующей идеологией феодального Китая.

⁸ Урданета умер в 1568 году в одном из мексиканских монастырей.

⁹ Вероятно, из группы островов Эллис.

¹⁰ Остров Санта-Изабель в архипелаге Соломоновых острова.

¹¹ Менданья решил, что он открыл

страну Офир, куда, по библейской легенде, царь Соломон посылал корабли за золотом для украшения Иерусалимского храма. Через полгода в Перу Менданья рассказывал о стране Офир, о черных людях, которые действительно там были, и о золоте, которого там в действительности не было. Через 30 лет перуанские власти организовали новую экспедицию к Соломоновым островам.

¹² В 1605 г. в Перу была организована новая экспедиция из трех кораблей под начальством Кироса. Он открыл несколько необитаемых островов в архипелаге Туамоту, один из густонаселенных атоллов из группы островов Общества, один из островов Самоа, обитаемый остров из группы Дафф (10° ю. ш.) и архипелаг, названный им «Австралия Святого Духа» (позднее переименованный в Новые Гебриды). Некоторые историки называют Кироса «последним испанским великим мореплавателем».

¹³ Остров Пасхи расположен на пересечении крупнейших океанических структур — Восточно-Тихоокеанского поднятия и подводного хребта Салаи-Гомес и характеризуется высокой сейсмичностью и вулканизмом. В пределах соседней Перуанской котловины, в депрессии Бауэр, отмечены громадные залежи железных руд, которые, видимо, и обусловили отклонение стрелок компасов.

¹⁴ Утверждение автора, что светлое будущее паскунцев связано только с развитием туризма, звучит достаточно наивно.

III

¹ Речь идет о Семилетней войне, в которой принимали участие Пруссия, Англия, Австрия, Россия, Саксония, Франция, Швеция, Португалия и некоторые другие страны. Война возникла в результате обострения англо-французской борьбы за колонии и столкновения агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии,

Франции и России. Военные действия между англичанами и французами вблизи границ Канады фактически начались еще в 1754 г. Во время Семилетней войны были подорваны колониальные позиции Франции, а Англия упрочила свое положение крупнейшей морской державы (Франция потеряла колонии в Индии и всю Канаду).

² В древности остров Кифера (теперь Китара), расположенный в Лаконском заливе (на юго-востоке Пелопоннеса), славился культом эллинской богини красоты Афродиты.

³ Пампельмусы — грейпфруты.

⁴ Бугенвиль был выпущен из тюрьмы после ареста (27 июля 1794 года) и казни Робеспьера и его ближайших соратников.

IV

¹ См. примечание 1 к главе III.

² Джозеф Банкс, впоследствии основатель Британского Африканского общества и председатель Королевского общества, путешествовал с Куком за свой счет со свитой из шести человек.

³ Кук не был первым англичанином, совершившим кругосветное путешествие. Первое английское кругосветное плавание (и второе после Магеллана) было совершено пиратом Френсисом Дрейком в 1577—1580 гг. После того как Дрейк разгромил «Непобедимую армаду», испано-португальскому господству над океанами был нанесен сокрушительный удар.

⁴ Согласно И. П. Магидовичу, таитянин Тупия и его слуга-мальчик умерли еще во время первого плавания Кука где-то в Индонезии в конце 1770 г.

⁵ Кук не верил, что какой-либо смертный может совершить в Антарктике больше, чем совершил он: «Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках материка,—писал он,— настолько велик, что я смело могу

сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...» (И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957). Но такие люди нашлись еще в эру парусного судоходства, и менее чем через полвека после того, как Кук написал эти горделивые слова (см. примечание 3 к главе V).

⁶ Чарльз Кларк повел оба корабля в Чукотское море, но достиг только 70°35' с. ш. и на обратном пути умер. Его похоронили в Петропавловске-Камчатском. Под командой Джона Гора корабли, обойдя вокруг мыса Доброй Надежды, 4 октября 1780 г. возвратились в Англию.

V

¹ Речь идет о Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

² С вступлением на престол Карла X усилилась оппозиция крупного дворянства и духовенства. Попытка дворянства ограничить права буржуазии вызвала народное восстание, и в результате Июльской революции 1830 г. власть перешла в руки Временного правительства, Карл X отрекся от престола и был изгнан в Англию. Королем Франции был провозглашен герцог Луи Филипп Орлеанский.

³ Один исследователь все-таки опередил Дюмон-Дюрвиля. Это был русский мореплаватель Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, который за 20 лет до Дюмон-Дюрвиля открыл целый материк — Антарктиду. Относительно Южного полюса Дюмон-Дюрвиль также преувеличил: достиг его только в 1911 г. норвежец Р. Амундсен.

VII

¹ После вступления на престол Людовика XVI дефицит в бюджете госу-

дарства непомерно возрос, финансовый кризис и неурожай резко ухудшили положение народа. Выборы в Генеральные штаты 1789 г. превратились в мощную политическую кампанию; 17 июня депутаты третьего сословия в Генеральных штатах объявили себя Национальным собранием, а 9 июля — Учредительным собранием. Попытка разогнать Национальное учредительное собрание вызвала всеобщее народное восстание в Париже 13—14 июля 1789 г. Началась Великая французская буржуазная революция.

IX

¹ Конкистадоры — испанские завоеватели, захватившие в конце XV — XVI в. огромные территории в Южной и Центральной Америке. Отряды их состояли из разорившихся дворян, наемных солдат и уголовников. Конкистадоры установили на завоеванных территориях жестокий колониальный режим и истребили значительную часть индейцев.

² Имеется в виду Перуанское течение, которое является ответвлением течения Западных Ветров.

X

¹ Сельва — влажные тропические леса, распространенные на громадных низменных пространствах в бассейне реки Амазонки.

XI

¹ Имеется в виду калифорнийское землетрясение 18 апреля 1906 г. Эпицентр его располагался в зоне разлома Сан-Андреас, чуть западнее пролива Золотые Ворота. Интенсивность его достигала 8—12 баллов по шкале Меркалли, а площадь, на которой ощущалось землетрясение, составила 780 тыс. км². Погибло около 500 человек. Наибольший ущерб был нанесен сильнейшим пожаром, возникшим в Сан-Франциско после землетрясения.

² Советский Союз обладает самым большим научно-исследовательским флотом в мире и принимает участие практически во всех наиболее важных и актуальных научных программах и проектах, в том числе и в проекте Мохол.

Оглавление

I	
Волна с востока, волна с запада	5
II	
Пионеры и робинзоны	30
III	
Бугенвиль, или цивилизация	55
IV	
Непоколебимый Джеймс Кук	70
V	
«Нет ли вестей о Лаперузе?»	84
VI	
Острова Прибылова	102
VII	
Самый знаменитый мятеж	111

VIII

Современные пираты	125
--------------------	-----

IX

По волнам Тихого океана	140
-------------------------	-----

X

Неудачи отважных	157
------------------	-----

XI

От неба до морских пучин	168
--------------------------	-----

XII

Одержимый морем	180
-----------------	-----

Послесловие	195
-------------	-----

Комментарии	200
-------------	-----

Блон Ж.

Б 70 Великий час океанов: Тихий/Пер. с франц. Л. А. Дервянкиной; отв. ред. и авт. предисл. и коммент. Л. Г. Никифоров.—М.: Мысль, 1979.—208 с., ил.—(Путешествия. Приключения. Поиск)

1 р. 60 к.

Это вторая книга из серии «Великий час океанов», созданной известным французским писателем и моряком Жоржем Блоном. В книге, состоящей из ряда новелл, увлекательно рассказывается о многих событиях из истории открытия и освоения просторов Тихого океана. В ней описаны путешествия и таких известных мореплавателей, как Магеллан и Бугенвиль, Кук и Лаперуз, и малоизвестных — Лоайсы, Урданеты и других. Многие страницы книги посвящены современным событиям и приключениям в океане — плаваниям Тура Хейердала, Уильяма Уиллиса, Эрика Бишопы.

20901-102
Б — Без объявл.
004(01)-79

551.49

ИБ № 254

Жорж Блон

**ВЕЛИКИЙ ЧАС
ОКЕАНОВ**

● ● **Тихий**

Заведующая
редакцией

К. О. Добронравова

Редактор

Т. М. Галицкая

Редактор

карт

О. В. Трифонова

Младший

редактор

С. И. Ларичева

Художественный

редактор

Е. М. Омеляновская

Технический

редактор

И. И. Сошникова

Корректор

З. Н. Смирнова

Сдано в набор 10.11.78

Подписано в печать 3.04.79.

Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1.

Гарнитура баскервиль.

Печать офсетная.

Усл. печатных листов 12,09.

Учетно-издательских

листов 14,61.

Тираж 100 000 экз.

Заказ № 3380.

Цена 1 р. 60 к.

Издательство

«Мысль».

117 071. Москва, В-71,

Ленинский

проспект, 15.

Ордена Октябрьской Ре-

волюции и ордена Трудо-

вого Красного Знамени

Первая Образцовая ти-

пография имени

А. А. Жданова Союзпо-

лиграфпрома при Госу-

дарственном комитете

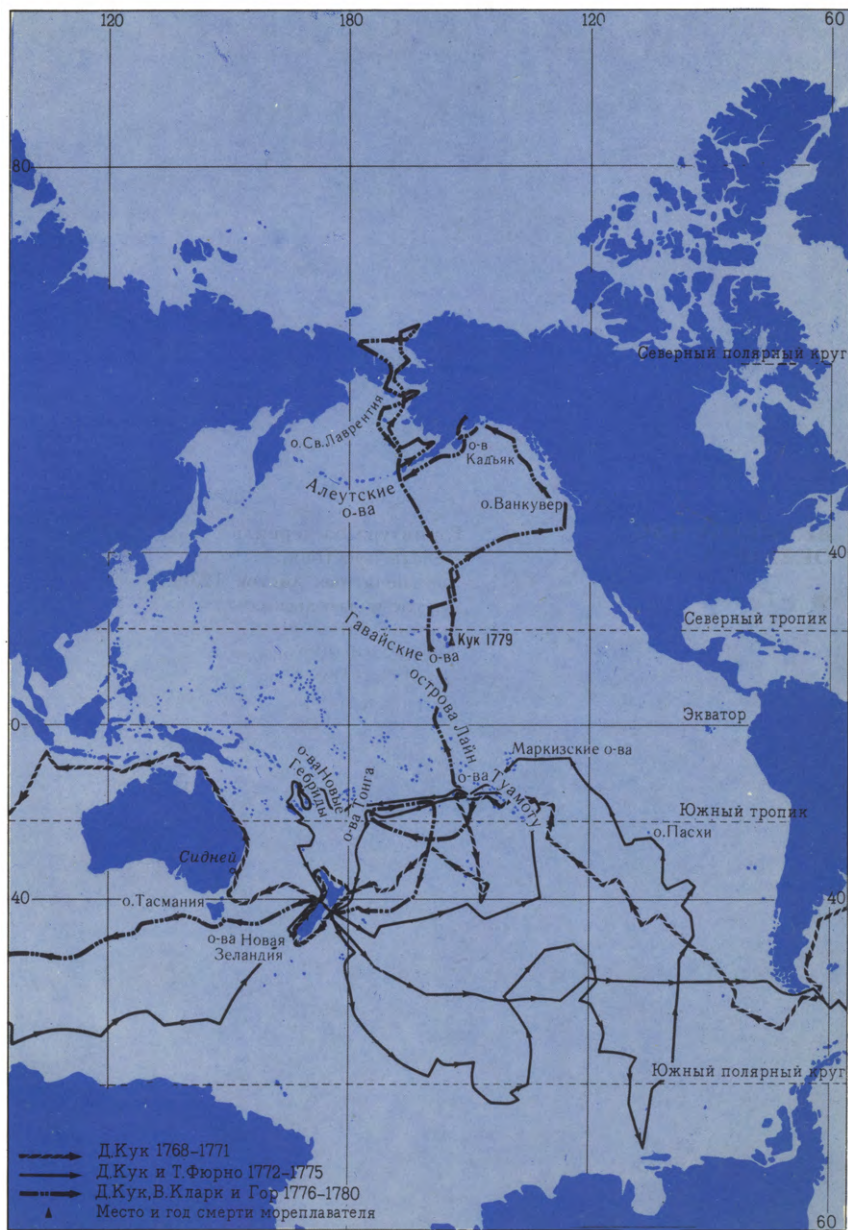
СССР по делам изда-

тельств, полиграфии и

книжной торговли.

113054. Москва, М-54, Ва-

ловая, 28

1 р. 60 к.

